アクセル
ワールド
06
浄火の神子
川原 礫
イラスト／HIMA
accel World 06
電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Харуюки - мальчик с избыточным весом, недавно поступивший в среднюю школу. У него типичные для толстого ребенка проблемы: заниженная самооценка, издевательства одноклассников и так далее. Его единственная отдушина - виртуальный мир, где неуклюжее реальное тело не мешает быстрой реакции мозга. В школьной сети он играет в сквош, и его невероятные результаты замечает первая красавица школы Черноснежка. Она предлагает Харуюки открыть для себя иной мир, где скорость мысли и воля сражаться определяют все.

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Послесловие автора
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27

Перевод с японского языка – Ushwood
Консультант по японскому – arknarok
Любое коммерческое использование данного текста или его фрагментов запрещено

アクセル・ワールド 06
浄火の神子
川原 礫
イラスト／HIMA
デザイン／ビィビィ

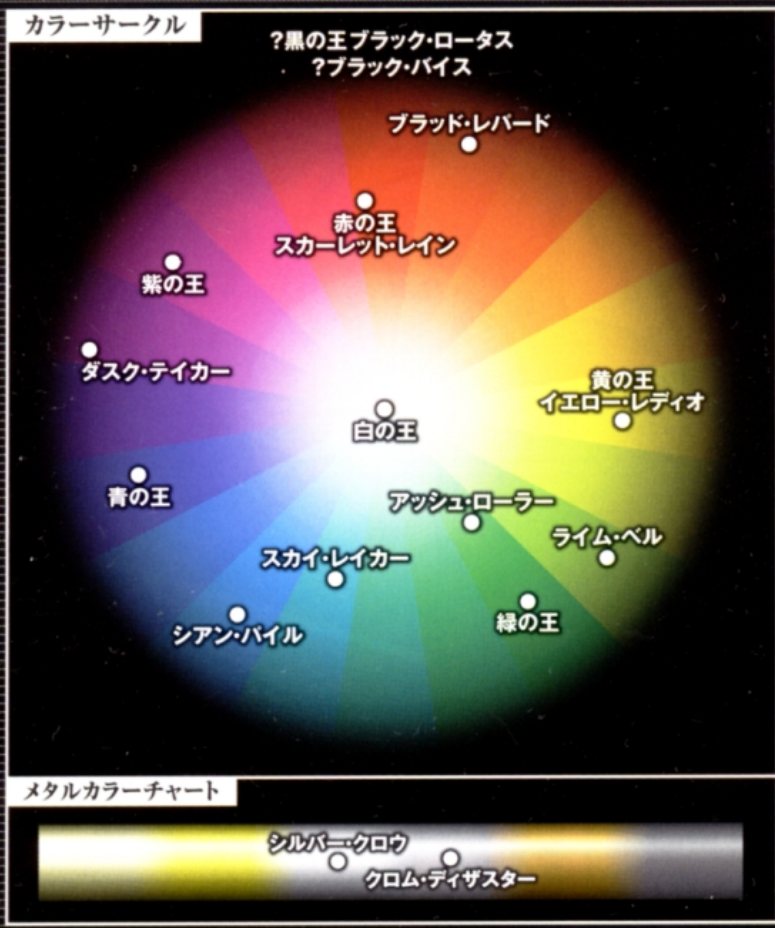
アイボリー・タワー
白のレギオン《オシュトリ・ユニヴァース》所属バーストリンカー、白の王の全権代理ファルターとして《七王会議》に参加
イエロー・レディオ
黄のレギオン《クリプト・コズミック・サーガス》頭首、《放射性惑乱》の二つ名を持つ黄の王
「これで全員揃ったな。では、《七王会議》を始めさせてもらう。
議題はもちろん、《災禍の鎧》によるシルバー・クロウの《汚染》についてだ」
パープル・ソーン
紫のレギオン《オーロラ・オーバル》頭首、《強制転移》の二つ名を持つ紫の王
ブルー・ナイト
青のレギオン《レオニーズ》頭首、《剛型》、《神獣殺し》、その他多くの二つ名を持つ青の王
グリーン・グランデ
緑のレギオン《グレート・ウォール》頭首、《絶対防御》の二つ名を持つ緑の王
スカーレット・レイン
赤のレギオン《プロミネンス》頭首、《不動要塞》の二つ名を持つ赤の王

「気にしないでください。こういう事態に備えて
体操服に着替えてきたわけですから」
四埜宮謡（シノミヤウタイ）
梅郷中学と同系列の
松乃木学園初等部に通う
小学生

「クーさん、一度だけでいいので、
敵の攻撃を防いでください。
私の心意技は発動に
ちょっと時間がかかるのです」
アーダー
メイデン
近接戦闘を得意とする
バーストリンカー

黒雪姫
《黒の王》ブラック・ロータスを操る梅郷中学副生徒会長
「では、私が考案した《災禍の鎧浄化計画》を説明する」
ハルユキ
中学内格差最底辺の少年
『……!!』
タクム
ハルユキのクラスメイト、親友でもある
フーコ
スカイレイカー。ハルユキに《心意》システムを伝授した師匠的存在
チユリ
ハルユキの幼馴染

≪ブレイン・バースト≫におけるデュエル・アバターの≪相性≫



バースト・リンカーに自動的に付与される英語名には、必ず色を示す単語が含まれている。その色によって、デュエル・アバターが持つ属性をおおよそ把握することができる。<青系統>は近距離直接攻撃、<赤系統>は遠距離直接攻撃、<黄系統>は間接攻撃、紫や緑のような中間色は、二つの系統にまたがった属性を持つ。

また、それらカラーサークルに分布する色とは別に金属の名を冠した<メタルカラー>が存在する。チャートの左から、白金(プラチナ)～金(ゴールド)～銀(シルバー)～クロム～銅(ブロンズ)～鉄(アイアン)という分布である。これらのカラーは、攻撃ではなく防御能力に秀でた属性で、チャートの左にいくほど対特殊攻撃防御が高く、右にいくほど対物理攻撃防御が高い。たとえばハルユキのアバター<シルバー・クロウ>は、切断・貫通・炎熱・毒攻撃に耐性があるものの、腐食攻撃や打撃攻撃に弱いという特性を持つ。

Пролог

Brain Burst – онлайновая игра-файтинг, основанная на технологии Полного погружения.

Однако, в отличие от других подобных игр, имеющихся на рынке, сражения между игроками происходят не на отдельных серверах в Глобальной сети.

Они происходят там, где находятся сами игроки – «Бёрст-линкеры». Реальный мир поделен на территории, и выбрать себе противника можно только среди находящихся на той же территории, где ты сам. Эти территории в Brain Burst называются боевыми зонами.

Размер боевой зоны может быть разным – в центре города один, на окраине другой; в целом, если говорить о двадцати трех районах Токио, то, как правило, один район включает в себя от двух до четырех зон. Скажем, район Сугинами поделен на три зоны, которые так и называются, «Первая боевая зона Сугинами», «Вторая» и «Третья». Для каждой боевой зоны существует свой «Дуэльный список», в котором указаны все Бёрст-линкеры, в этой зоне находящиеся. Любой игрок может либо выбрать любого другого из этого списка и вызвать на бой, либо остаться в «режиме ожидания», то есть ждать, когда вызовут его самого.

На двадцать три района приходится в общей сложности около шестидесяти боевых зон.

Всего Бёрст-линкеров около тысячи, и почти все они живут в центральной части Токио, так что дуэльные списки обычно содержат по десять – двадцать человек одновременно. Естественно, это число зависит от места и времени; скажем, рядом со станцией Синдзюку или в Акихабаре вечером выходного дня оно может доходить и до сотни.

Когда так много людей находится в одном и том же месте, время от времени случаются неожиданности. Выбранный в дуэльном списке противник может объявиться на арене в считанных метрах от вызвавшего, или кто-то из дуэлянтов может оказаться рядом со зрителями.

Арены для VR-сражений Brain Burst реконструируются на основе снимков камер сверхвысокого разрешения, так называемых «Общественных камер», целая сеть которых покрывает Японию. Иными словами, здания и дороги на аренах, хоть их внешний вид и определяется случайными «свойствами арены», в целом имеют ту же форму, что и в реальном мире.

Это означает, что, если дуэльные аватары возникли рядом друг с другом, то и сами Бёрст-линкеры в реальном мире

находятся совсем близко. А это уже неприятно. Более чем неприятно – опасно. Потому что раскрытие настоящего лица и имени Бёрст-линкера, так называемое «вторжение в реале» – самое большое табу. Если, скажем, Бёрст-линкера заснимут, а потом, проследив за ним, узнают его адрес и имя, то потом его могут похитить в реальном мире и угрозами либо другими средствами вытянуть из него бёрст-пойнты.

Людей, готовых пойти на такого рода преступления, в Ускоренном мире мало, но они есть. Их называют «физическими агрессорами» (сокращенно ФА)[1], и большие легионы пытаются с ними бороться, однако даже их имена вычислять очень трудно. Потому что подавляющее большинство жертв ФА теряет все свои бёрст-пойнты, а значит, их Brain Burst деинсталлируется, после чего они лишаются всех связанных с Ускоренным миром воспоминаний и никогда больше в него не возвращаются.

Шансы на такое развитие событий, конечно, низки, однако в оживленных боевых зонах опасность всегда присутствует, особенно в выходные дни.

Можно сказать и наоборот: в зонах, где Бёрст-линкеров немного, вероятность нарваться на вторжение в реале пренебрежимо мала.

Среди двадцати трех районов самая низкая плотность населения в западной части Сэтагаи, Оте и Эдогаве с окрестностями. При сравнительно больших размерах боевых зон этих районов в их дуэльных списках всегда мало людей.

Но, как ни удивительно, самая безопасная зона во всем Токио находится в самом центре, в Тиёде.

Тиёда – единственный из районов, не поделенный на боевые зоны. Если не считать Акихабары, имеющей особый статус, вся его громадная площадь представляет собой одну зону, но Бёрст-линкеров, считающих эту зону своим домом, практически нет.

Дело в том, что почти двадцать процентов площади Тиёды занимает Императорский дворец, куда доступ обычным людям закрыт.

Это правило действует и в Ускоренном мире. Внешний вид Императорского дворца зависит от свойств арены, однако сразу за его рвом всегда располагается стена, преодолеть которую невозможно. Поскольку посреди громадной карты находится громадная запретная зона, один из сражающихся может, например, в самом начале боя попасть в противника дальнобойной атакой, после чего ему совсем нетрудно наматывать круги до истечения тридцати минут и в итоге выиграть.

Если учесть, что сразу к северо-востоку от Тиёды находится

Акихабара, а к западу – мекка Бёрст-линкеров Синдзюку, желающих сражаться в такой проблемной боевой зоне почти нет. Поэтому и дуэльный список Тиёды обычно пустует. Однако польза от этого района все-таки есть.

Боевая зона в самом центре Токио, но при этом почти безопасная в плане неожиданных столкновений. Благодаря этой особенности ей было найдено необычное применение. Она стала местом не «сражений», а «переговоров». Сильные игроки, враждующие между собой, вполне могут приезжать в громадную Тиёду, не опасаясь вторжения в реале.

По этой самой причине…

16 июня 2047 года, воскресенье, час сорок пять пополудни.

Командир легиона «Нега Небьюлас», Черный король, она же «Блэк Лотус», она же Черноснежка; сублидер легиона, обладательница дуэльного аватара «Скай Рэйкер» Фуко Курасаки; и рядовой боец Харуюки Арита, он же «Сильвер Кроу» – втроем сидели в электромобиле на платной парковке в Фудзими, одном из кварталов Тиёды, и терпеливо ожидали начала «переговоров».

Нет, по масштабу это будут не просто переговоры между легионами.

Ровно в два часа начнется всего лишь второе за восемь лет существования Ускоренного мира собрание всех «семи королей чистых цветов».

Глава 1

– Учитель, это твоя собственная машина? – вдруг спросил с заднего сиденья Харуюки, не в силах совладать с нервами в ожидании надвигающейся встречи с семью королями. «Учитель», то есть Фуко, сидящая на месте водителя, удивленно покачала головой.

– Конечно же, нет. Это моей матери. На карманные деньги ученицы старшей школы машину никак не купишь.

– А, н-ну да…

Электромобиль имел миленькие округлые контуры, однако изнутри был обтянут ярко-кремово-желтой кожей, а посередине руля красовалась эмблема в виде змеи и креста. Харуюки знал, что эта эмблема принадлежит известному итальянскому автопроизводителю. Такая машина ни студенту колледжа, ни даже обычному молодому взрослому не по карману.

– Ты ей так легко управляешь, и я подумал, мало ли. Это, права у тебя же есть… да?

На второй робко заданный вопрос ответила не Фуко, а сидящая на переднем пассажирском сиденье Черноснежка:

– Хе-хе, ну конечно. Фуко в этом году исполнилось шестнадцать, она, в отличие от нас с тобой, уже взрослая – может получить водительские права и выйти замуж.

– …Сат-тян, ты как-то так это сказала…

Ну понятно, «взрослая»…

Харуюки потряс головой, пытаясь привести в порядок разбредшиеся мысли.

То ли семь, то ли восемь лет назад возраст, когда можно получать водительские права, понизили с восемнадцати до шестнадцати лет. Официально это было объяснено тем, что благодаря сети Общественных камер и управляющим автомобилями ИИ резко снизилась аварийность на дорогах, однако, по-видимому, была и другая, неозвученная причина.

В Японии 2040-х система соцобеспечения находится на грани коллапса из-за снижения рождаемости и роста продолжительности жизни. Население стареет, и работающая его часть уже не может обеспечивать остальных пенсиями и медицинскими услугами. Поэтому и снижают различные возрастные требования, в том числе для получения водительских прав – так правительство хочет увеличить численность работающей молодежи. Трудовое законодательство сейчас тоже пересматривается; например, с тех же шестнадцати лет уже разрешено нанимать людей на полную занятость.

Словом, Фуко по всем законам уже более чем наполовину взрослая. С Черноснежкой, которой сейчас пятнадцать, это произойдет в будущем году. А всего через два года настанет черед и Харуюки.

Конечно, это не значит, что, едва закончив среднюю школу, он сразу вынужден будет искать работу, – по сути, он еще какое-то время будет ребенком; однако все равно Харуюки чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Сколько я еще смогу оставаться нынешним мной?..

Поймав себя на этой мысли, он горько усмехнулся в душе. Ему вовсе не хотелось оставаться нынешним собой, а хотелось, наоборот, удрать от себя куда-нибудь далеко-далеко; и так было уже довольно долго.

Это стремление и сейчас еще не исчезло. Он не мог заставить себя полюбить свою уродливую среднешкольную внешность. Однако если бы какой-нибудь бог предложил ему перенестись в другое место и сделаться другим человеком, Харуюки бы отказался. Его место «здесь», то есть в узком смысле – на заднем сиденье электромобиля Фуко, а в широком – в Ускоренном мире. Можно сказать и по-другому: «Brain Burst», гордящийся своей невероятной детализацией и масштабом, дарит ему бесконечный восторг игры – и сверх этого ему ничего не надо.

Но, увы, и это вряд ли навсегда.

«Brain Burst» – игра. И, как и положено игре, он когда-нибудь закончится. Более того, его завершение – и есть то, к чему Харуюки и Черноснежка стремятся изо всех сил, ради чего сражаются.

Какую форму примет концовка игры, сегодня никому не известно. Может, когда Черноснежка достигнет десятого уровня, как она того желает, «Brain Burst» сам тут же деинсталлируется, может, наступит «конец детства» и безжалостно отберет право играть, а может, будет какая-нибудь вовсе невообразимая концовка.

Вот почему сейчас надо выложить все свои силы.

Изо всех сил играть, радоваться – и защищать. Защищать этот мир, где он может существовать вместе с теми, кого любит.

Так мысленно поклялся Харуюки, сидя на чуть тесном заднем сиденье, и сжал кулак – но тут же, вспомнив, в какой ситуации сам находится, глубоко вздохнул.

«Защищать»! Сейчас он не в том положении, чтобы делать такие понтовые заявления.

На собрании семи королей, которое начнется всего через десять минут, будут обсуждаться два вопроса. Первый – что делать с внезапно появившейся в мире «Brain Burst»

разрушительной организацией под названием «Общество исследования ускорения». А второй – что делать с непонятно как воскресшим Усиленным вооружением под названием «Доспех бедствия», Кром Дизастером.

Еще неделю назад обе темы были для всего-навсего пятиуровневого Харуюки чем-то заоблачным. Они для королей и их приближенных, а для него – понаблюдать за совещанием со стороны, и то ладно.

Сейчас, однако, Харуюки предстояло быть не зрителем, а одним из главных действующих лиц.

Потому что шестым владельцем воскрешенного «Доспеха бедствия» стал не кто иной, как Сильвер Кроу – то есть сам Харуюки.

– …Не нервничай так, Харуюки-кун.

Услышав спокойный голос с переднего сиденья, Харуюки резко поднял голову.

Обладательница голоса неожиданно повернула рычажок регулировки наклона спинки переднего пассажирского сиденья и откинулась назад. Харуюки поспешно сдвинулся так, чтобы оказаться позади водительского сиденья, и тут же спинка рядом с ним приняла почти горизонтальное положение. Волна гладких, длинных черных волос коснулась коленей Харуюки.

Сегодня Черноснежка была в необычном для нее наряде. Серые джинсы в обтяжку, такая же обтягивающая футболка с принтом. Поверх футболки – безрукавка из тонкой кожи в дырочку. Разумеется, черного цвета. Это резко контрастировало с женственным нарядом Фуко – платьем цвета слоновой кости, леггинсами до икр, – но в красоте Черноснежка от этого нисколько не теряла.

Улегшаяся прямо перед Харуюки Черноснежка скользящим движением вытянула правую руку, защипнула футболку Харуюки возле шеи и потянула. Тот подался вперед; его носа коснулся сладкий запах, совсем не такой, как от освежителя воздуха в машине, и мысли Харуюки почти полностью затормозились.

– Ничего не бойся. Все будет хорошо, я не позволю королям ничего с тобой сделать. Я тебя защищу, – прошептала Черноснежка, глядя на него в упор, отчего мысли в голове затуманились окончательно. Однако он усилием воли перевел думательные шестеренки в рабочий режим и ответил:

– Сп-пасибо. Но… ведь все короли, кроме семпая, будут требовать наказать Сильвер Кроу? То есть чтобы командир легиона… «Мечом правосудия»…

– Да, скорее всего.

– Если… ты откажешься, семпай, то они станут о тебе плохо думать? Ну, измываться будут?

Харуюки на личном опыте знал, каким жестоким может быть «обладающее силой большинство». Когда он учился в первом классе, над ним жестоко измывались школьные хулиганы, однако насилие как таковое началось не сразу. Сначала те люди вели себя с Харуюки по-дружески, но стоило ему отказаться от их приглашения и попытаться как-то дистанцироваться, как они тут же объявили, что это «предательство их дружбы», – и началось.

На этот раз, с точки зрения здравого смысла, сила на стороне не Черноснежки, а остальных шести королей. «Доспех бедствия» – проклятие, которое с начала существования Ускоренного мира поглотило множество жертв, и сам Харуюки считал, что его необходимо уничтожить. Если бы он мог сделать это самостоятельно, то давно бы сделал.

Если же это невозможно, то необходимо избавиться от Бёрст-линкера, который владеет «Доспехом». Если Черноснежка воспротивится этому «законному» решению – кто знает, какое эмоциональное и физическое давление будут на нее оказывать остальные шесть королей?

Это и тревожило Харуюки – но.

– Ха-ха-ха, да о чем ты говоришь, – вдруг рассмеялась Черноснежка. Харуюки удивленно заморгал.

Улыбка Черноснежки стала бесстрашной, и девушка, чуть понизив тон, заявила:

– Я и так уже их враг. С того времени, когда отказалась присоединяться к их глупому «пакту о ненападении». Если у шести королей есть какие-то возражения, они вполне могут сами вызвать меня на дуэль. Вообще-то я этого и хочу.

– …Семпай…

Боже, какая же она сильная и прекрасная… и храбрая.

Не обладая способностью перевести свои эмоции в слова, Харуюки ограничился тем, что впился глазами в прекрасные черные глаза напротив.

Острый блеск в глазах Черноснежки смягчился, и она встретила взгляд Харуюки ласковой улыбкой. Потом ее губы шевельнулись, и воздух качнул еле слышный шепот:

– Ты ведь с самого начала столько раз уже меня защищал…

Вытянув руку, она ласково провела кончиками пальцев по правой щеке Харуюки. Его сердце бешено заколотилось, но все же он кое-как сумел хриплым голосом ответить:

– Нет… это не… это ты меня…

Однако Черноснежка, легонько ткнув Харуюки в щеку указательным пальцем, пресекла все возражения:

– Я твой Родитель. И всегда тебя защищать – мое право и обязанность. Поэтому, когда настает такое время, ничего не

говори, а просто положись на меня.

– …Сем… пай… – сумел кое-как произнести Харуюки, чувствуя, как его грудь распирает от эмоций, но не отводя взгляда от глаз Черноснежки. Ласково кивнув в ответ, повелительница мечей снова провела пальцами по щеке Харуюки и шепотом повторила слова, которые сказала совсем недавно:

– Обещаю. Я тебя защищу.

– …Да. Да… я буду вериийя!

…Конец фразы смазался, перейдя в сдавленный вопль.

Потому что Харуюки придавило внезапно откинувшейся спинкой водительского сиденья.

Протянувшаяся спереди рука ухватила Харуюки за левое ухо, и одновременно с этим Фуко, глядя на него с надувшимся видом, возмущенно воскликнула:

– Эй, Сат-тян, Ворон-сан! В чужой машине перевозбуждаться за-пре-ще-но!

Когда обе девушки вернули спинки передних сидений обратно и Харуюки на заднем тоже привел себя в порядок, на часах уже было без трех минут два.

Он глянул вверх через окно. Июньское небо было в облаках, точно слегка хмурилось, но кое-где проглядывала и синева. Внезапная гроза могла бы ухудшить связь нейролинкера с сетью, но об этом, похоже, беспокоиться не стоило.

Черноснежка несколько раз легонько кашлянула и с некоторым напряжением в голосе произнесла:

– Эта встреча устроена не в формате битвы «все против всех». Двое подчиненных Синего короля, который ее организовал, начнут обычную дуэль, а остальные автоматически нырнут в качестве зрителей. Поэтому можно не опасаться, что на нас кто-нибудь нападет.

– Это… атаки с помощью «системы инкарнации» тоже невозможны?

На вопрос Харуюки ответила Фуко:

– Эмм, даже если кто-то и применит инкарнацию, зрителей на дуэльной арене он атаковать не сможет. Как минимум потому, что у зрителей нет полосы хит-пойнтов. На прошлой неделе во время гонки через «Гермес Корд» Раст Джигсо с помощью инкарнации смог нанести урон участникам и зрителям, потому что там было особое свойство арены: хит-пойнты были у всех, хотя и зафиксированные.

– Вот как, да?.. Как-то это смахивает… как будто… – невнятно забормотал Харуюки. Черноснежка тихим голосом закончила его фразу:

– Как будто *кто-то специально предусмотрел возможность срыва гонки с помощью инкарнации*, да?

– Э… не, нет, это уж как-то совсем… – лихорадочно замотал головой Харуюки. Если принять эту мысль, из нее неизбежно последует вывод. Вот такой вывод: разрушения, которые учинил Раст Джигсо, были одобрены самим создателем «Brain Burst».

Этого не может быть, абсолютно. Совершенно невозможно. Каковы бы ни были цели этого неизвестного разработчика, Харуюки как геймер его или ее глубоко уважал. Человек, который создал и поддерживает такую игру – нет, целый мир, дарящий радость, восторг, экстаз, – просто не может помогать подонкам вроде тех, из «Общества исследования ускорения».

– Харуюки-кун, – сквозь скрип собственных зубов услышал Харуюки мягкий голос Черноснежки. – Послушай и запомни. Главные действующие лица Ускоренного мира – все Бёрст-линкеры до единого. И ты в том числе. Какую форму ты придашь этому миру, зависит от тебя самого. Каковы бы ни были цели его создателя.

– …Да! – энергично кивнул Харуюки, и тут же на краю его поля зрения появилось сообщение, что осталось десять секунд.

– Хороший ответ. …Так, всем подключиться к Глобальной сети!

По сигналу командира легиона все трое нажали кнопку «Соединение», каждый на своем нейролинкере.

Вспыхнули индикаторы подсоединения к Глобальной сети, затем индикаторы уровня сигнала; потом они погасли, и через две секунды –

Баммм! Слух Харуюки сотряс звук ускорения.

Посреди поля зрения вспыхнула огненная надпись: «A REGISTERED DUEL IS BEGINNING!!!»

Глава 2

Наполненное странным желто-зеленым сиянием небо. Вымощенная иссиня-черной плиткой земля. Стоящие группами здания с множеством похожих на клыки выростов, клубящийся между ними густой туман.

– …Арена «Город демонов», да?.. Ну, можно сказать, подходит к сути сегодняшней встречи, – пробормотала Блэк Лотус, Черный король, и со стуком опустила острый кончик ноги на каменную плитку.

Какое-то время Харуюки смотрел на изящную, но в то же время свирепую фигуру своего обожаемого командира, потом перевел взгляд на безмолвно стоящий рядом с ним небесно-голубой аватар.

Эта фигура дышала элегантностью. Стройный женский аватар, густые синеватые волосы, струящиеся по спине. Гладкие руки и ноги – и ничего, что напоминало бы оружие.

Однако Харуюки знал. Две стройные ноги, на которых сейчас твердо стоял этот аватар, – свидетельство совершенного ей, Скай Рейкер, чуда.

Блэк Лотус была Родителем Харуюки и «повелительницей мечей», Рейкер же была для него «Учителем». Она на долгое время ушла с дуэльных арен Ускоренного мира и, забытая всеми, вела жизнь отшельника на вершине старой Токийской телебашни.

Причина была в том, что примерно два с половиной года назад она собственной волей отрезала себе ноги ниже колен, после чего лишилась большей части своих боевых возможностей. Однако встретившись с Харуюки, обладавшим почти такой же силой, как она, «способностью к полету», но временно утратившим ее, Рейкер сначала познакомила его с «системой инкарнации», а потом постепенно и себе вернула тягу к сражениям. И наконец в гонке через «Гермес Корд», состоявшейся на прошлой неделе, она сумела преодолеть свои душевные шрамы и восстановила ноги.

Как тяжело преодолеть силу «негативного воображения», Харуюки, однажды побывавший во власти Кром Дизастера, отлично знал.

Скорей всего, если бы тогда Тиюри, Лайм Белл, не спасла его, применив свою потрясающую способность «отмотка времени другого аватара назад», Харуюки был бы поглощен Доспехом и ненавистью к себе и принялся бы без разбору крушить зрителей гонки.

Всего несколько минут купания в негативной инкарнации – и

так сложно потом вернуться обратно. А Скай Рейкер сумела разорвать цепи страха и отчаяния, сковывавшие ее целых два с половиной года. Если это не чудо, то что тогда чудо?

Поглощенный эмоциями, Харуюки стоял неподвижно, глядя на ноги Рейкер, когда –

– Ворон-сан, тебе так нравятся мои прекрасные ноги? – раздался голос с затаенным смехом. Харуюки лихорадочно замотал головой и замахал руками.

– Нет, вовсе нет, то есть в смысле, очень красивые ноги, но я не в этом смысле, а…

– О, так у тебя по части ног фетиш, оказывается? Извини, что я тебе ни икр, ни лодыжек не могу предложить.

Это произнесла уже Черноснежка, опасно блеснув фиолетово-синими глазами. Харуюки повернулся к ней и снова заизвинялся:

– Это, это, ноги семпая мне тоже нравятся… нет, но фетиша у меня никакого нет… нет, ну в смысле…

Поняв, что чем больше он говорит, тем сильнее запутывается, Харуюки показал на юго-восток и воскликнул:

– Лу-лу-лучше вот, на курсоры гляньте! Вон там они! Быстрей, давайте туда быстрей!

В центре его поля зрения неподвижно висели два серых треугольника, показывающих в одном и том же направлении. Там находились двое дуэлянтов – высокопоставленных игроков Синего легиона, организующего сегодняшнюю встречу. Кроме того, над курсорами выстроились две полосы хит-пойнтов, а между ними был таймер обратного отсчета. От 1800 секунд, которые были с самого начала, осталось уже 1750.

– Кстати, мы же должны добраться туда за сто секунд. Придется теперь бежать.

Все трое разом кивнули друг другу и помчались на юг по дороге демонического города.

Во время обычных дуэлей зрители лишены права разрушать объекты на арене, зато взамен им даются повышенные скорость и прыгучесть. Харуюки и его спутники, стремясь к месту назначения, легко взбегали по стенам домов и перепрыгивали с крыши на крышу.

Секунд через двадцать бега густой туман, расстилавшийся в направлении их движения, вдруг кончился.

От зрелища, открывшегося глазам Харуюки, у него вырвалось:

– Уааа… г-громадина какая…

«Замок».

Чуть юго-восточнее того места, куда показывал курсор, возвышалось гигантское строение, словно подпирающее собой небо. Замок с синевато блестящими стальными шпилями и

непонятными скульптурами буквально доминировал над остальным демоническим городом, внушая благоговейный трепет. Вокруг высоких крепостных стен шел ров с водой, и ничего похожего на вход видно не было.

До сих пор во время многочисленных сражений в Синдзюку и Сугинами Харуюки лишь мельком видел далеко на востоке силуэт замка, но так близко к нему он оказался впервые. Харуюки словно в трансе уставился на это величественное сооружение, и тут справа от него раздался шепот Черноснежки:

– В реальном мире здесь Императорский дворец. И в Ускоренном мире это единственное место, куда попасть невозможно.

– Даже… даже перелететь никак?

На этот вопрос ответила бегущая слева Фуко:

– Угу. И сверху, и снизу от стены есть невидимый барьер. Так что ни по воздуху, ни под землей туда пробраться нельзя. Еще в начале игры люди самые разные способы перепробовали, но…

– Да. Ходят разные слухи, что там внутри спрятано какое-то суперкрутое Усиленное вооружение. Однако туда так никто и не смог попасть… на обычных дуэльных аренах.

Почувствовав что-то в этих словах Черноснежки, Харуюки переспросил:

– Ээ… что ты имеешь в виду?

Однако, прежде чем она успела ответить, Фуко резко прошептала:

– Смотрите… на том холме!

Харуюки перевел взгляд туда, куда она указала. И точно, там был небольшой холмик, а на нем виднелись две… нет, три человеческих фигурки. В реале здесь, скорее всего, располагался «Восточный сад» Императорского дворца. В отличие от самого дворца, он обычно открыт для посещения; Харуюки, еще когда учился в начальной школе, был здесь на экскурсии по обществоведению.

Чуть сбавив скорость, троица осторожно приблизилась. Конечно, их как зрителей атаковать никто не мог, но от мысли, что сейчас он окажется рядом с правителями Ускоренного мира, «королями чистых цветов», Харуюки невольно задрожал.

Перейдя по мосту широкий канал, они вошли в роскошные ворота и начали подниматься по лестнице, ведущей на холм. Неприступная громада «Демонического замка» высилась совсем рядом справа, но Харуюки больше не кидал туда взглядов, а смотрел лишь вперед и вверх.

Вскоре лестница кончилась, и их глазам открылось широкое пустое пространство, мощенное каменной плиткой.

В реальном мире здесь, по идее, должен был находиться луг перед руинами главного замка Эдо. Однако сейчас тут не было ни травинки, зато кольцом стояли громадные колонны.

Но почему-то одна, самая задняя колонна была совсем низкой, всего полметра в высоту.

И на этом обрубке сидел дуэльный аватар.

Синий. Глубокая, почти прозрачная, будто затягивающая в себя синева. Не цвет неба, не цвет моря. Все тело аватара было такого чистого синего цвета, какой трудно сравнить хоть с чем-то существующим в реальности.

Весь в броне – типичный «рыцарь». Но только вид у него был не зловещий, как у «Доспеха бедствия», а скорее как у храброго героя из легенд. По обе стороны забрала торчали рога, как у дракона, слева на поясе висел громадный двуручный меч.

Синий аватар сидел в расслабленной позе, закинув левую ногу на правую и скрестив руки на груди. Он не выглядел таким уж большим. Возможно, ростом где-то с Такуму – то есть с Сиан Пайла. Однако от его тела исходила невероятно давящая аура, словно летящий из космоса метеор; эта аура заставила Харуюки остановиться в двадцати метрах от аватара.

– …Э, это… – хрипло пробормотал он. Остановившаяся рядом с ним Рейкер чуть кивнула.

– Угу. Это командир легиона «Леонидс», занимающего территории Синдзюку и Бункё… Мастер меча, Убийца легенд и еще множество прозвищ – девятиуровневый Синий король, Блю Найт[2].

– Блю… Найт…

В любой другой игре такое примитивное имя носил бы какой-нибудь мелкий монстр, но в Ускоренном мире звуки этого имени создавали особое, уникальное впечатление.

От устрашающей ауры этого аватара у Харуюки задрожали плечи, и тут он наконец вспомнил. Сейчас этот рыцарь – не его противник по дуэли. Его статус такой же, как у самого Харуюки, – просто зритель. У зрителей нет ни атакующей мощи, ни полосы хит-пойнтов, и все же такое давление… подумать страшно, что было бы, сражайся с ним Харуюки один на один.

И тут. Раздался тихий звонкий стук, и окаменение Харуюки как рукой сняло.

Это шагнула Черноснежка. «Аура меча» Синего короля на фоне Черного короля сразу показалась Харуюки легким ветерком. Сделав несколько шагов, Черноснежка легонько взмахнула правой рукой-мечом.

– Поскольку ты сегодня хозяин, хочу тебя поприветствовать – надо же соблюсти правила приличия. …А ты не изменился, все

такой же невыносимо скучный, Найт.

Услышав это заявление Черноснежки, Харуюки мысленно завопил: «За-за-за-зачем ты его провоцируешь?!» Хуже того, Рейкер рядом с ним еще и захихикала. Харуюки едва не кинулся наутек, но, к счастью, прежде чем он успел это сделать, синий рыцарь чистым юношеским голосом ответил:

– …Знаешь, это вряд ли можно назвать приветствием, Лотус. Ты тоже не изменилась – все такая же раздражительная, хоть и прошло два с половиной года.

Он пожал плечами, лязгнув броней. И тут же угрожающая аура чудесным образом испарилась.

Судя по всему, Синий король был более легким в общении человеком, чем можно было бы подумать по голосу. Синий легион каждую неделю беспрерывно нападал на территорию черного легиона, и Харуюки был уверен, что сам король должен испытывать враждебность к Черноснежке, но, к его удивлению, это было, похоже, не так…

Так подумав, Харуюки почувствовал, как напряжение уходит из плеч, – и тут.

По обе стороны от Синего короля из густого тумана беззвучно вышли две очень похожие друг на друга человеческие фигуры.

Самураи!

Такая мысль мелькнула у Харуюки в голове. Покрывающие тела аватаров доспехи были набраны из горизонтальных металлических пластин – в японском стиле. Цвет левого аватара – глубокий ультрамарин. Цвет правого – более светлый, с прозеленью. На головах вместо кабуто были хатиганэ[3]; длинные волосы, завязанные в хвосты, спадали вниз. Судя по телосложению, оба аватара были женскими.

Два женских аватара необычными скользящими движениями пробежали несколько метров и, положив руки на рукояти висящих слева на поясе катан, прошипели:

– Тем, кто непочтителен с Мастером меча, нет прощения!

– Предательница, будь благодарна за то, что тебе хотя бы разрешили сюда явиться!

И снова атмосфера наполнилась враждебностью, будто наэлектризовалась. Харуюки содрогнулся от страха.

Как подчиненный Черного короля, он должен был бы принять вызов и ответить чем-нибудь таким же стильным, но он чувствовал, что, едва скажет хоть слово, ему голову оторвут, и потому рот не хотел открываться. В любом случае, эти две самурайки явно были высокопоставленными соратницами Синего короля, создавшими эту арену, то есть «дуэлянтами», а значит, обладали правом с обоюдного согласия изгонять мешающих им

зрителей.

…Но в следующий же миг.

– О, как вы стали носики-то задирать за то время, что мы не виделись, принцессочки, – со смехом в голосе ответила Скай Рейкер. Цокая высокими каблучками, она подошла к Черноснежке и встала рядом с ней, потом, вытянув правую руку в сторону самураек, покачала пальцем. – Может, мне, как в прошлые разы, свесить вас обеих с крыши Дома правительства?

«Иииииииииии! – снова мысленно завопил Харуюки. – Ты что, правда их так?!»

Впрочем, он тут же осознал, что для нее такое вполне в порядке вещей.

У бронированных самураек глаза-линзы вспыхнули яростным огнем, и они синхронно сжали рукояти катан.

– Ах ты… – в прекрасный унисон воскликнули они, но тут их прервал раздавшийся сзади голос Синего короля, в котором ощущалась натянутая улыбка:

– Достаточно, Кобаль, Мага.

– …Есть.

Две девушки быстро поклонились и синхронно отступили на шаг.

Харуюки облегченно перевел дух и снова посмотрел на две полосы хит-пойнтов наверху своего поля зрения.

Там сияли имена аватаров. Под левой полосой – «Кобальт Блейд». Под правой – «Манган Блейд»[4]. Судя по схожести имен и аватаров, у этих девушек и в реальном мире близкие характеры.

Если, допустим, они сестры, то Синий король, приблизивший к себе их обеих, – классный парень в самых разных смыслах этого слова… Пока Харуюки крутил в голове эти дурацкие мысли, Черноснежка легонько пожала плечами и снова произнесла:

– Кстати, Найт. Что это ты один сидишь – не приготовишь ли еще стулья?

– Ай как невежливо с моей стороны.

Синий король подал знак своим бронесамурайкам.

Те чуть подсели и снова взялись за рукояти катан. Харуюки даже не успел съежиться, когда –

Раздался высокий, чистый металлический звук, и пространство арены рассекли две сине-белые вспышки.

Перед распахнутыми глазами Харуюки запечатлелись как будто три отдельных кадра из фильма: правые руки самураек движутся, словно размывшись в пространстве; две катаны одновременно сверкают; и вот они уже снова в ножнах.

В следующий миг белый туман разорвался в клочья, и тут же здоровенные колонны, возвышавшиеся по обе стороны от

самураек, стали беззвучно падать – две за раз, три раза. Шесть столбов один за другим с грохотом рухнули на землю и разлетелись на множество мелких иссиня-черных обломков. Остались лишь гладкие, точно отполированные «пеньки».

– …Ни… фига себе… – только и смог выдавить ошеломленный Харуюки.

Тип этой дуэльной арены, вне всяких сомнений, – «Город демонов». Его главная особенность – невероятная прочность всех объектов. Когда Харуюки отрабатывал владение системой инкарнации, он лишь на несколько сантиметров пробивал стену здания «Города демонов» – и это после недели упорных тренировок.

А эти Кобальт Блейд и Манган Блейд разнесли каждая по три колонны одним ударом. Если бы на месте этих колонн оказался сам Харуюки, его голова и тело наверняка расстались бы вмиг.

Вот сила лучших Линкеров синего легиона. А король наверняка еще сильней.

И я, мы, собираемся сражаться с этими людьми…

Харуюки почувствовал, что его аватар весь дрожит; но тут его кто-то хлопнул по спине.

Скай Рейкер. Совершенно безоружный грациозный аватар придвинулся к уху Харуюки и прошептал:

– Разрубание неподвижных колонн – всего лишь игра на публику, Ворон-сан. Если тебя от такого в дрожь бросает, мне позже придется тебя наказать♡.

Харуюки резко выпрямился, а Черноснежка и ее лучшая подруга спокойно зашагали вперед. Подойдя к крайнему справа пеньку, Черноснежка села, а Рейкер встала за ее спиной. Харуюки, боящемуся наказания Учителя больше, чем тех самураек, ничего не оставалось, кроме как поспешно побежать следом и встать рядом с Рейкер, скрестив руки на груди и расправив плечи.

Самурайки тоже отступили за спину своего короля, и на миг на арене воцарилось молчание. Разбил его укоризненный голос Черноснежки:

– …Ну, раз мы с хозяином встречи закончили обмен приветствиями, может, и вам пора уже показаться? Сто секунд давно прошли.

И точно, таймер уже опустился ниже 1600 секунд. *Но «показаться» – что это значит? Здесь же только шесть человек из синего и черного легионов…*

С этой мыслью Харуюки начал было вертеть головой, но тут –

– Нда, я тут пытаюсь проявить сдержанность, а слышу такие слова, Лотус, – внезапно раздался из ниоткуда голос, сочетающий в себе чистую детскость и несгибаемую волю, а следом

послышался негромкий звук шагов.

Повернув голову, Харуюки обнаружил, что на пеньке всего в трех метрах справа от него появился силуэт.

Темно-красный аватар, производящий впечатление стоящего на задних лапах хищного зверя. Даже не стоило смотреть на острые треугольные ушки и длинный хвост, чтобы узнать одного из высокопоставленных членов легиона «Проминенс» – «Кровавого котенка», Блад Лепард.

На левой руке у нее сидел обладатель только что раздавшегося голоса – маленький алый аватар.

Две антенны, похожие на хвостики прически. Симпатичные овальные глаза-линзы. Ровная, гладкая броня рук и ног. Эта очаровательная маленькая девочка, будто выточенная из рубина, командовала легионом «Проминенс», контролирующим боевые зоны Нэримы и Накано. Красный король, Скарлет Рейн.

Обладающих колоссальной огневой мощью контейнеров, благодаря которым она заслужила прозвище «Неподвижная крепость», сейчас на ней не было. Глядя на ее миленький профиль, Харуюки собрался было позвать обеих девушек – «Рейн, Пард-сан».

Но тут.

Два красных аватара испустили ауру, не уступающую по мощи ауре Синего короля, и рот Харуюки сам собой захлопнулся.

Это было не как «оверрей» инкарнации. Невидимая, чистая жажда битвы.

Конечно, всё в Ускоренном мире – просто цифровой код, однако это «чувство настроя» – ни в коем случае не иллюзия. С точки зрения логики, вот это «один человек ощущает тяжесть боевого опыта другого человека» – можно сказать, что-то сверхъестественное, но сильный на самом деле способен одним своим существованием подавить волю слабого. И сейчас двое красных заставили Харуюки застыть на месте.

Красного короля – настоящее имя Юнико Кодзуки, или просто Нико – и Блад Лепард, сокращенно Пард-сан, Харуюки знал в реальном мире и считал своими друзьями. Кроме того, «Проминенс» и «Нега Небьюлас», после того как в недавнем прошлом сражались вместе, сейчас были в состоянии перемирия, заключенного на неопределенный срок.

Тем не менее суровые лица этих двух без слов давали понять, что не везде дружеские отношения сохраняются. И Харуюки с щемящим чувством одиночества понял, что это действительно так. Потому что «Brain Burst» – игра, в которой все живут и состязаются ради того, чтобы становиться сильнее.

Нет…

Существовала еще одна причина, почему Харуюки сейчас было трудно смотреть Нико в глаза.

Усиленное вооружение, паразитирующее сейчас на Харуюки, Нико как командир легиона должна была уничтожить, применив «Меч правосудия» к собственному Родителю. А значит, из всех королей на этом совещании именно у Нико самая большая мотивация требовать казни Харуюки…

Додумав до этого места, Харуюки усилием воли прекратил и устремил взгляд вперед. И тут же раздался тихий голос Блад Лепард:

– От «Проми» только мы. Приветствия опустим.

Нико соскочила с руки Лепард и уселась на стальной «стул»; Лепард встала позади, сцепив руки за спиной.

Теперь собрались уже три короля. Из семи стоящих полукольцом срезанных колонн центральную занимал Синий король, самую правую – Черный король, а вторую справа – Красный.

Интересно, где появится следующий? Харуюки приготовился –

Из тумана раздался не звук шагов, а горловой, визгливый смех.

– Хи, хи-хи-хи…

Этот смех, в котором явственно слышались насмешка и презрение, определенно был Харуюки знаком. Однако Харуюки не мог понять, откуда именно он доносится. Он лихорадочно крутил головой, но источник все время будто смещался в противоположную сторону.

– Хи-хи… «король», да? Если мне не изменяет память, король – это один из «семи королей чистых цветов», не так ли? А у коротышки, которая тут сидит и называет себя «красной», цвет какой-то дешевый, вы не находите?..

Эти непонятно откуда брошенные слова, вне всяких сомнений, были оскорблением в адрес Красного короля, Скарлет Рейн.

Среди королей, правящих семью большими легионами, Нико единственная принадлежала ко «второму поколению». Первому Красному королю, Рэд Райдеру, два с половиной года назад Блэк Лотус, Черный король, внезапным ударом отсекла голову, и, в соответствии с правилом «внезапной смерти», действующему для девятиуровневых игроков, он навсегда покинул Ускоренный мир. «Проминенс» начал было распадаться, но его оживила и стала вторым командиром как раз Нико. Конечно, если говорить о цвете, то у нее он был не чисто-красным, а ярко-алым, но это совершенно не повод обращаться с ней как с фальшивым королем. Потому что –

– Ц-цвет тут вообще ни при чем! Рейн своими силами поднялась до девятого уровня, никаких других условий, чтобы стать королем, нет!

…Вот почему.

Харуюки внезапно обнаружил, что выкрикнул эти слова не только мысленно, но и вслух. Стоящая рядом с ним Рейкер не сдержала улыбки, и сама Нико, сидящая чуть поодаль, вроде бы тоже натянуто улыбнулась.

– Ворон сказал то, что и я собиралась сказать, поэтому добавлю лишь одно. Дешевый или нет, но он ничуть не хуже, чем твой банановый. У нас мало времени, выходи уже давай.

Выплюнув эти слова, Красный король щелкнула пальцами правой руки и указала на три колонны с противоположной стороны.

Харуюки поспешно вгляделся и обнаружил на обрубке колонны, который считал пустым, маленькую фигурку, похожую на бумажную куклу. Склонив голову сантиметров на пять, он наконец понял.

Это не что иное, как «зрительский аватар-болванчик» – такие применяются, чтобы собирать информацию об Ускоренном мире; а Черноснежка в таком аватаре скрывалась от убийц, которых могли подсылать короли. Обладатель этого голоса воспользовался тем, что во встрече королей участвовал в качестве зрителя, и выбрал совершенно незаметный аватар.

Едва Харуюки успел так подумать, как из середины бумажной куклы поднялся белый дымок.

Когда ветер арены разнес этот дымок, на колонне стоял ярко-… точнее, ядовито-желтый дуэльный аватар, смахивающий на тощего клоуна.

Шапка с торчащими по бокам длинными изогнутыми рогами. Маска в виде улыбающегося лица с тонкими прорезями глаз и рта. Круглые вздутия на плечах и талии, торчащие из них длинные конечности.

Поднеся тонкие, как иголки, пальцы правой руки к подбородку, клоун вновь испустил смешок.

– Хи-хи, банановый – это чересчур зло. Я предпочитаю вариант «урановый», знаешь ли. Впрочем, полагаю, тут ничего не поделаешь. Обезьяны и дети всегда любят бананы, хи-хи-хи…

Клоун продолжал смеяться, покачивая головой. Это был человек, некогда подстроивший ловушку Черноснежке и Нико, командир легиона «Крипт космик саркус», владеющего боевыми зонами Тайто, Аракавы, Адати и Акихабары, – Йеллоу Рэдио.

Его поведение и болтливость не внушали такого устрашения, как манеры остальных королей.

Однако недооценивать Желтого короля ни в коем случае не следовало – это Харуюки, видевший однажды его сражение с Черноснежкой в ближнем бою, прекрасно понимал. Хоть желтый цвет и соответствует «непрямым атакам», но Рэдио в бою ничуть не уступал Блэк Лотус.

По-видимому, Желтый король явился на встречу один, не взяв никого из приближенных. Кончив смеяться, он приложил правую руку к груди – изобразил вежливые манеры. Потом скользящим движением уселся на колонну.

Это уже четверо.

– …Еще не пришли, эээ…

Едва Харуюки успел пробормотать эти слова, как его ушей коснулся новый звук – на этот раз величественный звук шагов.

Вся арена вибрировала от этих твердых, тяжелых шагов. Справа-сзади. Быстро обернувшись, Харуюки увидел раздвигающий туман мощный аватар.

Назвать его таким уж громадным было нельзя. Чисто по размеру он был, конечно, меньше, чем Нико с Усиленным вооружением и, возможно, даже чем Фрост Хорн из синего легиона.

Тем не менее Харуюки никогда еще не сталкивался с аватарами, от которых исходило такое ощущение мощи.

Маску, плечи, живот – все покрывала толстая броня. Однако благодаря стройной талии впечатление неуклюжести вовсе не создавалось. Правая рука была пуста, левая держала громадный щит.

И вся броня была насыщенного ярко-зеленого цвета, зеленее изумруда.

– …Зеленый король…

Однажды Харуюки уже видел этот аватар – когда смотрел реплэй прошлых событий; правда, всего несколько секунд. Стоящая рядом Рейкер кивнула и прошептала:

– Да, это командир легиона «Грейт Уолл», который владеет громадной территорией от Сибуи до Оты. Грин Гранде по прозвищу «Неуязвимый».

– Точно, его хит-пойнты ни разу не опустились в желтую зону… – со вздохом пробормотал Харуюки; у него-то самого, когда он побеждал в дуэли игрока того же уровня, частенько хит-пойнты были в красной зоне. Сидящая перед ним Черноснежка тут же тихонько фыркнула.

– Он в дуэлях-то почти не участвует. Почти все свои очки до девятого уровня он набрал, охотясь в одиночку на энеми. Это, конечно, тоже большое достижение, но…

– Хххааа… – снова вздохнул Харуюки. Среди обитающих в

Безграничном нейтральном поле гротескных монстров, называемых «энеми», даже самые слабые обладают невероятной боевой мощью, и побеждать их очень тяжело, а очков за эти победы дается мало. Сам Харуюки, хотя и любил в обычных RPG «собирать опыт по зернышку», от охоты на энеми хотел бы уклоняться, если только не начнет массово проигрывать в обычных дуэлях.

Зеленый король, вовсе не догадываясь, что Харуюки на него смотрит с восхищением как на «человека, усердно трудящегося во имя повышения уровня», твердыми шагами подошел к колонне между Нико и Синим королем и тяжело опустился на нее. Как и Желтый король, он был без свиты.

Он застыл неподвижно, так и не проронив ни слова, однако это, похоже, никому не показалось неестественным. Судя по всему, у этого человека просто был неразговорчивый характер.

Снова вернув взгляд перед собой, Харуюки глубоко вздохнул.

К поочередному появлению сильнейших игроков, «королей», и к исходящей от них давящей ауре он более-менее привык. Колени, сначала дрожавшие, окрепли, онемение из рук тоже ушло.

Точно, опасаться совершенно нечего. Я подчиненный Черного короля, Блэк Лотус… не говоря о том, что я ее Ребенок. Надо держаться так же гордо, как Рейкер-сан.

Сказав себе это мысленно, он расправил плечи – и тут.

– ?!.

На Харуюки накатил самый мощный за все время приступ страха; точно ледяная рука сжала сердце.

Что… это…

Жажда убийства… нет, не то. Что-то более окончательное… желание обратить в ничто. Беззвучное объявление… что меня казнить, изгнать из Ускоренного мира…

Цок. Цок.

Высокий звук шагов доносился непонятно откуда.

Застыв на месте, Харуюки отчаянно вслушивался. С севера. К сидящим полукольцом королям кто-то приближался прямо спереди, шаги становились все громче. С трудом шевеля занемевшей шеей, Харуюки посмотрел в ту сторону.

За пеленой густого тумана показался одинокий силуэт.

Насколько Харуюки удалось разглядеть, аватар был женский. Длинные волосы и бронеюбка, колышущиеся при движении. Немыслимо тонкая талия; ноги тоже тонкие, как иглы.

Цок, цок, цок. Словно острия мечей, в плитку с резким стуком вонзались каблуки вдвое выше, чем у Скай Рейкер.

Едва эти ноги шагнули в кольцо колонн, окружающий туман

сдуло, будто он не выдержал испускаемой аватаром жажды убийства.

Наконец аватар стало видно отчетливо. Если пытаться описать его одним словом, то единственное подходящее – не «король», а «королева».

То, что выглядело как волосы, на самом деле было вуалеподобной броней, ниспадающей из-под короны на голове. И красивая лицевая маска с резкими чертами, и плечи, и грудь – все это выглядело женственным, но в то же время внушало почтение. От высокой талии вниз свисала броня, похожая на длинную юбку, рассеченную спереди, и сквозь эту щель виднелись длинные, тонкие, полностью обнаженные ноги.

Несомненно, среди всех когда-либо виденных Харуюки дуэльных аватаров этот был самым четким воплощением «женской привлекательности». Однако эта красота была не такой, к которой хочется притронуться, протянув руку. И корона, и все тело были украшены длинными сверкающими шипами.

В правой руке аватар держал посох примерно полутораметровой длины. Его конец обвивал стебель розы, тоже снабженный длинными шипами. И все участочки брони, на которые падал свет, вспыхивали таинственными фиолетовыми бликами.

– Пришла… – глядя на вышагивающий аватар королевы прищуренными глазами-линзами, еле слышно прошептала Скай Рейкер. – Пожалуй, из всех королей это самый враждебный к нам. Командир легиона «Орора Овал»[5], контролирующего территорию от Гиндзы до залива, Фиолетовый король Парпл Сорн[6] по прозвищу «Королева фиолетовых молний». А посох в ее правой руке – одна из «семи регалий», «Зе Темпест»[7].

– Ре… регалий? – повторил Харуюки незнакомое слово. Рейкер торопливо пояснила:

– В Ускоренном мире есть сверхмощное Усиленное вооружение, предположительно всего семь штук. Сейчас точно известны, кроме этого посоха, меч Синего короля «Импульс» и щит Зеленого короля «Страйф»[8]. И еще один…

Тут Харуюки показалось, что Рейкер запнулась, однако переспросить он не успел.

Медленно вошедшая в кольцо колонн Фиолетовый король приблизилась к сидящей на самом правом обрубке Черноснежке, остановилась и стукнула посохом о землю.

Качнув тонкой вуалью, маска чуть повернулась в сторону Черноснежки. Раскосые глаза-линзы сверкнули холодным аметистовым блеском.

До сих пор давящая аура аватара-королевы распространялась во всех направлениях, но сейчас Харуюки почувствовал, что она сосредоточилась на троих членах «Нега Небьюлас», и едва не потерял сознание.

Будь это просто гнев или ненависть, он бы справился. За те месяцы, что Харуюки был Бёрст-линкером, он неоднократно испытывал на себе такие чувства в сражениях.

Но то, что исходило от Фиолетового короля, не было какой-то простой эмоцией. Абсолютное неприятие, полное отсутствие всякой возможности взаимопонимания. Харуюки чувствовал, что вражда с этим соперником будет вечной. То есть до конца существования Ускоренного мира.

Фиолетовый король, Парпл Сорн, пару секунд смотрела на Блэк Лотус сверху вниз, потом спокойным тоном произнесла:

– Давно не виделись, Лотус. Надо же, я и не думала, что когда-нибудь снова буду разговаривать с тобой.

В ее голосе не было ни намека на гнев, лишь ледяная гладкость. И такое напряжение, что, казалось, он в любой момент может разбиться на сотни острых осколков. У Харуюки перехватило дыхание.

Голос Фиолетового короля, в котором чувствовалась смесь достоинства и девчоночьей невинности, он вроде бы где-то уже слышал. Чуть подумав, Харуюки вспомнил. Ну конечно, он слышал этот голос. Не вживую, понятное дело. Когда он смотрел реплэй событий, происходивших в Безграничном нейтральном поле, в той записи был и голос Фиолетового короля. Харуюки вытащил из глубин памяти то, что он тогда услышал.

«Эй, Райдер, что это ты там несешь!»

«Эй, эй!»

Негодующий и в то же время невинный голос девушки.

На том видео Блэк Лотус, Черный король, обняла Рэд Райдера, Красного короля первого поколения, за шею. Вот почему Фиолетовый король, которая явно была близка с Красным королем, издала те возгласы.

Однако в следующий миг –

Руки-мечи Блэк Лотус сомкнулись, словно гигантские ножницы, и отсекли Рэд Райдеру голову.

Для любого Бёрст-линкера девятого уровня действует

правило «внезапной смерти»: если его побеждает другой девятиуровневый, он сразу теряет все бёрст-пойнты. Это означает, что Красный король в тот же миг покинул Ускоренный мир навсегда.

В самом конце того видео был слышен отчаянный вопль Парпл Сорн – словно шелк разрывали.

Насколько было известно Харуюки, сразу после того убийства Черноснежка дралась не на жизнь, а на смерть со всеми остальными пятью королями. Однако тридцать минут, отведенные на бой, подошли к концу, а она так и не смогла никого больше убить, правда, и ее саму не убили. С тех пор Черноснежка два года не подсоединялась к Глобальной сети, удовлетворяясь локальной сетью средней школы Умесато. Пока в прошлом году нападения Сиан Пайла и рождение Сильвер Кроу не предоставили ей шанс «ожить».

Два короля со слишком тяжелым общим прошлым еще несколько секунд сверлили друг друга взглядами. Харуюки боялся, что Блэк Лотус опустит голову первой. Черноснежка наверняка до сих пор в глубине души сожалела о том своем внезапном нападении на Рэд Райдера. Пусть даже сам Красный король, переставший быть Бёрст-линкером, уже ничего не помнит.

…Однако.

Аватар, точно сделанный из черного кварца, ни на миллиметр не отводил взгляда своей угловатой маски от лица королевы шипов.

Вскоре сквозь туман арены поплыл тихий голос Черноснежки.

– Я тоже, Сорн. Я была уверена, что при нашей следующей встрече кто-то из нас двоих лишится головы.

После этих слов, произнесенных непоколебимо спокойным голосом, Фиолетовый король медленно моргнула. А потом словно бы еще более холодным голосом произнесла:

– …Вот как? Если все, кто здесь собрались, согласятся сменить тип боя с «обычной дуэли» на «все против всех», вполне возможно, так и случится.

Харуюки сглотнул и не без труда удержался от того, чтобы выпалить: «Идиотскаяшуткаконечномынесогласимся!»

Но тут Черноснежка издала короткий смешок и хладнокровно ответила:

– Если ты этого хочешь, то чего ждешь? Если сегодня тот самый день, когда игра под названием «Брэйн Бёрст» окажется пройдена, нам ни к чему все эти утомительные совещания.

Харуюки снова застыл, как приморожeнный. Черноснежка по сути объявила этими словами, что намерена уничтожить сегодня

четырех королей и набрать десятый уровень… никак по-другому ее слова понять было нельзя. Харуюки просто не мог поверить, что Скай Рейкер рядом с ним по-прежнему стоит все с тем же храбрым спокойствием.

Фиолетовый король, услышав резкий ответ Черного короля, склонила голову чуть набок.

Потом вдруг легонько стукнула посохом по каменной плитке.

Едва раздался этот звонкий стук, Харуюки в очередной раз почувствовал, как кровь стынет в жилах. И тут же с той стороны, откуда пришла Фиолетовый король, раздался тяжелый, но прекрасно синхронный звук множества шагов. И действительно – вскоре из тумана показались восемь Бёрст-линкеров.

И цвет, и фигуры были самые разные. Однако с первого взгляда Харуюки стало ясно, что все они невероятно сильны. Возможно, сюда занырнули вообще самые сильные члены фиолетового легиона.

Парпл Сорн впервые за все время улыбнулась и заявила:

– Очень жаль, если ты считаешь это шуткой. Естественно, я подготовилась. Чтобы, если вдруг придется с тобой сражаться, на этот раз тебя не упустить.

Непохоже, чтобы это был блеф или просто демонстрация силы. Все на полном серьезе. В этой девушке, несомненно, кипят такие эмоции, которые даже пытаться понять бессмысленно.

От давящей атмосферы Харуюки не мог даже дышать; его правая нога сама собой отодвинулась чуть назад.

Однако Черноснежка сохраняла непрошибаемую невозмутимость. В таком положении она даже умудрилась негромко рассмеяться.

– Хи-хи… да, это я недооценила. Но, Сорн, если бы ты действительно нацелилась на мою голову, то оставила бы свои войска на самой границе арены, не так ли? Как Рэдио сделал.

Харуюки кинул изумленный взгляд на сидящего напротив Йеллоу Рэдио. Желтый клоун лишь пожал плечами и ничего не сказал; но если подумать – действительно, если существовала хоть тысячная доля процента вероятности, что совещание перерастет в драку, Желтый король ни за что не явился бы один.

На слова Черноснежки среагировал не Фиолетовый король, но один из восьми человек ее свиты – тоже женский аватар.

Цвет брони – винно-красный с фиолетовым отливом. Шляпа с большими полями, широкие бедра – как будто военная форма. Однако на поясе не пистолеты, а свернутый кнут.

Аватар типа «женщина-офицер» остановился, всего шаг не дойдя до Фиолетового короля, и ледяным тоном выплюнул:

– От твоего блефа мне просто смешно, беглый король. Только

выползла из своей норки и уже распрыгалась; да только не забывай, что твою жалкую территорию шесть королей за один день могут раздавить, если захотят.

Слушая эти оскорбления, Харуюки мог лишь скрипеть зубами.

К сожалению, он не мог не признать, что аватар-офицер говорит правду. Сейчас «Нега Небьюлас» контролировал весь район Сугинами, но в конце каждой недели отстаивал этот контроль в территориальных сражениях. Процентов семьдесят боев происходили с участием других мелких легионов, а из легионов шести королей только от обитающих к востоку «Леонидс» обычно приходили один-два отряда и время от времени кто-нибудь нападал от «Грейт Уолл» на юге. Причем средний уровень атакующих всегда был 4-5, бойцы 7 уровня и выше не появлялись ни разу.

И тем не менее легиону «Нега Небьюлас», состоящему всего-то из пяти членов, удерживать территорию было совсем непросто. Если вдруг шесть больших легионов проведут совместную атаку всеми своими силами, выигрывать больше половины сражений у «Нега Небьюлас» не выйдет никак, и черный флаг исчезнет с карты Ускоренного мира.

Иными словами, Харуюки и его товарищи продолжают успешно защищать Сугинами, свой дом, исключительно благодаря тому, что шесть… нет, Нико надо исключить, с ней перемирие… пять королей занимают выжидательную позицию.

Не в силах даже мысленно возразить что-либо аватару-офицеру, Харуюки опустил было голову в шлеме.

Однако прежде чем его взгляд упал на собственные мыски, справа раздался холодный голос, и Харуюки рывком вскинул голову обратно.

– Надо же, ты с таким гордым видом рассуждаешь о том, чего вы не можете сделать, Астер Вайн[9].

Это произнесла Скай Рейкер. Правая рука Черноснежки, она стояла гордо, ни на шаг не отступив под угрожающим заявлением аватара-офицера.

Глаза кнутовщицы по имени Астер Вайн остро сверкнули под полями шляпы, и голосом, ставшим, казалось, еще холоднее, она ответила:

– Не можем… говоришь? Что, пока вы бегали и прятались, мозги совсем заржавели и разучились оценивать силу противника?

– А у тебя за то время, что мы не виделись, стало совсем неважно с глазами, если реальность не видишь.

Почувствовав, как атмосфера стремительно

электрифицируется, Харуюки продолжал стоять выпрямившись и изо всех сил вслушиваться.

Сколько он ни думал, понять значение слова «реальность» в исполнении Скай Рейкер не мог. «Нега Небьюлас» с пятью большими легионами (минус красный) ни в какое сравнение не шел ни по силе, ни по уровням. Что же тогда имела в виду Рейкер?..

Ответ на этот вопрос после совсем небольшой паузы дала сама Рейкер.

– …Если ты всерьез полагаешь, что территория Нега Небьюлас продолжает существовать исключительно по доброте душевной остальных королей, то либо ты тупая, либо тебе просто недостаточно доверяют. Если бы нас могли раздавить, давно бы уже раздавили. Но не могут… Эти люди, которые называют себя «королями», отлично знают, что их сила и власть далеко не абсолютны.

– …Чегооо? – чуть ли не проскрипела Астер Вайн; однако Фиолетовый король хранила загадочное молчание. Прочесть в ее глазах какие-либо эмоции было невозможно. В холодном воздухе арены «Город демонов» продолжал разноситься спокойный голос Рейкер:

– Знаешь? Их называют «шесть больших легионов», но общее количество их членов шестьсот или чуть больше. А всего в центральном Токио живет больше тысячи Бёрст-линкеров. И почти сорок процентов карты, включая Тиёду, где мы сейчас, – серые зоны, нейтральные.

– …И что с того? Остальные легионы, кроме тех, которыми командуют шесть королей чистых цветов, – просто пузырьки, которые разлетятся, стоит дунуть как следует. Включая и вашу мелкую территорию.

– Да, каждый из этих легионов мелкий. Но знаешь, у этих четырех сотен, включая независимых Бёрст-линкеров, есть кое-что общее. Это общее – «они не присоединились к шести большим легионам».

От произнесшей эти слова Скай Рейкер вдруг стала исходить угрожающая аура не хуже, чем от девятиуровневых Бёрст-линкеров. После короткой паузы она продолжила:

– Понимаешь? Почти все они сделали выбор в пользу незначительности. Это их протест против королей, которые своим «пактом о ненападении» вызвали застой в Ускоренном мире. Сейчас они внимательно наблюдают за воскресшей Блэк Лотус и за черным легионом. Они пытаются понять: тот «настрой на восстание» был настоящим или фальшивым? И если именно сейчас шесть больших легионов сложат силы, чтобы раздавить

нас – как ты думаешь, что будет? Да, конечно, наш флаг и наша территория исчезнут с карты. Но сама Черный король не исчезнет из Ускоренного мира, и легион тоже. И тогда малые легионы сделают шаг от «наблюдения» к более активным действиям. Если они объединятся в единый поток, ты уже не будешь презрительно обзывать их «пузырьками»?..

Тут наконец и Харуюки начал смутно понимать, к чему ведет Рейкер.

Гонка через «Гермес Корд» недельной давности. Пять сотен зрителей тогда встретили появление Черного короля, предательницы и беглянки, вовсе не презрительным свистом. Напротив, ее подбадривали, не так ли? Значит, можно не сомневаться: на нее действительно смотрят с ожиданием как на «человека, собирающегося разрушить застойный статус-кво».

Если их энергию направить в единое русло. Возможно, получится такая сила, которую даже шесть королей не смогут игнорировать… нет, они должны воспринимать такую возможность как угрожающую?

Скай Рейкер протянула раскрытую правую ладонь в сторону погрузившейся в молчание Астер Вайн.

– Теперь ты поняла? Сейчас в Ускоренном мире ситуация гораздо более напряженная, чем ты думаешь. Под видимым спокойствием начинает бурлить множество серьезных течений.

Эхо ясного, чистого голоса разнеслось в гробовом молчании арены и угасло.

Нарушило это молчание цоканье высокого каблука – Фиолетовый король сделала шаг вперед.

Глядя прямо перед собой, она безмолвно прошла мимо Харуюки и его товарищей, будто вовсе не обратив внимания на то, что сказала Рейкер.

Астер Вайн двинулась за ней, бросив напоследок испепеляющий взгляд. Когда эта пара немного отошла, остальные семеро тоже зашагали следом.

Из семи стоящих полукольцом обрубков колонн Фиолетовый король села на ту, что была между Синим и Желтым королями. Остальные восемь Бёрст-линкеров встали буквой V. Ощущение величественности, исходящее от них, явно было сильнее, чем от остальных собравшихся здесь легионов.

Хорошо, что территория «Орора Овал» – это Гиндза и Ариакэ, которые далеко от Сугинами. Поймав себя на этой мысли, Харуюки поспешно выпрямился. Если две девушки рядом с ним поймают его на такой трусости, даже представить себе невозможно, какое наказание его будет ждать потом. Чтобы их обмануть, он тихонько пробурчал:

– Это… уже шесть, да? Последний у нас, эээ…

Свои силы привели Черный, Синий, Красный, Зеленый, Желтый и Фиолетовый короли. Значит, последний…

Однако, прежде чем Харуюки успел выразить свои мысли вслух, раздался еле слышный шепот Черноснежки:

– Не придет.

– А?..

– Последний сюда не придет. Наверняка пришлет представителя.

«Откуда ты знаешь?» – спросил было Харуюки.

Но за миг до того, как он раскрыл рот, в уголке его поля зрения ощутилось что-то странное. Придержав язык, Харуюки заозирался.

Однако ничего определенного он не увидел. В той части демонического города, которая была Восточным садом Императорского дворца, по-прежнему клубился белый туман. В кольце колонн, примерно половина которых была обрублена и превращена в импровизированные стулья, семь представителей больших легионов, правящих Ускоренным миром, спокойно –

– А…

Харуюки вздрогнул, увидев *это*.

Импровизированных стульев – семь. Появившихся королей – до сих пор было шесть. Значит, один стул должен был оставаться пустым. Однако сейчас перед глазами Харуюки было семь занятых стульев. Он проглядел появление последнего? Нет, невозможно. Ладно сам Харуюки с охватившим его напряжением; но чтобы Рейкер и Черноснежка тоже ничего не заметили – это просто немыслимо.

Потому что стул, который должен был пустовать, находился прямо напротив троицы из черного легиона. Если бы он был по соседству, тогда может быть, но, если бы кто-то подошел и сел на стул напротив, это обязательно было бы видно. И тем не менее всего в десяти метрах от них находился еще один Бёрст-линкер.

Худой, даже тощий. Покрытое броней тело спокойного, простого дизайна, ни намека на оружие. Единственная характерная особенность – узкая, заостренная голова. На лице одна лишь изогнутая линия, делящая его надвое; ни глаз, ни рта не видно. Он сидел на колонне, сложив руки и ноги; на дуэльный аватар он совершенно не походил, скорее на украшение. Цвет его напоминал фарфор или отполированную слоновую кость.

Абсолютно ничем не примечательный аватар. Ни намека на давящую ауру, исходящую от собравшихся здесь королей. Стоп, может быть, это на самом деле украшение? Просто статуя, которая была там с самого начала, а Харуюки ее проглядел?..

Харуюки колебался, не зная, что и думать – как вдруг.

Аватар цвета слоновой кости положил руки на колени и, согнувшись в пояснице, поклонился. Как только он выпрямился обратно, раздался голос, о котором нельзя было сказать абсолютно ничего, кроме того, что он мужской.

– Я «Айвори Тауэр»[10] из легиона «Оссиллатори Юниверс»[11]. В полной мере представляю на этом совещании Белого короля. Рад познакомиться.

Обыденное деловое приветствие, как будто вокруг была не дуэльная арена в Ускоренном мире, а конференц-зал какой-нибудь фирмы.

Остальные короли и их приближенные от этой речи явно испытывали какой-то дискомфорт, хоть и пытались это скрыть. Похоже, и они все проморгали появление Айвори Тауэра. Особенно сидящий рядом с ним Желтый король – он начал постукивать по земле своим заостренным мыском с очевидным раздражением.

Впрочем, такая неприятная атмосфера продержалась лишь несколько секунд.

Сидящий на центральном стуле-колонне Блю Найт, Синий король, встал, звякнув броней, и звучным голосом произнес:

– Итак, все в сборе. Для начала хочу поблагодарить вас за то, что на наше собрание пришли все семь легионов без исключения. Спасибо.

– Однако по сравнению с собранием семи королей, которое было два с половиной года назад, у нас два новых лица.

Это, конечно, Желтый король не удержался от того, чтобы вставить пару слов. Его ирония была явно адресована Красному королю второго поколения и представителю Белого короля, однако на нее никто не среагировал. У Синего короля лишь тень натянутой улыбки можно было почувствовать на лице, когда он продолжил:

– Времени у нас немного, поэтому сразу перейдем к делу. Вы все уже знаете, поэтому я буду краток: на прошлой неделе во время мероприятия под названием «Гонка через "Гермес Корд"» на глазах у сотен зрителей была применена «система инкарнации». Главная тема сегодняшней встречи: что нам следует делать в сложившейся ситуации? Впрочем, вариантов действий у нас всего два. Первый – приложить все усилия, чтобы продолжать скрывать существование этой системы от широкой публики, как мы делали до сих пор. Второй – раскрыть ее полностью.

– Раскрыть полностью – это же немыслимо, верно? – опять заявил Йеллоу Рэдио, будто давая понять, что считает это все глупостью. Разведя в стороны свои тощие руки, он наигранно

пожал плечами. – Система инкарнации – это ведь все равно что ядерная энергия, не так ли? Ее необходимо жестко контролировать, иначе Ускоренный мир ждет настоящая катастрофа. Это же здравый смысл, согласны?

С этими словами клоун наклонил рогатую шляпу. Сидящая слева от него Фиолетовый король тут же возразила:

– Этот жесткий контроль уже в прошлом, Рэдио. Если брать аналогию с ядеркой, то радиоактивные материалы уже распространились по всему миру. И как их теперь собрать?

– Это, конечно, так, но, по-твоему, мы должны любезно раздать всем и мануал по изготовлению ракет? Большинство Бёрст-линкеров не знает про систему инкарнации. Не следует ли нам распространить информацию, что там проявился какой-то баг арены?

Фиолетовый король собралась было снова что-то возразить, но тут вмешался еще один голос.

– Эмм, позвольте мне сказать?

Руку поднял сидящий на левом краю полукольца белый аватар – Айвори Тауэр, представитель Белого короля. Собрав на себе все взгляды, он опустил левую руку и продолжил:

– Прежде чем спорить о том, как нам действовать, не следует ли сначала разобраться, как все произошло? Бёрст-линкер, применивший посреди гонки инкарнацию и вызвавший «массовое ржавение» зрителей, – кто он, откуда и какова его цель?

На миг воцарилось молчание.

Имя и принадлежность того Бёрст-линкера. Харуюки уже знал и то, и другое.

Однако раскрыть рот он не решался. Потому что, если речь зайдет о той загадочной организации, обсуждение неизбежно коснется и ее «вице-председателя»; а его имя содержит точно такой же цвет, как у повелительницы мечей, которой Харуюки восхищался больше всего на свете, – «чистый черный». Если остальные короли узнают, они наверняка проведут параллель…

– Имя Бёрст-линкера, применившего инкарнацию во время гонки, – Раст Джигсо; он принадлежит к организации под названием «Общество исследования ускорения».

–?!

Едва Харуюки услышал этот чистый, ясный голос, у него перехватило дыхание.

Черноснежка. Блэк Лотус, Черный король, без тени страха, что сомнения коснутся и ее саму, ровным голосом продолжила:

– Об этой организации мне известно немногое, но они предпочитают называть себя не легионом, а «кружком». Другие ее известные члены – уже покинувший Ускоренный мир Даск

Тейкер, а также еще один человек…

– Секундочку, Лотус.

Прежде чем *то имя* было произнесено, Черноснежку прервал резкий голос.

Сидящая справа от Черноснежки Скарлет Рейн, Красный король. Скрестив руки на груди, она испускала угрожающую ауру, совершено не вяжущуюся с размером аватара, самым маленьким на этой арене.

Нико протянула руку помощи – с этой мыслью Харуюки почувствовал, как напряжение уходит из плеч. Но.

Кинув на него лишь беглый взгляд своих округлых глаз-линз и окутавшись докрасна раскаленной аурой, она заявила такое, отчего Харуюки вообще перестал дышать.

– …Сначала я хотела бы разобраться с еще одной темой, иначе для меня нет смысла здесь находиться. Среди нас есть один тип, которого угрозы, связанные с распространением инкарнации, вообще не касаются. Этот тип связался с «проклятой силой», темной стороной инкарнации, аватаром, который должен был быть уничтожен.

Глава 3

– Так, все быстро вернулись на свои места. Начинаем большой классный час, – хлопнув в ладоши, заявил классный, и часть учеников недовольно загудела:

– Эээ, звонка же еще не было. Еще только –

– Кто не будет за своей партой, когда прозвенит звонок, тот получит дополнительное домашнее задание! Давайте-давайте, звонок будет через три, две, одну…

Харуюки, подперев щеку рукой, слушал, как его одноклассники под трель звонка на шестой урок поспешно и шумно занимают свои места.

Привычный моросящий дождик окрашивал заоконный пейзаж в серый цвет. По прогнозам, сезон дождей закончится через две недели, но сразу после этого начнутся триместровые экзамены, так что Харуюки вовсе не глядел в будущее с нетерпением.

Конечно, если ему удастся как-нибудь справиться с экзаменами, его ждут прекрасные летние каникулы, однако о таких отдаленных радостях Харуюки думать не умел. Сейчас его волновало лишь то, как продраться сквозь уроки (особенно физкультуру) и домашнюю работу (особенно письменные задания) ближайшей недели. От одной этой мысли Харуюки вздохнул.

Ну, даже если он затянет с домашкой до последнего, у него есть козырь – он может потратить один бёрст-пойнт. Способности Харуюки по части выполнения домашки за тридцать минут ускоренного времени даже отличника Такуму поражали; он всегда говорил: «Почему ты в обычном состоянии не можешь так сосредотачиваться?»

Однако не мог же он с утра до вечера перерабатывать школьную информацию в ускоренном режиме. Наоборот, во время уроков физкультуры – когда он в жутком изнеможении тащился по беговой дорожке и все такое – ему иногда казалось, что его сознание замедляется. А может, и не казалось. Ведь главный принцип «Brain Burst» в том, что, когда увеличивается пульс, тактовая частота мозга тоже растет, и сознание ускоряется. Значит, если бы он натренировал свое сердце не колотиться так отчаянно во время бега, то урок физкультуры казался бы короче, чем сейчас, правда? *Ладно, в следующий раз скачаю приложение по китайским боевым искусствам и буду тренировать силу чакры*.

Рассеянно глядя в окно, Харуюки крутил в голове эти бесполезные мысли, а мимо ушей у него проплывал голос учителя:

– …Этот класс собрался вместе всего два месяца назад. И вот сейчас безалаберность выплывает наружу. Вот список опозданий и забытых вещей, начиная с апреля…

Классный час в конце уроков всегда был для Харуюки важным временем, когда он планировал свои послешкольные бои. В какую боевую зону отправиться, какую тактику опробовать, с кем сразиться или чей бой посмотреть в качестве зрителя. Для любящего прокручивать бои в голове Харуюки это, хоть не дотягивало до настоящей дуэли, все равно было немалым удовольствием. Поэтому обычно классный час пролетал незаметно; однако сегодня он тянулся и тянулся.

Причина была проста.

Харуюки в его нынешнем положении было совершенно не до планирования боев. В каком-то смысле он испытывал сейчас большее давление, чем два месяца назад, когда у него отобрали способность к полету.

В ближайшее время должен был решиться вопрос, останется ли он вообще Бёрст-линкером.

Накануне, когда воскресное совещание семи королей закончилось, Фуко подбросила Харуюки на своей машине почти до самого дома.

Кое-как сумев улыбнуться на подбадривания Черноснежки и Фуко, Харуюки поплелся к дому по тротуару седьмой кольцевой. Он шел, опустив голову и считая плитки под ногами.

Так, не поднимая головы, он вошел в лифт и поднялся на двадцать третий этаж. Прошел безмолвным коридором и протянул было руку к кнопке отпирания замка перед своей дверью –

И тут он остановился, заметив сидящую на корточках рядом с дверью маленькую фигурку.

Футболка с ярким логотипом, обрезанные джинсы в обтяжку. Выцветшие кроссовки на босу ногу. Что этот неряшливый прикид принадлежит не мальчишке, Харуюки понял мгновенно. По бокам головы даже в тусклом свете коридора огненно сияли рыжие хвостики волос.

– …Ни… Нико? – обалдело произнес Харуюки, и девочка подняла голову. Улыбка на ее лице была вызывающей, но в то же время какой-то беззащитной.

– …Тормозишь. Мы из Тиёды, по идее, одновременно выехали, а я тебя тут уже десять минут жду.

– П-прости, – на автомате извинился он, и девочка пожала остренькими плечами.

– Ну, меня Пард подвезла на своем мотике – естественно, я

успела сюда раньше.

– А… тогда я раньше тебя никак не мог. Но, это… – и, отчаянно моргая, Харуюки спросил: – Почему… сюда?

Нико на миг отвела глаза, потом тихонько фыркнула и ответила:

– Долгая история; ты собираешься ее всю выслушать в коридоре?

– Аа, ээ, прости.

Харуюки поспешно прикоснулся к кнопке отпирания замка. Дверь открылась; дома, как обычно, не было никого. Харуюки пригласил Нико войти. Та протяжно вздохнула и, уперев руки в колени, встала.

Впустив нежданную гостью в квартиру, Харуюки забежал в кухню, налил два стакана апельсинового сока и, вернувшись в гостиную, снова озадаченно склонил голову набок.

Сидящая на диване и глядящая на заоконную хмурь девчонка младше него – это, как ни посмотри, Нико, Юнико Кодзуки, а стало быть – командир легиона «Проминенс», Красный король собственной персоной.

Но почему? Они с Нико обменялись не только анонимными адресами емэйлов, но и телефонными номерами; если ей сильно захотелось с ним пообщаться, могла воспользоваться либо тем, либо другим. И кроме того, ждать возвращения Харуюки у него под дверью, обнимая колени, – это как-то не вписывалось в его представление о Нико. Поставив стаканы на стеклянный столик, Харуюки еще раз кинул взгляд сбоку на лицо девочки.

В бледном веснушчатом лице не было обычной жизнерадостности. Скорее, чувствовалось какое-то одиночество. И не подумаешь, что это и есть Красный король, который выстрелил на совещании теми яростными словами.

«Среди нас есть один тип, которого угрозы, связанные с распространением инкарнации, вообще не касаются».

Едва Харуюки вспомнил жар, которым окатило его это огненно-алое обвинение, как теперешняя Нико, словно прочтя его мысли, пробормотала:

– …Прости за то, что я сказала тогда.

– А… не, ничего, это… – и он, приподнявшись с дивана, в который было погрузился, лихорадочно замотал головой. – В общем, я сначала жутко удивился, но потом семпай и Рейкер-сан мне объяснили… Ты тогда подняла тему насчет меня… то есть насчет «Доспеха бедствия», который на мне паразитирует, чтобы другие короли, особенно Желтый, не подняли ее первыми.

Когда он это протараторил, Нико пару раз моргнула, потом горько улыбнулась своими большими глазами, которые в свете

лампы казались не то красновато-карими, не то зелеными.

– Пф, раскусили. Миленькие девчоночки, блин…

Ворча, она со шлепком откинулась на спинку дивана и, закинув одну худую ногу на другую, принялась качать кроссовкой.

Самую малость испытав облегчение от такого развития событий, Харуюки склонил голову чуть набок и спросил:

– Нико, а ты знакома с Рейкер-сан?

– Нет, сегодня мы с ней встретились впервые. Но от Пард я про нее много слышала.

– Много слышала… интересно, чего?..

Нико многозначительно ухмыльнулась и ответила вопросом на вопрос:

– Знаешь, почему ее стали звать «МБР»?

– Ну… просто ее двигатель как ракетный, нет?..

– Поэтому тоже, но не только. Главная причина – тактика, которую прежний «Нега Небьюлас» время от времени применял в крупномасштабных территориальных сражениях. Они нарочно оттягивали на себя бойцов передней линии команды противника, их силы разрывались, и тогда Рейкер своим усиленным прыжком либо в одиночку, либо с одним аватаром поддержки отправлялась в тыл. Обычно в бою сзади остаются только супердальнобойные аватары, у которых броня, как бумага, так что эта тактика наносила урон, как от ракеты.

– А, понятно… – кивнул Харуюки. Хотя это была история о его товарище, все равно его бросило в холодный пот. Выражение лица Нико смягчилось, и она продолжила, будто заглядывая в собственную память:

– …Ты сам знаешь, Пард – просто демон по части быстроты бега. Когда мы получали на свою голову эту ракетную тактику, она всегда первой возвращалась назад и дралась с Рейкер. Блин, у нас, конечно, перемирие, но все-таки Рейкер главная ударная сила нашего соперника, а Пард так радуется, что она вернулась… Знаешь, Кроу, Пард уже очень долго в Линкерах, но по-прежнему шестого уровня, потому что….

Тут Нико внезапно замолчала, и Харуюки подался всем телом вперед. Этот вопрос он и сам себе задавал несколько раз.

– Шестого уровня, потому что?..

– …Нет, все-таки секрет. Потом ее саму спросишь.

После чего, ухмыльнувшись, поблагодарила Харуюки за угощение и взяла со стола стакан.

Похоже, она очень хотела пить; когда Нико в несколько глотков выпила свой сок, от ее странной апатии не осталось и следа. Возможно, ему вообще это показалось, подумал Харуюки и

сказал:

– По-моему, даже если я спрошу, она не расскажет… Ладно, это, нуу, так что, ты специально сюда приехала, чтобы извиниться за совещание?

– У тебя это как-то так прозвучало, будто тебя это напрягает.

Нико кинула на него взгляд поверх края стакана, и Харуюки тут же лихорадочно замотал головой.

– Не, не, нисколько не напрягает! Как-то просто нетипично для тебя, ой, не, я не это имел в виду, просто, по-моему, это я должен извиняться, я так думаю…

Начав двигаться, губы и язык не желали останавливаться; Харуюки изо всех сил пытался донести свою мысль в доступной форме, но выходило что-то неуклюжее.

– П-потому что тогда в Икэбукуро мы «Доспех» с таким трудом почти уничтожили, а он из-за моей дурацкой ошибки все-таки выжил, и еще хуже, ты тогда предыдущего владельца, Черри Рука, «казнила», а я все еще Бёрст-линкер…

Обрывочное излияние Харуюки Нико слушала с неожиданно серьезным лицом.

Однако вскоре она мягко покачала головой, и Харуюки замолк. Поставив стакан на стол, девочка-король вновь утонула в диване и, скрестив ноги, тихо произнесла:

– Нет… в этом я тебя не виню. Черри мне пришлось «казнить» не потому, что он был владельцем Доспеха. А потому, что он поддался силе Доспеха, он нападал на множество других Бёрст-линкеров, нет – *пожирал* их. Если бы, к примеру, Черри смог победить Доспех, сохранить контроль над ним, я его, наоборот, защищала бы. Что бы остальные короли ни… говорили…

Тут голос Нико увял. Харуюки моргнул и посмотрел на ее уставленное в пол бледное лицо.

Сейчас ее большие зеленые глаза потемнели, как тогда в коридоре. На сей раз Харуюки понял, что таилось за этим ее выражением лица.

Страх. И злость на себя саму за этот страх. Плюс совсем чуть-чуть безысходности. Раньше и сам Харуюки, бывало, сидел с таким выражением лица, обняв колени, когда ничего не мог изменить своими силами.

– Ни… Нико… – позвал он сдавленным голосом. Девочка на миг подняла глаза и с бессильной улыбкой вновь опустила голову.

– Защищать Черри мне по силам – все те полгода я в это верила. Но…

Она вдруг обхватила свои голые руки, торчащие из коротких рукавов футболки. Как будто посреди жаркого, влажного июня ей

внезапно стало холодно.

– …Кроу. На том совещании ты почувствовал?

– Ч-что почувствовал?.. – робко переспросил Харуюки, и Нико – Красный король второго поколения, Скарлет Рейн, «Неподвижная крепость» – надтреснутым голосом ответила:

– Там среди королей были… настоящие чудовища. Такое давление информации… просто невозможно… Я хотела защитить хотя бы тебя, честно. Потому что за мной должок… с того раза, когда ты помог мне спасти Черри… На сегодняшнем совещании удалось достичь какого-никакого компромисса. Но… если бы они всерьез решили тебя казнить… я бы…

Тут она замолчала и подтянула колени к себе. Харуюки какое-то время молча смотрел на нее.

Он не мог сразу же поверить – точнее, не мог понять. Что Нико назвала других Бёрст-линкеров чудовищами, что у нее испуганное лицо.

Для Харуюки Красный король Скарлет Рейн была высшим существом. Он был убежден, что при равных условиях она выиграла бы у него сто дуэлей из ста. Она потратила уйму времени на прокачку своего Усиленного вооружения и превратилась в настоящий линкор, по огневой мощи не имеющий себе равных во всем Ускоренном мире. Во всяком случае, одного выстрела ее главного орудия хватило, чтобы снести половину Дома правительства в Синдзюку.

Нет, даже с одним своим пистолетиком этот маленький аватар таил в себе невероятную силу. По правде сказать, во время совещания семи королей окутывавшая ее давящая аура, которую ощущал Харуюки, была ничуть не слабее, чем у остальных шести.

Отчаянно мотая головой, Харуюки наконец сумел сиплым голосом возразить:

– Не, это… для меня они там все за облаками, конечно, но для Нико – не думаю, что насколько крутые, чтобы ты так говорила. П-потому что ты же, как они все, тоже девятого уровня, правда? «Одинаковый уровень – одинаковый потенциал» – это же главный принцип Ускоренного мира?..

Рыжеволосая девочка кинула на Харуюки взгляд поверх маленьких коленок, потом с грустной улыбкой медленно покачала головой.

– …Из этого принципа есть исключения. Понимаешь, девятый уровень – в «Брэйн Бёрсте» фактически предельный. Потому что потом, сколько очков ни заработай, на следующий не выйдешь. Путь к десятому уровню – победить пятерых других девятиуровневых линкеров… и при этом те пятеро потеряют все очки. Другими словами… – Нико снова опустила глаза и

пробормотала: – После того как ты становишься девятого уровня, дальше в Ускоренном мире ты набираешь только личный опыт; это и отличает других королей. Мне казалось, что я в этом отношении остальным не уступаю. Мне казалось, что сейчас у меня достаточно сил, чтобы не дать снова отобрать у себя в Ускоренном мире то, что уже отобрали в реальном. Но… это было наивно. Они… «ориджинаторы[12]»… давно уже перестали цепляться за раны, за которые цепляюсь я. Даже не знаю… как их еще назвать, если не чудовищами…

– …О… риджи?..

Харуюки, погрузившийся в монолог Нико, смог лишь переспросить попавшее в ухо незнакомое слово. Но Нико ничего не ответила, лишь уткнулась лбом в колени.

В гостиной повисло молчание, слышался лишь тихий гул кондиционера. Небо за окном постепенно становилось свинцовым, у электромобилей, едущих чередой по эстакаде седьмой кольцевой линии, начали включаться фары.

В школе-интернате Нико скоро должен был начаться комендантский час, но съежившееся тельце девочки двигаться никак не собиралось. Даже тонкие хвостики волос по бокам головы безжизненно повисли.

Сейчас я должен что-то сказать. И Харуюки принялся отчаянно подыскивать какие-то подходящие слова.

Если подумать – непохоже, чтобы Нико лично приехала в Сугинами только лишь ради того, чтобы извиниться за свои слова на совещании. Неужели сейчас под этой челкой Харуюки видит лицо, которое Нико не показывает даже Пард-сан, своей правой руке по красному легиону?

– …

Подходящие слова так и не придумались, но сказать что-то было надо, и Харуюки сделал глубокий вдох.

Однако за миг до того, как он начал говорить, Нико вдруг вскинула голову. На ее лице, к удивлению Харуюки, сияла улыбка до ушей. Губы шевельнулись, и более высоким, чем прежде, голосом девочка произнесла:

– Прости, что наговорила странных слов, братик!

– …У, а, не, это…

Харуюки от такого поворота обалдел. Нико применяла свой сомнительный «режим ангелочка» нарочно, чтобы сбивать его с толку – это он понимал, но, будучи единственным ребенком в семье, просто не мог не смущаться, когда его звали братиком с такой улыбкой.

– Что было сегодня, все забудь! А мне пора домой! Спасибо за сок!

Стремительно произнеся все это сладким голоском, точно сопровождая концы фраз спецэффектом «звездная пыль», Нико спрыгнула с дивана и пробежала через гостиную.

Лишь тут Харуюки вышел из парализованного состояния и сумел-таки встать, после чего спросил вслед тощей спине:

– П-погоди, Нико. Ты о чем-нибудь… еще о чем-нибудь не

хотела разве поговорить?..

Девочка резко затормозила перед самой дверью. Миг стояла в нерешительности, потом внезапно развернулась. Следующие ее слова, произнесенные с солнечной улыбкой на лице, были совершенно неожиданными.

– Скажи, братик Харуюки. Если кто-нибудь из нас… или даже мы оба потеряем «Брэйн Бёрст», мы же наверняка друг друга не забудем, правда?

– Эээ…

Полная потеря всех относящихся к делу воспоминаний. Это последнее правило, применяемое к тем, кто лишается «Brain Burst», Харуюки узнал два месяца назад. Даже Черноснежка до того момента знала о нем лишь на уровне слухов; а когда о нем узнала Нико, Харуюки понятия не имел.

Глядя снизу вверх на Харуюки, у которого перехватило дыхание, Нико вдруг протянула ему тоненький правый мизинец.

– Давай пообещаем. Если найдем в адресной книге нейролинкера незнакомое имя, прежде чем стирать, пошлем туда всего один мэйл. И тогда, может, еще раз…

– …рита. Арита! Ээй, ты вообще слушаешь?

Услышав, как его громким голосом зовут по фамилии, Харуюки вынырнул из вчерашних воспоминаний.

Он с трудом подавил боль, переполнявшую грудь. Несколько раз вдохнув-выдохнув, он кое-как сумел переключить думательные шестеренки.

– Д-да, конечно! – поспешно отозвался Харуюки и почти машинально вскочил, ударившись при этом ногами о парту и стул из усиленного пластика; те затряслись. И лишь тогда он наконец вспомнил, что сейчас находится не в своей гостиной, а в кабинете класса 2С.

Боязливо поводив глазами, он обнаружил, что классрук Сугено за учительским столом смотрит на него строго, а одноклассники вокруг хихикают над его слишком бурной реакцией.

В этих голосах Харуюки не чувствовал того издевательского оттенка, который был в прошлом году, – хотя нельзя сказать, что его там не было на сто процентов. В иерархии этого класса Харуюки тоже был на дне, но занимал положение «безобидного жирдяя». Конечно, его это не сказать чтоб не устраивало – напротив, было идеальным вариантом.

Вот почему Харуюки всеми силами старался избежать глупых ошибок, привлекающих к нему внимание, вроде этой. Он боялся, что это может послужить поводом для одноклассников с

хулиганскими задатками начать потихоньку над ним измываться, чтобы снять стресс; одна мысль об этом была ему невыносима.

Поэтому Харуюки смущенно улыбнулся, будто говоря «а, ерунда», и собрался было сесть обратно.

Однако он почувствовал, что от него еще чего-то ожидают, и застыл на месте. Судя по выражениям лиц одноклассников, они с нетерпением ждали, что Харуюки сейчас что-то скажет.

Ч-что-что-что это за ощущение. Как будто я что-то должен сделать. Не может быть, неужели это какая-то подколка? Они начали какую-то суперсложную миссию, которая нацелена на то, чтобы в итоге поржать надо мной?

На огромной скорости крутя эти мысли в голове, Харуюки весь покрылся холодным потом, как вдруг –

– О, Арита. То, что ты встал, означает, что ты вызываешься добровольцем?

Этот вопрос Сугено стал для Харуюки полной неожиданностью.

Добровольцем? На что?

Все, что говорил учитель до этого момента, Харуюки успешно пропустил мимо ушей, и привязать его вопрос к чему-либо он не мог. Закаменев от неожиданного развития событий, Харуюки сфокусировал взгляд за спиной учителя. Однако на виртуальной доске тоже ничего не было написано.

Без паники, думай. О каких обязанностях могут говорить на классном часе… Да, читать тексты школьных объявлений. Десять к одному, что сейчас это самое и есть.

Додумав до этого места, Харуюки вернул взгляд на виртуальный рабочий стол. В области, где появлялись новые сообщения, обнаружился файл-документ, которого там раньше не было.

Чтение вслух реальным голосом не было его сильной стороной. Но, конечно же, это выходило намного лучше, чем выражать вслух собственные мысли на уроках японского и английского. В такой ситуации принять вызов и потом хреново читать – лучший выбор, чем сказать «нет» и сесть на место, тем самым испортив общую атмосферу.

Решив, что дальше надо не думать, а действовать, Харуюки поднял голову и, глядя Сугено в глаза, отчетливо произнес:

– Д-да!

Тут же в классе раздалось восхищенное «ооо!», а затем шквал аплодисментов.

– …А?

Почему такая реакция? Если он всего лишь вызвался читать школьные объявления, почему эти аплодисменты?

На глазах у вновь застывшего Харуюки Сугено кивнул и сказал:

– Арита, я всегда верил, что ты из тех людей, которые, когда надо что-то сделать, делают! В классах A и B, скорее всего, кандидатов определят жребием, и я счастлив, что в нашем классе C нашелся доброволец!

Что? Охваченный немыслимо плохим предчувствием, Харуюки кликнул на новоприбывший файл.

С легким звуковым эффектом документ…

«Извещение о формировании комитета живого уголка: от каждого из вторых классов надлежит избрать одного ученика, всего трех учеников, членами комитета»

…холодным шрифтом сообщил вот это.

– …Ж-живого уголкааа?!

Стон Харуюки потонул в продолжающихся аплодисментах.

Живой уголок. Это в смысле, я должен буду за всякими зверями ухаживать?

Понимание постепенно проникало в его мозг; оглядывая класс, он наткнулся на потрясенно качающую головой Тиюри и натянуто улыбающегося с видом «ну и ну» Такуму.

– …Слушай, Хару, ты, конечно, как всегда, считал ворон…

Короткий перерыв между уроками и занятиями кружков.

К парте Харуюки, за которой он по-прежнему сидел с совершенно убитым видом, подошла его подруга детства Тиюри Курасима и, пристально глядя на него, произнесла те слова. А потом еще добавила:

– Но если не понимаешь, что происходит, то хотя бы открой файл, который тебе прислали! *Нафига* тебе надо ломиться вперед с одними догадками?!

– Да ладно тебе, Ти-тян. У Хару далеко не в первый раз мысли в голове носятся, как взбесившийся поезд, – сказал стоящий рядом с ней Такуму Маюдзуми. Это совершенно не так, подумал Харуюки, однако он был не в том положении, чтобы возражать. Ерзая на стуле, он жалким голосом промямлил:

– Да хватит уже. Раз придется, так буду делать, хоть живой уголок, хоть чего.

– …Если б тебя заставили, я бы что-нибудь сказала… Блин, но ты так шикарно вызвался, что уже никуда не денешься, да.

Тиюри вздохнула, но вдруг ее выражение лица изменилось. Кошачьи глаза глянули остро, волосы с блестящей заколкой придвинулись ближе.

– Но если серьезно, у тебя вообще будет время на работу в этом комитете? Ведь за эту неделю Хару…

Продолжил за нее тихим шепотом Такуму, тоже склонившийся к Харуюки:

– …Должен «очиститься» от того паразита, каким угодно способом.

…Да.

На эту неделю, то есть с понедельника 17 июня по воскресенье 23 июня, Харуюки дали «отсрочку приговора».

На вчерашнем совещании семи королей в конце концов было принято два решения.

Во-первых, по поводу атаки загадочного Общества исследования ускорения – «продолжать сбор информации». С точки зрения Харуюки, решение было беззубым, однако в нынешнем положении, когда об этой организации практически ничего не известно, как-то контратаковать действительно было невозможно.

И во-вторых, как бы компенсируя эту беззубость, – жесткое решение по поводу Сильвер Кроу, ставшего Кром Дизастером.

Если Харуюки в течение семи дней, включая сегодняшний, не сумеет полностью избавиться от паразитирующего на нем Доспеха бедствия, Кром Дизастера, пять королей назначат за его голову награду. Более того, приз – большое количество бёрст-пойнтов – будет распределен пропорционально количеству побед над Сильвер Кроу.

Если такое произойдет, то, стоит ему шаг сделать за пределы Сугинами, как на него тут же навалится туча Бёрст-линкеров, включая высокоуровневых, и очки Харуюки, скорей всего, истощатся вмиг. «Уничтожение Доспеха» – законный повод, никто не постесняется напасть толпой на одного.

Конечно, он мог бы последовать примеру Черноснежки, за голову которой тоже была назначена награда, и не покидать Сугинами (в пределах которого он имел право отклонять вызовы на дуэль через Глобальную сеть), но тогда он и зарабатывать очки не сможет. Он перестанет набирать уровни – для Бёрст-линкера это все равно что смерть.

Словом, «приказ на уничтожение от королей», можно сказать, равнозначен смертному приговору. Черноснежка, конечно, прожила так целых два года – но она благодаря своей железной воле ни разу за все время не подключила свой нейролинкер к Глобальной сети; кроме того, она-то уже достигла девятого уровня. К Харуюки последнее не относилось, да и первое вряд ли было возможно.

– …Неделя… – пробормотал Харуюки и посмотрел на собственные руки, лежащие на парте.

Не особо даже стараясь, он представил себе, как их покрывает

роскошно сверкающая двухслойная серебряная броня. Сильвер Кроу – его второе «я», в которое он мог перевоплотиться когда угодно. Потерять возможность этого перевоплощения, перестать быть Бёрст-линкером – Харуюки это казалось чем-то нереальным.

Нет, может, это чувство у меня потому, что здесь реальный мир? А для меня настоящий уже только тот мир?.. Если так, то, потеряв «Брэйн Бёрст», куда я вообще смогу деться?..

Едва Харуюки об этом подумал, как по спине пробежала холодная дрожь. В ушах прозвучал высокий, чистый голос девочки:

«Давай пообещаем. Если найдем в адресной книге нейролинкера незнакомое имя, прежде чем стирать, пошлем туда всего один мэйл…»

Те слова Нико произнесла в «режиме ангелочка», и Харуюки не мог понять, насколько она была серьезна. После этого она заставила Харуюки сцепиться с ней правыми мизинцами[13] и быстро убежала домой.

Невозможно забыть. Пусть даже воспоминания об Ускоренном мире сотрутся, но связи между людьми в мире реальном забыть никак невозможно. Харуюки твердо сказал себе это, и тут в груди у него распространилось тревожное ощущение. Что если он связи реального мира тоже потеряет… отбросит воспоминания с табличкой «реальность» и незаметно для себя станет совсем пустым?..

От внезапно накатившего на него ужаса он сжал руки в кулаки и опустил было голову еще сильней, но за миг до этого перед его глазами появилась маленькая ладошка и обхватила левый кулак Харуюки.

– Все будет хорошо, Хару.

Подняв лицо на этот голос, Харуюки увидел Тиюри с ее обычной мягкой улыбкой.

– Вот именно. Я уверен, скоро все так или иначе образуется, – решительно добавил и стоящий рядом Такуму, протянув мозолистую от синая руку и похлопав Харуюки по правому кулаку.

– И еще, Хару. Мы посоветовались и решили. Если через неделю за тебя назначат награду, мы с Так-куном будем передавать тебе очки, чтобы ты мог расти в одном темпе с нами. Так что, Хару, ни о чем не волнуйся.

Харуюки пристально уставился в глаза Тиюри. Потом, приподнявшись со стула, отчаянно замотал головой.

Понизив тон насколько возможно, Харуюки шепотом прокричал:

– Не… нельзя! Если вы так сделаете, за вас тоже назначат

награду! Эти гады только и ждут, чтобы мы им повод дали!

– Эй, эй, Хару, я все-таки более-менее твой семпай. Есть уйма способов передавать очки так, чтобы никто не узнал, – с усмешкой произнес Такуму и поправил дужку очков на переносице, после чего кинул взгляд вправо-вниз и, словно пресекая возможные возражения Харуюки, выпрямился. – Так, скоро пора расходиться по кружкам и секциям. Хару, если не будешь успевать со своим комитетом живого уголка, скажи, и я попробую помочь. В любом случае, на этой неделе первый приоритет у нас – «план очищения», который набросала командир.

– …Аа, прости, Таку.

Проглотив самые разнообразные другие слова, Харуюки опустил голову.

План очищения от Доспеха бедствия. Так Черноснежка назвала нацеленную на искоренение Кром Дизастера операцию, которую в гневе объявила после того, как на совещании семи королей было принято решение насчет Сильвер Кроу. План этот, похоже, состоял из трех стадий, но в деталях его ни Харуюки, ни его друзья пока не знали. Харуюки поднял голову и, обращаясь наполовину к самому себе, произнес:

– Я его толком не знаю, но… сейчас в любом случае остается только стараться изо всех сил…

– Вот именно, и мы тоже будем помогать, чем сможем. Ладно, пока, увидимся.

Еще рез легонько хлопнув Харуюки по левому локтю, Такуму развернулся и почти бегом отправился в додзё для занятий кендо. Проводив его взглядом, Тиюри тоже напоследок быстро прошептала:

– Я тоже побежала на секцию, но, если что-нибудь случится, не стесняйся, скажи мне. Мы… эээ… товарищи, как бы это сказать… единомышленники – не, не то… эммм…

Семья. Так правильнее.

Это произнес внутренний голос Харуюки, но Тиюри как будто услышала его – замолчала и широко улыбнулась. Сжала правую руку в кулачок и выбежала из класса.

Оставшийся в одиночестве Харуюки закинул сумку на плечо и мысленно произнес:

Реальность или виртуальность – по сути вообще неважно. Мы с Таку, мы с Тию, мы с семпаем и с Рейкер-сан, а еще с Нико, с Пард-сан и с многими другими всегда «здесь» – в сердце.

И я хочу это защитить. Не хочу потерять. И как Харуюки Арита… и как Сильвер Кроу.

Кинув взгляд на часы, Харуюки обнаружил, что до указанного

в файле времени собрания комитета осталось всего пять минут. Уже направляясь к выходу из корпуса, он заново принял решение.

Эта неделя отсрочки – драгоценное время, которое Черноснежка и Нико вырвали у Желтого и Фиолетового королей, требовавших немедленной казни. Ни за что нельзя, чтобы эта отсрочка пропала впустую. Из-за того, что он по-идиотски вызвался добровольцем, ему придется заниматься комитетскими делами, но даже в этих делах, может, ему удастся найти какую-нибудь подсказку. В общем, сейчас ему остается лишь вкладываться по полной во все, чем он занимается.

– Так! – негромко воскликнул он и вышел наружу. Оказывается, дождь уже кончился.

Глава 4

Частная средняя школа Умесато располагалась в Токио, на востоке района Сугинами, недалеко от перекрестка улиц Оме и Ицкаити.

Она была довольно маленькая по численности – всего три параллели у каждого года обучения, – но занимала приличную площадь. К северу от спортплощадки с трехсотметровой беговой дорожкой находился идущий с запада на восток трехэтажный главный корпус, от его середины на север шел спортивный корпус. По другую сторону спорткорпуса снова с запада на восток шло второе школьное здание. В целом это все выглядело как буква Н.

Кабинеты всех классов и столовая располагались в новом здании – первом корпусе. Что касается старого, второго корпуса, то на первом этаже там были учительская и кабинет директора, а второй и третий занимали всякие хранилища и почти не используемые сейчас спецкабинеты. Вот почему ученики туда практически не ходили. Именно поэтому Харуюки, когда учился в первом классе, использовал мужской туалет на третьем этаже второго корпуса как «убежище».

Однако было место, куда ученики заглядывали еще реже, точнее, о существовании которого знали еще меньше. Узкий и длинный закуток между бетонной стеной и высоким забором.

Харуюки, новоиспеченный член комитета живого уголка, пробрался в эту сырую щель и очутился в самом северо-западном уголке средней школы Умесато.

– …Надо же, в нашей школе вообще есть такое место … – глядя на *это строение*, пробормотал Харуюки.

Так называемое «строение» было совсем крохотным. Пол – максимум четыре метра в длину и ширину, до потолка – два с половиной. Боковые и задняя стены из натуральных досок (это в наши-то дни); крыша, скорей всего, шиферная.

А передняя часть была вся затянута металлической сеткой с трехсантиметровыми ячейками. Иными словами, это была клетка. Конечно, не для того, чтобы запирать проштрафившихся учеников. Просто маленький вольер для содержания животных.

Однако, придвинувшись ближе к сетке и вглядевшись, Харуюки обнаружил, что никаких животных в вольере нет. Зато была куча палой листвы, проникшей внутрь сквозь ячейки сетки. Под ней наверняка обитала уймища микробов, но не может же быть, чтобы ухаживать пришлось именно за ними.

– Комитет живого уголка есть, вольер для живого уголка тоже, не хватает одной важной детали – самих зверей… – склонив голову набок, снова сказал себе под нос Харуюки. Даже если их должны будут доставить позже, все равно он не понимал, почему встречу назначили именно на сейчас.

В это время сзади раздался звук шагов нескольких человек. Резко обернувшись, Харуюки увидел двоих, приближающихся со стороны переднего двора. Парень и девушка. Их галстук и бант были синими, как галстук Харуюки, но лиц он не припоминал, значит, они не из его параллели. Стало быть, это свеженазначенные члены комитета живого уголка, коллеги Харуюки.

Собираясь для начала поздороваться, Харуюки шагнул наружу, но, прежде чем он успел сказать хоть слово, парень воскликнул:

– Уэээ, ну и грязюка здесь! Сколько листьев, ужас!

Следом и девушка эмоционально заявила:

– Дааа уж. Тут и чистить бесполезно. Серьезно…

Судя по их интонациям, эти двое не вызвались добровольцами, а были выбраны жребием. Впрочем, Харуюки был в том же положении. Сам-то он вскочил по недоразумению.

Как бы там ни было, а с этими двумя подневольными ему придется вместе заниматься комитетской деятельностью. Сделав глубокий вдох, Харуюки на редкость слабым голосом произнес:

– Это… Нам сперва надо бы председателя выбрать…

Согласно документу, который новым членам комитета разослали после назначения, сегодня следовало провести два мероприятия. Во-первых, выбрать председателя комитета; во-вторых, вычистить этот вольер. Пока и то, и другое не будет сделано и все члены комитета не отправят журналы своей деятельности на школьный сервер, домой уйти они не смогут.

Одного взгляда на вольер было достаточно, чтобы понять, что чистка его будет делом очень непростым, но хотя бы распределение ролей можно было бы закончить побыстрей. Несколько секунд Харуюки ждал, слабо надеясь, что кто-нибудь из этих двоих скажет «я буду». Комитетская деятельность учитывается в послужном списке ученика, этот пункт помогает при поступлении в старшую школу, так что многие ученики стараются заполучить напротив своей фамилии пометку «председатель такого-то комитета».

…Только вот ни один из этой пары не вызвался добровольцем, поэтому ясно было, что они перед собой такую цель не ставят. Прождав пять секунд и убедившись, что никто раскрывать рот не собирается, Харуюки с вялой улыбкой сказал:

– …Ладно, если никто не против, то председателем могу быть я.

Он ждал их реакции, презирая себя – он ведь даже не смог решительно сказать «я возьмусь», – однако загорелый парень (явно из тех, кто ни в какие кружки не ходит) и девушка с загнутыми внутрь от перманента кончиками волос одновременно кивнули с выражением облегчения на лицах.

– Лаадно.

– Идет…

У всех троих одновременно пальцы забегали по виртуальным рабочим столам; они открыли вкладку «Новое мероприятие комитета», в поле «Председатель» ввели имя Харуюки и нажали кнопку «Принять». Теперь в локальной сети школы Харуюки будет официально значиться председателем комитета живого уголка.

Заодно Харуюки узнал имена своих коллег. Парня звали Хамадзима, девушку Идзеки. Поскольку в комитете было всего три человека, прочие должности, начиная с вице-председателя, распределять не требовалось.

Знал бы заранее, в начале триместра вызвался бы в библиотечный комитет, искренне подумал Харуюки и жестом правой руки убрал окно. Так или иначе, первое задание выполнено. Проблема, однако, была во втором задании – чистке вольера.

Снова заглянув внутрь, Харуюки решил, что, конечно, деревянные стены грязные, но главная трудность будет с листьями на полу. Они лежали слоем толщиной сантиметров пять, и без какого-либо инструмента их не убрать никак. В том документе было сказано, что члены комитета имеют право пользоваться уборочными принадлежностями, хранящимися в сарайчике на школьном дворе.

– Ладно, для начала… я принесу метлы и совки, вы пока подождите, – пробормотал Харуюки и потрусил во двор, находящийся по ту сторону второго корпуса. На бегу он думал, что сейчас все-таки лучше, чем в прошлом году, когда он был первоклассником, его заставляли бежать покупать булки и орали вслед «жми давай!».

Как только они начали, стало ясно, что чистка вольера – дело еще более тяжелое, чем казалось раньше.

Если бы скопившиеся листья были сухими, возможно, их удалось бы быстро вымести метлой; но ведь сейчас был сезон дождей. Более того, они, похоже, накапливались тут понемногу в течение долгого времени, и нижняя часть слоя успела сгнить и надежно въесться в пол. Старомодные бамбуковые метлы –

конечно, не из натурального бамбука, а имитация из пластикового волокна такой же жесткости – лишь скребли по поверхности, не в силах справиться с тем, что к ней прилипло.

Тем не менее минут двадцать они сражались; потом Идзеки наконец сдалась.

– Бллиииин, у меня уже руки отваливаются и спина!

– Хе-хе, прям как старая бабка, – отреагировал Хамадзима, за что тут же удостоился испепеляющего взгляда. Если б на его месте был Харуюки, он бы от такого взгляда, наверно, закаменел.

– Как же бесит. Эй, ты, по-моему, ты последнее время в одном и том же месте машешь? – раздраженным тоном Идзеки спросила у Хамадзимы; тот огрызнулся:

– Пф, заткнись. Сама-то просто шебуршишь листьями, которые мы уже вымели наружу, а? Хорошо устроилась.

– Чего? Я что-то не поняла. Как ты это сказал, это же просто невозможно?

Перепалка товарищей по комитету становилась все злее с каждой фразой; слушая ее и лихорадочно работая метлой, Харуюки покрывался холодным потом. Прежде чем она перерастет в настоящую ссору, надо бы их прервать, успокоить; однако он не то что рта раскрыть – головы поднять не мог.

Нет. Как бы там ни было, а я сам вызвался добровольцем в комитет живого уголка, а потом еще и навязался в председатели. Сейчас я просто должен им сказать что-то крутое, это моя обязанность.

– П-послушайте! – набравшись смелости, подал голос Харуюки. Готовые вот-вот взорваться Идзеки и Хамадзима разом повернулись к нему.

– …Это…

Он набрал полную грудь воздуха, напряг живот и наконец выдал:

– …Мы тут в любом случае до закрытия школы не закончим… Так что вы оба можете отметиться в журнале и идти… Я для виду еще тут побуду…

…Минуту спустя.

Его коллеги, с чистыми улыбками поблагодарив Харуюки, на полной скорости унеслись прочь. Оставшийся один в узком дворике Харуюки глубоко вздохнул.

Если признаться честно…

Нельзя сказать, что он ни на миллиграмм не надеялся, что другие члены комитета окажутся добрыми, обожающими животных девушками и что работать с ними будет приятно. Однако если подумать – таких учениц существовать не могло, иначе комитет бы собрался гораздо раньше; отсюда и получилось

то положение дел, которое получилось. Нет, на самом деле вполне могло быть и хуже: двое других членов комитета могли оказаться отморозками вроде тех, которые гнобили Харуюки в первом классе. Так что ему еще стоило бы поблагодарить судьбу.

Так себя утешая, Харуюки снова принялся разглядывать вольер.

Скопившейся на полу листвы они и половины не убрали. На часах в правом нижнем углу поля зрения было 4:15. Из школы полагалось уйти не позже шести часов, так что время еще было, но, похоже, бороться с черным слоем, почти превратившимся в землю, одной лишь бамбуковой метлой просто бесполезно. Если, конечно, всерьез стремиться вычистить этот вольер.

– …Ну, все равно за один день тут не управиться. Опять же, и зверей тут нет… – пробормотал Харуюки и бросил метлу на землю. Можно убить время до закрытия школы какой-нибудь игрой, сделав вид, что усердно трудился, но не закончил, а завтра уже продолжить с новыми силами. С этой мыслью он приготовился сесть на выступ у основания школьного забора – как вдруг.

Она тоже.

Едва эта мысль мелькнула у него в голове, Харуюки застыл на месте.

Она, Черноснежка, тоже наверняка еще не ушла домой. Наверняка она сейчас сидит в далеком кабинете студсовета и усердно работает над подготовкой к школьному фестивалю, который будет в конце месяца. И Тиюри, и Такуму тоже. Одна на беговой дороже, другой в додзё – оба упорно тренируются.

– …Все каждый день после уроков заняты делом…

Харуюки вздохнул и уставился на свои грязные руки. Даже если он здесь и сейчас будет стараться изо всех сил, никто его не похвалит, никто ничего не даст. Если так, для чего вообще нужны послеурочные занятия?

Черноснежка когда-то говорила, что вошла в студсовет, чтобы взять в свои руки школьную локальную сеть – ей это было нужно как Бёрст-линкеру; но Харуюки чувствовал, что это не единственная причина. И Черноснежка, и Такуму, и Тиюри – все трудились, чтобы доказать что-то самим себе. А он, Харуюки, меньше часа назад приняв решение вкладываться по полной во все, чем занимается, уже готов бросить свое дело.

– …Блин, какой же я…

Глубоко вздохнув, Харуюки нагнулся и подобрал метлу.

Поработав пять минут и выметя из вольера те листья, которые смог, Харуюки остановился и задумался.

Если что-нибудь придумать, чтобы повысить эффективность,

это же не будет считаться халтурой. Чтобы успеть разобраться со слоем сгнившей листвы до того, как Харуюки придется покинуть школу, нужны подходящие инструменты и способы. Первое, что ему пришло в голову, – смыть все большим количеством воды; однако ближайшим источником воды – прямо рядом с вольером – был всего лишь маленький краник; эта вода предназначалась для того, чтобы поить животных.

На всякий случай Харуюки его открыл, но вода потекла тонкой струйкой; чтобы наполнить хотя бы ведро, уйдет бог знает сколько времени. Изо всех сил ломая голову, Харуюки наконец вспомнил, что председателям комитетов положен больший, чем обычным ученикам, доступ в школьную сеть.

Вызвав с виртуального рабочего стола карты школьной территории, Харуюки для начала убрал всю информацию об инфраструктуре, кроме водоснабжения. К вольеру шла лишь тоненькая голубая линия, но совсем недалеко, судя по всему, проходила большая труба, и там был кран. Кликнув по этому месту, Харуюки принялся вертеть головой и возле стены школьного здания в трех метрах от себя обнаружил стрелку вниз с индикатором ДР[14].

– Водопровод… там… – пробормотал Харуюки и обновил карту, выведя на этот раз список школьных принадлежностей и выбрав все шланги длиной не меньше пяти метров. Один обнаружился в шкафчике в мужском туалете на первом этаже второго школьного корпуса. Кликнув на светящейся точке, Харуюки во всплывшем окне запросил разрешение на использование. Обычным ученикам к оборудованию, не предназначенному для общего пользования, даже притрагиваться запрещалось, однако сейчас всего через секунду Харуюки получил от системы утвердительный ответ, и у него вырвалось:

– Оо… классно быть председателем. Так, теперь…

Он снова пролистал список принадлежностей. На этот раз он выбрал большую лопату; она хранилась в сарае на центральном школьном дворе, и ей можно было пользоваться без вопросов. Наконец он стал искать какую-нибудь щетку для чистки поверхностей. Подходящая нашлась в хранилище уборочных принадлежностей на переднем дворе, и Харуюки получил разрешение ее взять.

– Теперь всё. Так, ну, приступим еще разок!

Если бы кое-кто кое-где это услышал, то непременно сердитым голосом сказал бы: «Не смей меня копировать!» С этой мыслью Харуюки побежал на передний двор.

Атаковать палые листья тугой струей воды из шланга,

подсоединенного к крану, оказалось на удивление весело; Харуюки думал: «Это ощущение, наверно, совсем как у красных с их дальнобойным оружием», – и прочие подобные вещи.

Однако, естественно, безлимитного доступа к воде строгая система ему не дала; столбик в поле зрения Харуюки, отображающий разрешенное ему для использования количество, быстро укорачивался. Харуюки сосредоточенно освобождал от налипшего слоя участочек за участочком. Понимая, что очистить пол щеткой без воды не получится, он закрыл кран, когда ее осталось процентов двадцать.

Харуюки показалось, что сейчас, когда от большого количества воды грязь развезло по всему полу, положение стало хуже, чем до того, как он взялся за дело. На миг его охватило сожаление, но тут же он решительно сменил шланг на лопату и вошел в вольер.

Хорошо, что из-за сезона дождей на нем были высокие водонепроницаемые кроссовки – вода внутрь не попадала. Конечно, дома их придется как следует отмыть, но – что будет позже, о том и думать можно позже.

– Ии… рраз!

С этим возгласом он вонзил лопату в грязь, и она прошла до самого пола почти без сопротивления. Скребя по поверхности, Харуюки набрал полную лопату черной жижи. Хоть его и пошатывало от ее веса, он все же сумел вышвырнуть содержимое лопаты из вольера наружу.

Харуюки молча смотрел на наконец показавшийся кусочек пола размером всего-то двадцать на сорок сантиметров.

Его охватило какое-то странное чувство. Не такое, как когда он разделывался с утомительной домашкой или убивал наконец неподъемного босса в игре, – чувство мощной отдачи. На глазах едва не выступили слезы, и Харуюки поспешно замотал головой. Гордиться своими достижениями было еще рановато.

Крепче сжав лопату, он выбросил еще одну порцию грязи. И еще одну. Шаг вперед – и еще одну.

От одного этого заболели плечи и поясница, однако Харуюки, чувствуя какую-то странную стимуляцию, продолжил трудиться. С каждой очередной выброшенной горкой грязи усталость чувствовалась все сильней, но в то же время Харуюки лучше понимал, как надо двигать лопатой и собственным телом, и потому эффективность его работы постепенно росла.

Размеренно повторяя одни и те же движения, Харуюки вдруг почувствовал, как какое-то воспоминание заскреблось в уголке сознания. Вроде бы он уже где-то когда-то делал нечто подобное? Но ведь он с раннего детства к реальной земле практически не

притрагивался, а в квартире раз в неделю убирались люди из агентства по домашнему хозяйству, с которыми мать заключила договор.

Забыв про боль в спине, Харуюки принялся усердно рыться в памяти – и минут через пять наконец понял.

Это воспоминание было не из реального мира. Из Ускоренного мира – точнее, из «Безграничного нейтрального поля».

Два месяца назад, сразу после того, как он познакомился со Скай Рейкер, она вдруг скинула его со старой Токийской телебашни. Харуюки должен был влезть обратно на эту трехсотметровую башню, используя лишь собственное тело; чтобы сделать это, ему пришлось упорно тренироваться. Представив себе, что его руки – это мечи, он бог знает сколько тысяч или десятков тысяч раз вонзал их в твердую, как сталь, стену. Именно тогда он сделал первый шаг в мир «системы инкарнации» – засекреченной мощнейшей силы «Brain Burst»…

– ?..

Внезапно…

Харуюки вдруг почувствовал, в собственных воспоминаниях на миг приблизился к чему-то очень важному, и нахмурился.

Продолжая двигать лопатой, он пытался ухватить за хвост это что-то.

Система инкарнации. Система, позволяющая сильным воображением прогибать законы Ускоренного мира и перезаписывать происходящие события.

Если описывать эту силу одним словом, подходящим будет – «ужасающая». Мастерски примененная инкарнация позволяет выйти за пределы правил игры, разорвать землю и небо. Естественно, в реальном мире такого аномального явления существовать не должно.

…Но.

Но это действительно корень всего. Причина ведет к следствию; что если этот простой принцип…

Внезапно раздался стук – это кончик лопаты врезался в стену. Рука Харуюки от сотрясения онемела.

– Ай!..

Он принялся поспешно дуть на ладонь и, когда боль ушла, поднял голову.

Незаметно для него самого старых листьев в вольере практически не осталось. Зато по другую сторону проволочной сетки образовалась неслабая такая горка; Харуюки было трудно поверить, что это он с одной лопатой ее сделал.

– …Надо же, оказывается, я могу! – воскликнул Харуюки и

сладко потянулся; предыдущая мысль куда-то упорхнула. Занемевшая спина протестующе заскрипела, однако эта боль показалась ему даже какой-то сладкой. Сейчас здорово было бы лечь и полежать, но для этого нужно сперва нанести последний штрих. На полу еще оставались листья и грязь, которые он не отскреб.

Выйдя из вольера, Харуюки сменил оружие в правой руке с лопаты на щетку. А в левую снова взял шланг. Если, тратя воду понемногу, тереть пол щеткой, он должен стать по-настоящему чистым. Сейчас было около пяти, но близ летнего солнцестояния света в это время было еще полно. До шести, когда ему придется покинуть школу, Харуюки вполне успеет закончить работу.

В бодром расположении духа Харуюки вернулся в вольер – и лишь тут кое-что осознал.

Чтобы включать-выключать воду, ему нужно поворачивать вентиль на кране, куда прикреплен шланг. Значит, придется каждый раз бегать к крану, а это чертовски неэффективно. А если он оставит воду течь постоянно, отведенное ему системой количество исчерпается вмиг.

– …Хмм…

Переводя взгляд с вольера на кран и обратно, Харуюки отчаянно думал. Однако на этот раз никакого умного решения в голову не приходило. Если уж следите за расходом воды, то сделали бы открывание-закрывание крана дистанционным! К сожалению, об этом он подумал слишком поздно.

Раз так, значит, остается только бегать взад-вперед между вольером и краном… Смирившись с этим, Харуюки потрусил к выходу из вольера.

Сделал несколько шагов вокруг горки грязи – как вдруг.

Посреди поля зрения замигала желтая иконка с изображением радиоволны. Следом внизу появилась надпись: «Запрос соединения ad hoc».

Соединение ad hoc – это когда несколько нейролинкеров связываются друг с другом по беспроводному протоколу без участия промежуточного сервера. Однако в школе этот тип соединения почти не применяется. Он уступает прямому проводному соединению и по скорости, и по конфиденциальности; а главное – когда все ученики подключены к школьной сети, эта функция просто бесполезна.

Кто вообще мог прислать такой запрос? С этой мыслью Харуюки лихорадочно завертел головой по сторонам; наконец он посмотрел назад.

Он не сразу осознал, чтО видит.

Ребенок, одна штука. Тут вопросов не возникало. Девочка.

Здесь тоже ничего невозможного.

Однако это лицо он видел впервые, и девочка явно была не из его школы, более того – вообще не из средней школы, более того – одета в белоснежный спортивный костюм. Неудивительно, что Харуюки решил, что его подводят либо глаза, либо мозг.

Он изо всех сил заморгал и затряс головой, однако девочка у него перед глазами и не думала исчезать; поэтому Харуюки в конце концов с неохотой поднял правую руку с зажатой в ней щеткой и нажал иконку соединения ad hoc.

Тут же надпись и иконка с радиоволной исчезли, сменившись довольно крупным окном с мигающим курсором. Это был не голосовой чат, а текстовый.

Девочка – младше Нико, на глаз лет десяти – убедившись, что связь с нейролинкером Харуюки установлена, приподняла руки. Десять невероятно тонких пальцев расслабленно повисли в воздухе. Харуюки понял, что они заняли исходное положение на голографической клавиатуре; а в следующий же миг –

Все пальцы разом замелькали с такой быстротой, что невозможно уследить глазом, и сразу перед Харуки в строке чата возникла розово сияющая строка.

«UI> Здравствуйте. Вы член комитета живого уголка средней школы Умесато? Я из четвертого класса начального отделения школы Мацуноги, Утай Синомия. Благодарю за то, что приняли мою неожиданную просьбу. Приношу извинения за причиненное неудобство. Уже поздно, но тем не менее позвольте мне присоединиться к уборке».

– ?!.

Харуюки стоял столбом в полном шоке. И дело было не в содержании текста.

Вот это скорость!!!

Потрясающий класс набора текста. Столько букв эта девочка ввела всего за четыре секунды. Если бы он своими глазами не видел, как она печатает, наверно, решил бы, что она просто скопировала и вставила заранее заготовленный текст.

Харуюки втайне гордился тем, что по быстроте печати он во всей школе Умесато первый… нет, второй, самую малость позади Черноснежки. По крайней мере, когда его класс на уроке информатики сдавал предварительный экзамен по набору текста, Харуюки был первым с огромным отрывом. Не то чтобы это достоинство принесло ему какое-то уважение в классе.

Однако вот эта маленькая девочка печатала явно как минимум раза в два быстрее, чем у Харуюки. *Как же, блин, нужно тренироваться, чтобы такой техникой овладеть*, подумал он, не сводя глаз со своей собеседницы.

Девочка по фамилии Синомия, как ни посмотри, вовсе не выглядела мастером по работе с нейролинкером.

Для четвертого класса начальной школы она тоже была мелковата. Руки-ноги, торчащие из коротких рукавов футболки и из шорт спортивного костюма, – беспомощно-тоненькие. Лицо – чисто японское, с характерной формой век и носа; рот – будто ясная линия, которую одним движением провел мастер резьбы по дереву. Ровная угольно-черная челка чуть ниже бровей; высоко на затылке волосы стянуты в хвост. За спиной у девочки был детский ранец из бежевой кожи, в левой руке – великоватая спортивная сумка.

От одного взгляда на девочку Харуюки позабыл про жару и влажность сезона дождей, такое ощущение прохлады от нее исходило. Какое-то время он просто смотрел, пока наконец не заметил ее вопросительный взгляд. Кстати говоря, он ведь до сих пор так и не ответил на ее приветствие.

Для начала надо бы просто сказать «здравствуй»; однако Харуюки подумал, что должен тоже ответить через чат. Поспешно вызвал голографическую клавиатуру и начал было набивать ответ, но тут обнаружил, что до сих пор держит в руках щетку и шланг, и сконфуженно положил их на землю. Снова поднял руки – и в этот самый момент в окне чата появилась еще одна строка.

«UI> Вы можете говорить вслух».

– А… х-хорошо… – идиотским голосом промямлил он, продолжая держать руки приподнятыми.

Харуюки не очень понимал, что происходит. Почему эта девочка предпочитает общаться через чат? Что означает ее предыдущая, как она сказала, «внезапная просьба»? И, в первую очередь, зачем ученице другой школы – более того, начальной школы – понадобилось прийти сюда? Он только догадался, что «UI>» перед каждой фразой в окне чата – это, скорей всего, ник, сокращение от имени Утай.

Бесцельно повисшей в воздухе правой рукой Харуюки поскреб

в затылке и, вложив беспорядочные мысли в голос, проговорил:

– Аа, эээ… п-приятно познакомиться. Я Харуюки Арита… второй класс средней школы Умесато, и… в каком-то смысле председатель комитета живого уголка… Правда, только с сегодня…

И тут же, сразу –

«UI> Да, я знаю, что ваш комитет живого уголка был образован сегодня».

Такая фраза с огромной скоростью появилась перед Харуюки.

– Эээ, п-правда? А откуда ты знаешь? И потом… почему ты из другой школы пришла сюда помогать?..

«UI> Дело в том, что ваш комитет живого уголка был образован по запросу о сотрудничестве со стороны начального отделения школы Мацуноги».

– Эээ, ч-что?!

Предельно спокойная, в отличие от потрясенного Харуюки, девочка из начальной школы, все более отточенно обращаясь с клавиатурой, объяснила ситуацию.

Частная средняя школа Умесато, расположенная в токийском Сугинами, – заведение, более-менее ориентированное на подготовку к старшей школе. Однако ее администрация – не непосредственно дирекция школы, а образовательная фирма с главным офисом в Синдзюку. Она, помимо Умесато, владеет в Сугинами еще женской школой трех ступеней. Это и есть школа Мацуноги, где учится Утай Синомия.

Школа Умесато тоже обладает без малого тридцатилетней историей, но Мацуноги куда старше – ей в этом году исполняется девяносто пять. В общем, если охарактеризовать ее вкратце, то это «школа для девочек из богатых семей». Однако из-за финансовых проблем, вызванных спадом рождаемости, десять лет назад школу продали ее нынешним владельцам. С тех пор предпринимались самые разные меры экономии, и наконец этим летом было принято решение слить начальное и среднее отделения и перевести их в общее здание, которое построят за счет прибыли от продажи части территории школы.

Поскольку это традиционная школа, родители стали возражать, однако все-таки школой владела корпорация. Ее решение осталось неизменным, и здание начального отделения было постановлено снести сразу после окончания первого триместра.

В принципе, большинство учениц эту реорганизацию приветствовало. В новом здании будет высокоскоростная VR-сеть, что обеспечит сверхсовременную виртуальную среду для

образования, какая уже есть в Умесато. Однако, поскольку площадь школьной территории в любом случае уменьшится, кое-что перенести в новое здание не удастся. В том числе – тихо ютящийся на задворках начального отделения школы Мацуноги живой уголок.

«UI> Конечно, я направляла протесты и учителям, и управляющим. Комитет живого уголка принадлежит не только ученикам, но и животным. Ученики могут перейти в другие комитеты, а животным перейти некуда. Но управляющие все время отвечали одно и то же: "Касательно животных, содержащихся в живом уголке, будут приняты меры в соответствии с законодательством". Это значит, их забьют».

До этого момента Харуюки читал текст довольно отстраненно, но тут у него вырвалось: «Нет!»

Конечно, цель любого коммерческого предприятия – получение прибыли, но убивать животных, если для их содержания нет места, – это уж слишком. Каким же шоком это известие должно было стать для детей, долгое время ухаживающих за ними? Сделать такое… такое…

Полные возмущения мысли Харуюки вдруг наткнулись на мощную стену.

Когда ради снижения затрат сокращают школьную территорию, заново открыть живой уголок довольно трудно; ситуацию, в которой оказалось руководство, тоже можно было понять. Лучше всего было бы, если бы ученики разобрали животных по домам, но содержать животных без подходящих условий и большого энтузиазма невозможно. С другой стороны, выпустить их где-нибудь за городом тоже не вариант – помимо прочего, это еще и противозаконно.

Девочка со старомодным именем Утай смотрела на молча стоящего с закушенной губой Харуюки; на лице ее появилось чуть смущенное выражение. Потом она опять задвигала пальцами, и перед Харуюки с невообразимой скоростью появился новый текст.

«UI> Беспокоиться не нужно. Пока ни одно животное не убили».

– Ээ, п-правда?.. Слава богу… – и у Харуюки вырвался вздох. Танцующие пальцы Утай продолжили объяснение:

«UI> Семь кур-бентамок взял фермер в Саяме, который занимается птицеводством. Двум кроликам нашли хозяев в этом районе. Но… один малыш в силу некоторых обстоятельств остался непристроенным».

– Ему… не нашли хозяина… или… не искали?..

Утай кивнула. Подвязанные белой лентой волосы качнулись

над плечами. Красивая, ровная челка, и уж во вторую очередь хвост за затылком, делали ее похожей на дочь самурая из какого-нибудь исторического спектакля.

На миг чисто японское лицо приобрело чуть задумчивое выражение, потом пальцы младшеклассницы вновь забегали по голографической клавиатуре. За все время этого странного разговора она не допустила ни одной опечатки, и подбор слов у нее был, как у взрослого человека.

«UI> Этот малыш в силу некоторых обстоятельств берет корм только из моих рук. Один раз мы попытались приучить его брать еду у других членов комитета живого уголка, но он перестал есть и начал быстро худеть… Полностью я все объясню завтра, когда его сюда переведут, но по этой причине я должна была найти место для нового живого уголка достаточно близко, чтобы иметь возможность ходить туда каждый день».

– А… понятно… – наконец-то разобравшись в происходящем, с запинкой ответил вслух Харуюки на текст Утай. – Поэтому ты предложила вольер живого уголка Умесато, который тут стоит без дела, и у нас создали специальный комитет; но работа тут – не уход за животными, а только чистка, и поэтому взяли всего троих… Поэтому, да?..

«UI> Именно так. Приношу извинения за доставленное беспокойство».

– Не, ничего… Но то, что моя школа послушно согласилась, это… Не то чтобы я хотел сказать, что наша дирекция такая недружелюбная… Но, по-моему, они не любят делать лишнюю работу…

Это, конечно, одна организация, но если они согласились заботиться о животном из другой школы, то что им мешало позаботиться обо мне, когда надо мной весь первый год измывались? Такая мысль крутилась у Харуюки в голове. Вслух он ее не высказал, но, словно прочтя эту мысль, Утай сказала… в смысле написала:

«UI> Прошу прощения, тут тоже есть некоторые обстоятельства… Я знакома с одним человеком из студсовета этой школы, и это немного облегчило дело».

– А, вот оно как.

Да, теперь стало понятно. Ученицы начального отделения школы Мацуноги в основном идут по «эскалаторной» системе – учатся потом в среднем и старшем отделениях там же; однако Харуюки слышал, что дети из некоторых семей, где считают необходимостью переход на следующую ступень через сдачу экзаменов, поступают в среднюю школу Умесато. Если так, ничего удивительного, что у Утай есть знакомые в этой школе.

Выслушав – в смысле прочтя – все это объяснение, Харуюки наконец понял, почему он так внезапно очутился в комитете живого уголка. Причиной этого стал роспуск живого уголка в школе Мацуноги, управляемой той же фирмой; причиной *этого* стала политика сокращения расходов, принятая администрацией; а причиной *этого* стал неостановимый спад рождаемости, иными словами – «вина общества». Но, разумеется, то, что Харуюки стал председателем комитета и что он чистит вольер в одиночку, – вина самого Харуюки.

– Понятно… Синомия-сан, ты просто супер. Ради зверька, которого нельзя взять домой, ты протестовала управленцам, искала новых хозяев, даже пришла в другую школу. Я, когда в четвертом начальном учился, целыми днями думал только об играх, манге, аниме и жрачке…

На эти его искренние слова Утай с серьезным видом покачала головой, потом опустила ранец на землю и одновременно с этим ловко застучала по клавиатуре.

«UI> В игры я тоже люблю играть. К делу: теперь, когда Арита-сан понял все обстоятельства, я хотела бы помочь с чисткой вольера…»

– А, н-ну да.

Вспомнив наконец, что вообще-то сейчас он занимается комитетской деятельностью, Харуюки поспешно подобрал валявшиеся под ногами шланг и щетку.

Когда он чистил вольер один, он не понимал цели этого занятия; теперь же, когда ему объяснили ситуацию и рассказали про переезжающее сюда животное, Харуюки еще сильней, чем раньше, настроился выполнить работу хорошо. «Итак, за дело!» – мысленно воскликнул он и повернулся к стоящему чуть поодаль вольеру.

Оставалось только отчистить въевшиеся в пол остатки грязи и листьев, и Харуюки ломал голову, как ему открывать-закрывать водопроводный кран, чтобы это сделать. И за то, что помощница появилась именно сейчас, он был благодарен судьбе.

– В таком случае я хотел бы попросить, чтобы ты открывала и закрывала вон тот кран.

Харуюки указал туда, где был прикреплен шланг; Утай озадаченно склонила голову набок.

«UI> И все? Я надела спортивную форму, так что испачкаться не боюсь».

Прочтя эту фразу, Харуюки снова уставился на фигурку Утай – белоснежная футболка с эмблемой школы на груди, такие же белые шорты, облегающие тонкие ноги, – но тут же поспешно отвел глаза.

В средней школе Умесато физкультурная форма была такая же, только шорты темно-синие, так что видеть одетых таким образом школьниц он привык каждый день; но его собеседница была богатой девочкой из Мацуноги, и почему-то ему показалось, что разглядывать ее нельзя. …Если бы только Тиюри узнала, что у него такие мысли, она бы, несомненно, обрушила на него суперисепеляющие лучи из обоих глаз.

– Ага, просто тут осталось только пол щеткой оттереть! В общем, когда я подам знак, поверни этот вентиль на три четверти оборота! – чуть возбужденным голосом воскликнул Харуюки и вбежал в вольер. Уже внутри он взял наизготовку шланг и щетку, собравшись вымывать грязь от дальней стены, и снова крикнул: – Д-давай!

«UI> Открываю».

В следующий миг после этого ответа из наконечника шланга полилась несильная струя воды. Следя за шкалой оставшегося количества воды в углу поля зрения, Харуюки залил где-то квадратный метр пола и крикнул: «Закрывай!» Ответом ему послужил звук вращения вентиля.

Как только он принялся с силой тереть щеткой, листья и грязь начали легко отставать, обнажая керамические плитки пола. К счастью, благодаря водоотталкивающему покрытию ни выщербин, ни трещин в них не было, несмотря на то, что в грязи они были долгое время. Раз так, то достаточно этим плиткам будет один день посохнуть, и к ним вернется прежний вид.

Харуюки продолжил поливать плитки водой и затем сноровисто их чистить. Если бы он сам открывал и закрывал кран, эффективность его работы была бы гораздо ниже; кроме того, от одной мысли, что он трудится вместе с кем-то, кто настроен так же серьезно, его охватывало странное приятное чувство. Прежде, когда он видел угрюмые лица Хамадзимы-сана и Идзеки-сан, у него и самого руки тяжелели.

– …Так! Остались последние мелочи… – сладко потягиваясь, произнес Харуюки двадцать минут спустя, когда весь пол был отчищен до блеска. Затем, повернувшись к сидящей на корточках возле крана Утай Синомии, продолжил: – Давай последний раз пройдемся, открывай на всю катушку!

Утай, вместо того чтобы кивнуть, быстро ударила руками по воздуху. Перед Харуюки появилась розовая строка, причем как-то застенчиво.

«UI> Простите, если это вас не затруднит, можно мне тоже помочь? Лить и тереть одновременно должно быть эффективнее, и мне тоже хочется немного поработать руками…»

– Не, ну, вообще-то ты и так уже достаточно сделала,

Синомия-сан… Но если ты сама хочешь… – нерешительно промямлил Харуюки и протянул щетку в правой руке. Лицо Утай чуть-чуть просветлело, она кивнула и, оставив на вентиле правую руку, одной лишь левой мастерски напечатала:

«UI> Тогда я иду».

– Давай!

Она со скрипом отвернула вентиль, и шланг задрожал у основания. И тут же Утай побежала, словно наперегонки с несущейся по шлангу водой.

Ворвавшись в вольер через несколько секунд после водяной струи, девочка выхватила у Харуюки щетку и принялась с энтузиазмом выметать воду с пола за проволочную сетку вольера. Харуюки, подстраиваясь под ее движения, стал направлять вырывающийся наконечник шланга двумя руками, так чтобы вода текла из задней части вольера в переднюю. Счетчик оставшегося количества воды, который был на отметке 20%, начал стремительно приближаться к нулю, но зато с каждым шуршащим движением щетки все больше керамических плиток пола возвращали себе красивый светло-коричневый цвет.

Утай со щеткой обращалась великолепно. Похоже, к таким масштабным чисткам она привыкла. Охваченный странным восхищением – «как и ожидалось от школы для богатых девочек», – Харуюки, не желая уступать, тоже сосредоточенно работал шлангом, вымывая плавающий по полу мусор.

Всего несколько минут спустя весь пол блестел как новенький, и отведенное Харуюки количество воды как раз почти исчерпалось. «Суперский расчет!» – удовлетворенно отметил про себя Харуюки и с улыбкой повернулся к Утай.

– Все, закры-… – начал было говорить он, но тут резко захлопнул рот.

Его напарница, прежде ответственная за открытие-закрытие крана, сейчас была в вольере вместе с Харуюки и дотянуться до вентиля никак не могла. А при полном израсходовании отведенного количества воды система сама ее не перекрывает. Значит, сколько-то десятков секунд с этого момента вода будет перерасходоваться.

Разумеется, за это Харуюки не арестуют и в концлагерь не отправят, но в реестре учеников в школьной сети против имени Харуюки появится пометка «Незначительное нарушение»; позже его отчитает учитель, или еще какая-нибудь неприятность подобного уровня случится.

– Уй, блин…

Харуюки тут же изо всех сил сжал конец шланга. Остановленная вода недовольно задрожала, и падающая шкала

почти полностью остановилась. Прочувствовавшая положение дел Утай, не став ничего печатать, отбросила щетку и ринулась к крану.

В этот момент случилась катастрофа.

Давивший на шланг правый большой палец Харуюки соскользнул, и тугая струя воды, как атака дальнобойным оружием, с огромной силой брызнула…

…и угодила точно в правый бок спортивной формы Утай, от головы до живота.

Харуюки задеревенел, в полном шоке от вызванной им катастрофы; Утай же, хоть и была намного младше него, лишь на миг застыла с удивленным выражением лица, но сразу побежала опять. Преодолев три метра до крана возле стены школьного здания, она проворно закрыла вентиль.

Судя по шкале на правом краю поля зрения, от перерасхода Харуюки был спасен с зазором в 0.2%, но он этого даже не осознавал – так и продолжал стоять столбом, держа шланг в правой руке.

Утай трусцой подбежала к нему – с нее падало множество капелек воды – и напечатала:

«UI> Пожалуйста, не беспокойтесь. Я к таким ситуациям была готова, потому и переоделась в физкультурную форму».

После чего с тем же выражением лица закатала пропитавшуюся водой и прилипшую к телу футболку и обеими руками выжала.

От этого беззащитного движения взгляду Харуюки, хотел он того или нет, открылась белая кожа девочки, и это нанесло такой удар по его заклинившей думательной трансмиссии, что она вернулась в рабочий режим. Стрелка тахометра мигом прыгнула в красную зону, и наконец – усиленное потоотделение, прилив крови к лицу, повышенный пульс – ну, то есть включилась нормальная реакция Харуюки; он рывком выпрямился и сдавленно прокричал:

– П-п-п-прости, извини, пожалуйста!!! Че-че-честно, я-я-я, я не хотел!!! У меня со-со-со-совершенно случайно рука со-со-соскользнула и вода, вода брызнула…

Утай несколько раз моргнула, склонив голову набок, и ее пальцы вновь забегали.

«UI> Но ведь все в порядке? Сменную одежду я тоже взяла, так что никаких проблем».

– Но-но-но-но такой сильной струей, не… не…

Нейролинкер могло залить.

Пытаясь это сказать, Харуюки глянул на тонкую шейку Утай.

Нейролинкер, как постоянно носимое устройство, обладает

достаточным уровнем водозащищенности, чтобы выдерживать, скажем, купание или стирку. Но разъем для прямого соединения и объектив камеры довольно уязвимы, и если в них попадает вода под большим давлением либо они оказываются в воде целиком, то могут повредиться. Об этом Харуюки и тревожился – но.

На прикрытой хвостиком волос шее Утай, сколько Харуюки ни вглядывался, ничего не было. На кончиках волос блестели капельки воды, и это все, что он видел; никаких устройств.

– Ээ… – вырвалось у Харуюки, снова пораженного, но в ином смысле, чем в прошлый раз.

У Утай Синомии не было нейролинкера. Но это же невозможно. С час назад она подключилась к нейролинкеру Харуюки, а потом общалась с ним через чат, разве не так?

Пока Харуюки думал об этом, он вдруг осознал, что есть вопрос, который у него должен был возникнуть раньше.

Почему чат? Ужасающая скорость набора текста позволяла им общаться без малейшей задержки, и до сих пор он принимал это как должное. Но если подумать – с самого своего появления здесь Утай не произнесла вслух ни единого слова. Конечно, у нее наверняка есть какая-то причина, какие-то обстоятельства…

Утай, похоже, поняла, что означает взгляд Харуюки.

Глядя на него словно бы чуть красноватыми глазами, девочка проворно двинула правой кистью. И тут же в поле зрения Харуюки появился вертикальный прямоугольник.

Визитная карточка. Сверху посередине – полное имя, «Утай Синомия»; ниже, шрифтом помельче – «Школа Мацуноги, начальное отделение, четвертый класс, фиолетовая группа» и «Дата рождения: 15 сентября 2037 г.». Однако причина, почему визитная карточка Юкинета, в норме горизонтальная, на этот раз была вертикальной, оказалась необычной.

Ниже поля с именем располагался незнакомый сертификат. Строгим шрифтом Mincho было написано: «Сертификат лицензии на использование в медицинских целях интрадурально имплантированного коммуникационного оборудования». А еще правее и ниже – печать Министерства здравоохранения.

С первого взгляда Харуюки смысл этой длинной строки не понял. Сосредоточившись, он попытался разобраться, читая текст с конца.

«Имплантированное коммуникационное оборудование» – это, значит, помещенный внутрь тела микрочип. «Интрадурально» – это, кажется, под оболочкой, которая находится внутри черепа и покрывает мозг. Помещенный в мозг коммуникационный чип… то есть, иными словами…

Мозговой чип-имплантат, Brain Implant Chip. Сокращенно –

BIC.

– !..

Отчаянным усилием воли Харуюки подавил в себе стремление отдернуться назад.

Всего два месяца назад, сразу после начала триместра, в школе Харуюки появился новый ученик, пытавшийся своими жуткими махинациями отобрать у Харуюки все. У него тоже в голове был BIC. После долгой и тяжелой борьбы тот тип, Даск Тейкер, навсегда покинул Ускоренный мир, однако организация, к которой он принадлежал, до сих пор здравствовала. Более того, во время гонки через «Гермес Корд» на прошлой неделе откуда ни возьмись появился еще один член этой организации, Раст Джигсо, и с помощью инкарнационной атаки через свой BIC фактически сорвал гонку.

Нетрудно представить себе, что эта организация, Общество исследования ускорения, и дальше будет атаковать Ускоренный мир, причем с каждым разом все сильней. Ничего удивительного, что Харуюки, познакомившийся с обладательницей BIC Утай Синомией, не мог не испытывать подозрений. Однако прежде чем эти подозрения отразились у него на лице, Харуюки уперся взглядом в то, что было написано в начале сертификата.

«Использование в медицинских целях».

Даск Тейкер и Раст Джигсо, да и Блэк Вайс тоже, имплантировали себе BIC нелегально. Естественно, ни разрешения от Минздрава, ни еще чего-то подобного у них не было. Фальшивую печать на визитке какой-нибудь хакер сделать тоже не мог. Правда, Черноснежка показала один раз визитку с измененным именем, но тогда она не создала визитку с нуля, а просто перезаписала закодированное в ней имя. Хотя, конечно, и это потребовало высочайшего мастерства.

Словом, согласно сертификату, который показала Утай, у нее был совершенно законный BIC для медицинских целей.

Какие же это могут быть «медицинские цели»?..

Словно прочтя эти мысли по глазам Харуюки, Утай со спокойным выражением лица напечатала:

«UI> Приношу свои извинения за то, что не объяснила сразу. Арита-сан так естественно отвечал на мои сообщения в чате, что я упустила момент… Я неспособна говорить вслух вследствие моторной афазии. Поэтому мне имплантировали BIC, чтобы я могла общаться с помощью чата».

– Моторная?.. – пробормотал Харуюки. Что такое афазия, он примерно понимал, но какое отношение к ней имеет предыдущее слово, от него ускользало. Тут же объяснение Утай в текстовом стиле, к которому он уже привык, продолжилось.

«UI> Афазию можно грубо разделить на два типа: моторную и сенсорную. При сенсорной афазии у человека трудности с пониманием речи, в этом случае и с помощью чата общаться невозможно. Что касается моторной афазии, то при этом у человека подавлены функции органов речи. Он способен понимать речь, читать и писать».

Харуюки несколько раз прочел этот текст, прежде чем уяснил себе разницу между двумя симптомами. Вдруг ему в голову пришел вопрос, который он тут же робко задал:

– Эээ… но почему нельзя вместо BIC воспользоваться тем же нейролинкером и общаться мысленной речью?

Утай словно ожидала этого вопроса – ответ пришел мгновенно.

«UI> Мысленная речь через нейролинкер – это на самом деле не мысли; нейролинкер считывает движения губ, языка и щек и на этой основе реконструирует голос. Если у человека слабые симптомы моторной афазии, так делать можно, но у меня в мозгу нервные импульсы, связанные с речью, просто где-то блокируются. Вот так».

Утай прекратила печатать и показала правым указательным пальцем на свой рот.

Уставившись во все глаза, Харуюки увидел, как маленькие губы цвета сакуры приоткрылись. Между блестящими, как жемчужинки, зубами чуть проглядывал кончик языка. Сделав глубокий вдох, Утай будто бы собралась что-то сказать – как вдруг.

Зубы громко щелкнули. На горле проступили тонкие жилки и задрожали, выдавая громадную силу, приложенную к челюсти. Стиснутые коренные зубы заскрипели против воли своей хозяйки, опрятное лицо Утай исказилось от боли.

– …П-прости, хватит, больше не надо!!! – вырвалось у Харуюки, и он сделал шаг вперед. Протянул руку к задеревеневшим худеньким плечам, но прикоснуться не решился, так и застыл на полпути.

Но, к счастью, всего через несколько секунд напряжение ушло из тела Утай. Чуть покачнувшись, девочка глубоко выдохнула, подняла голову и лишь чуть скованно напечатала:

«UI> Прошу прощения за то, что доставила беспокойство. Я вовсе не пыталась заговорить, но подумала, а вдруг получится, и… Это было глупо с моей стороны. Примите мои глубочайшие извинения».

– Да не, тебе чего извиняться… – и Харуюки отчаянно затряс головой. Страшно раскаиваясь, что всего минуту назад усомнился в Утай из-за ее BIC, он изо всех сил подбирал подходящие слова. –

Я… я просто из любопытства спросил, поэтому это ты меня извини. Я и сам должен был знать, как работает мысленная речь… Если бы подумал как следует, сам бы все понял, так что это я дурак…

Опустив голову, чтобы не видеть лица девочки, он уткнулся взглядом в блестящие от закатного солнца чистые плитки пола вольера, и перед его глазами медленно поплыли розовые буквы:

«UI> Большое спасибо. Я ни о чем не переживаю, и вы, Арита-сан, тоже не переживайте, пожалуйста. Ладно, нам следует убрать инструменты. Вольер совсем чистый, наша работа закончена. Уверена, малышу тоже понравится».

Харуюки робко поднял голову и посмотрел в лицо Утай. На этом лице не виднелось и следа недовольства, как она и сказала… в смысле написала. Харуюки с облегчением кивнул.

– …Ага. Но только приберусь я один, а тебе лучше поскорей переодеться. Вон там запасной выход из корпуса; войдешь в коридор, немножко прямо и налево – там будет туалет…

Протараторив все это, он подобрал щетку, и довольно быстро в его поле зрения появился ответ:

«UI> Все нормально. Пожалуйста, разрешите мне помогать до конца. Я возьму шланг и»…

Тут текст оборвался, Утай резко втянула воздух –

Раздалось миленькое «апчхи».

Так Харуюки впервые услышал голос Утай Синомии.

В без четверти шесть, когда и вольер был вычищен, и инструменты возвращены на место, Харуюки открыл файл журнала мероприятий комитета живого уголка, где уже были отметки о завершении работы двух человек, и внес туда свое имя.

– Уффф… – звучно выдохнул Харуюки и еще раз осмотрел вычищенный вольер.

То тут, то там еще виднелись лужицы воды, однако керамическая плитка, к которой вернулся светло-коричневый цвет, выглядела совершенно неузнаваемо по сравнению с тем, что было до начала чистки, когда ее покрывал слой грязи и сгнивших листьев. Проволочная сетка из нержавейки и деревянные стены оставались пыльными, но их отчистить будет легко – достаточно завтра протереть щеткой.

Конечно, хотя внутри вольера стало пусто, зато снаружи образовалась горка палой листвы, но ее, когда она высохнет, можно будет убрать в мусорные пакеты и выбросить. К счастью, на сегодняшний вечер и еще на несколько дней вперед серьезных дождей не обещали, а значит, высохнет это все довольно быстро.

– Если берусь как следует, то могу… – пробормотал Харуюки.

Закончившая переодеваться Утай Синомия тут же напечатала:

«UI> Вообще-то я еще вчера зашла посмотреть на этот вольер. Тогда я решила, что на то, чтобы им стало можно пользоваться, понадобится три-четыре дня, но теперь вижу, что малыша можно будет перевести сюда уже завтра. В администрации на меня сильно давят, так что это большое подспорье. Я вам очень благодарна, Арита-сан».

– Не, это… Я если бы был тверже…

«Если бы не отпустил тех двоих» – эти слова Харуюки произносить не стал, а продолжил и дальше мямлить:

– …Мы б еще немного пораньше закончили. Кстати… а какое животное здесь будет? Мне интересно…

Он кинул взгляд в сторону, на стоящую рядом с ним Утай; ее большие глаза с чуть заметной краснинкой вдруг сверкнули, и она ритмично задвигала одним лишь указательным пальцем правой руки.

«UI> С е к р е т».

– П-понятно… Ну, буду ждать с нетерпением, что будет завтра… – пробормотал он и снова скосил глаза в сторону.

Летняя форма начального отделения школы Мацуноги представляла собой белое платье со строгими линиями и матросским воротничком. Начинаясь довольно высоко на пояснице, вниз шли две складки, отчего силуэт внешне напоминал старомодные хакама[15]. До сих пор Харуюки ни разу не видел такую форму вблизи и потому невольно задержал на ней взгляд на несколько секунд; впрочем, тут же поспешно уставился перед собой и сказал:

– Ч-через десять минут мы должны обязательно покинуть школу, так что надо поторопиться… Большое спасибо, что помогла мне сегодня.

«UI> Это я должна благодарить. Завтра тоже надеюсь на сотрудничество».

Так ответив, Утай печатать не прекратила; однако следующие ее слова оказались неожиданными.

«Мне еще надо кое с кем поздороваться в студсовете, поэтому, Арита-сан, идите один, пожалуйста».

– Эээ…

Всем телом развернувшись вправо, Харуюки пристально посмотрел на Утай.

Ну да, она говорила уже, что у нее есть кто-то знакомый в студсовете, но тем не менее – в одиночку заявиться в студсовет чужой средней школы требует от четвероклассницы начальки немалой смелости. Несколько удивленно посмотревшая в ответ Утай кивнула и напечатала:

«UI> На этом позвольте откланяться. До свидания, Арита-сан».

После чего резко развернулась и быстро зашагала в направлении главного входа. Харуюки почти машинально сказал ей вслед:

– Ээ, это, я тоже иду! Потому что у меня тоже в студсовете есть кое-кто знакомый…

Сколько членов студсовета оставалось сейчас в его кабинете на первом этаже первого корпуса, он не знал, но Черноснежка там точно должна была быть. В худшем случае она, как и Харуюки, настороженно отнесется к Утай с ее BIC. Хоть Утай и не носит нейролинкера, она никак не может быть убийцей от Общества исследования ускорения – это Харуюки должен сказать Черноснежке как можно скорее.

Кинув взгляд на подсеменившего к ней Харуюки, Утай состроила немного странное выражение лица, но ничего не сказала… в смысле не напечатала, а просто кивнула.

Как только они вошли в школьное здание с главного входа и переобулись из грязных кроссовок в сменку, как увидели и услышали внутришкольное объявление: все, кто не покинет школу в течение пяти минут, получат в свое личное дело запись о нарушении школьных правил третьей степени, и все такое прочее; при звуках этого синтетического голоса Харуюки нахмурился. У председателя комитета, конечно, есть определенные полномочия, но это правило он обойти не мог. Подать запрос за продление разрешенного времени нахождения в школе можно только членам студсовета.

Придется просить Черноснежку продлить ему время, но согласится ли она использовать служебное положение в личных целях? С этой мыслью, чувствуя, как колотится сердце, Харуюки шел по коридору первого корпуса. Утай Синомия все так же невозмутимо шла рядом.

Я когда был в четвертом классе начальки, в обморок бы грохнулся, если б хоть на порог чужой средней школы вошел.

Пока Харуюки крутил в голове подобные жалкие мысли, впереди показался западный конец коридора. Справа была дверь студсовета. Если подумать – за год и три месяца, что он проучился в этой школе, внутри он не был еще ни разу.

Добравшись до белой раздвижной двери, Харуюки заколебался; Утай же без намека на нерешительность подняла правую руку и легонько тюкнула по воздуху. Появилось голографическое окно, и девочка нажала кнопку «Войти».

Две секунды спустя раздался щелчок отпирания замка. Утай с абсолютно не изменившимся выражением лица отодвинула дверь

и, легонько поклонившись, вошла.

Эээ, это, что же мне делать…

По-прежнему тревожась, Харуюки застыл в коридоре, и тут его ушей коснулся знакомый голос.

– Прости, Утай. Небольшой завал с работой образовался. С чисткой вольера не закончили еще? Я сейчас приду помогу…

…Чего?

Голос, вне всякого сомнения, принадлежал Черноснежке. И она так вот просто обратилась к девочке по имени, «Утай». То есть… упомянутый Утай Синомией «знакомый из студсовета Умесато» – это вице-председатель Черноснежка… так, что ли? Но как эти двое… что между ними общего?!

Пока Харуюки стоял столбом в полном смятении, в окне чата перед ним появилась новая строка. Похоже, Утай подсоединилась и к Черноснежке.

«UI> Чистка закончена. Этот человек очень хорошо поработал и все сделал в одиночку».

– …Этот человек? Где он?

Услышав этот недоуменный вопрос Черноснежки, Харуюки решил, что дальше прятаться в коридоре смысла нет, и, неуклюже выбравшись из-за стены, шагнул через порог. Глядя в пол и держа руки за спиной, он закрыл дверь, после чего наконец боязливо поднял голову.

Впервые увиденный им кабинет студсовета средней школы Умесато оказался просторнее, чем он себе представлял. Середину комнаты занимал овальный стол для заседаний, у окна в дальней стене стоял длинный и узкий письменный стол, вдоль обеих боковых стен шли деревянные стеллажи.

Вся мебель была спокойного темно-коричневого цвета, из натуральной древесины, пол устлан темно-бежевым ковром, слева от входа стояло несколько диванчиков – с трудом верилось, что эта комната имеет отношение к средней школе. Возможно, тут было даже роскошнее, чем в кабинете директора, куда Харуюки когда-то заглянул разок.

Утай стояла рядом со столом для совещаний, Черноснежка – возле диванов. Кроме них, никого больше не было. Похоже, Черноснежка сражалась с дополнительной работой в одиночку; однако что удивило Харуюки, так это ее одежда.

– Се… семпай, почему ты в этом… – промямлил Харуюки, забыв на время про отношения Черноснежки с Утай. Черноснежка тут же обхватила себя руками, пытаясь скрыть обтягивающую черную футболку и темно-синие шорты – иными словами, физкультурную форму. Щеки чуть порозовели, губы надулись, и Черноснежка нервным голосом ответила:

– Не… нет, это просто… Я просто подумала, что если пойду чистить вольер, то в этом не жалко запачкаться… Стоп, для начала: Харуюки-кун, что ты здесь делаешь?

– Что я делаю… ну… это… как бы сказать…

Харуюки запнулся, не понимая, что говорить, но тут в окне чата появились слова несколько удивленной Утай:

«UI> Арита-сан ведь председатель комитета живого уголка. Он и занимался чисткой вольера. Когда я сказала, что хочу зайти в студсовет поздороваться, он пошел со мной, хотя причину я не понимаю».

А правда, какая была причина-то…

Лишь теперь он с запозданием задумался об этом, и тут раздался голос Черноснежки, в котором слышались поровну изумление и неверие.

– Ты… ты вошел в комитет живого уголка?! Как так… Нет, все понятно, жребий… Черт, тебе так «везет» именно сейчас, Харуюки-кун…

«Нет, я по глупости сам вызвался». Такое объяснение привело бы к довольно сложной ситуации, так что Харуюки пока что ограничился тем, что со смущенной улыбкой произнес:

– Не, не совсем так…

Он снова посмотрел на Черноснежку. Сейчас она обладала каким-то совершенно другим очарованием, не таким, как в своей обычной изящной школьной форме. Может, из-за того, что ее волосы были собраны сзади в хвост, примерно как у Утай, Харуюки смотрел, точно зачарованный, чувствуя, как ее буквально переполняет энергия; потом тоже задал очевидный вопрос:

– …С-скажи, семпай, почему ты собралась чистить вольер? Студсовет, да еще и комитет живого уголка… ты же не можешь заниматься и тем, и другим одновременно?

– Ааа, это, понимаешь…

Тут Черноснежка, словно осознав что-то, замолчала и быстро понажимала что-то на виртуальном рабочем столе. В поле зрения Харуюки тут же появилось сообщение о продлении разрешенного времени пребывания в школе. Кинув взгляд на часы, он обнаружил, что до шести вечера оставалось семь секунд. Харуюки попытался было поблагодарить, однако Черноснежка остановила его взмахом руки и продолжила говорить:

– …Понимаешь, поскольку в комитете живого уголка всего три человека, к тому же, скорее всего, выбранных по жребию, я пришла к выводу, что вычистить вольер за короткое время будет невозможно. Я пообещала Утай подготовить вольер как можно скорее. Я решила сама помочь с чисткой, пока не выйдет

продленное время пребывания в школе, но… Просто не верится, что ты не только вошел в комитет живого уголка, но и очистил этот несчастный вольер меньше чем за два часа. Ты молодец, Харуюки-кун…

Она ласково улыбнулась и энергично кивнула; при виде этого у Харуюки вдруг сдавило грудь. Не зная, как реагировать, он молча стоял и смотрел Черноснежке в глаза.

Если по-честному, я ведь хотел схалтурить. Но подумал, что ты сейчас наверняка изо всех сил стараешься, а раз так, то я тоже должен стараться. Но ты… даже после того, как закончила свою собственную работу, решила помочь чистить вольер…

Неизвестно, докуда мог бы дойти его внутренний голос, но тут Черноснежка снова медленно кивнула.

Эти секунды, полные магии, оборвались, когда в окне чата со сверхвысокой скоростью побежала розовая строка:

«UI> Прошу прощения, что прерываю ваши гляделки, но хотелось бы как можно быстрее узнать: Арита-сан и Сат-тин что, друзья?»

Заморгав, Черноснежка перевела взгляд на стоящую справа от Харуюки Утай и сказала:

– А, ну да. То есть извини, Уиуй, ты же до сих пор не в курсе. Небрежность с моей стороны.

Сат-тин? Уиуй?

В ушах Харуюки, обалдело переводящего глаза с одной девушки на другую, раздался голос Черноснежки, который просто и коротко объяснил:

– Видишь ли, Уиуй, Харуюки Арита-кун – боец передней линии моего легиона и мой Ребенок.

– ?!. !!?!?

«Че-че-чего ты такое говорииииишь?!» – мысленно завопил Харуюки, а в его поле зрения уже появился ясный ответ Утай:

«UI> А, теперь понятно. Значит, Арита-сан и есть тот самый Сильвер Кроу, да?»

– !!!??!!!?!?

Я-я-я тут ни сном ни духом, а они уже вт-т-т-торжение в реале устроили!

На автомате Харуюки бросился было наутек, однако дверь была заперта и не хотела открываться, сколько бы он ее ни дергал. И тут в спину ему раздался чуть раздраженный голос Черноснежки:

– …Эй, Харуюки-кун. Я думала, что по ситуации ты и сам уже обо всем остальном догадался. Утай Синомия – тоже Бёрст-линкер, как и мы с тобой; более того, она была членом первого «Нега Небьюлас».

Глава 5

Никому больше верить не буду.

Так мысленно пробормотал Харуюки в стиле какого-нибудь темного героя из старой манги, который произносит эти слова, опуская правую руку с пистолетом, а левой зажимая рану.

Он сидел съежившись на диванчике, держа в руках чашку черного чая. Это был первосортный дарджилинг, собственноручно приготовленный Черноснежкой, однако Харуюки еще не настолько отошел от шока, чтобы наслаждаться его сладким ароматом.

Никому больше не верить – это слишком, конечно, но – по крайней мере, всех подозревать. Каждый раз, когда кто-то внезапно появляется и спокойно обращается со мной как с человеком, он обязательно оказывается Бёрст-линкером. К тому же еще и высокоуровневым ветераном. Без исключений.

С этой решимостью он кинул взгляд на диванчик напротив; сидящая там Утай Синомия с серьезным лицом наливала молоко в свою чашку. Налив, видимо, ровно столько, сколько надо, она кивнула и, поставив кувшин, принялась аккуратно мешать ложечкой.

Глядя на это детское поведение, Харуюки не мог ухватить все то, что только что произошло. Утай – ученица четвертого класса начального отделения школы Мацуноги, управляемой той же организацией, что и Умесато. Она родилась в сентябре тридцать седьмого, значит, сейчас ей девять лет и девять месяцев. Она на два года младше, чем даже Нико, Красный король.

Первый «Нега Небьюлас» перестал существовать после бунта его командира Блэк Лотус два с половиной года назад, значит, Утай тогда должно было быть всего семь лет. Сколько же ей было, когда она стала Бёрст-линкером?

Задавая себе этот и множество других вопросов, Харуюки потягивал свой черный чай. Сидящая слева от него Черноснежка поставила чашку на блюдечко и начала разговор несколько неожиданным образом:

– Кстати, Утай, вчера на тебе тоже нейролинкера не было. Ты всегда его не носишь?

Утай, не выпуская из правой руки чашку чая с молоком и периодически отпивая из нее, принялась мастерски печатать одной левой. Самое жуткое, что ее скорость от этого практически не пострадала.

«UI> Ага. Потому что, когда я его надеваю, мне начинает страшно хотеться отправиться в тот мир».

– Можно ведь и отправиться, что такого? За тебя, в отличие от меня, награду никто не назначал. На тебя не должны пачками валиться разные неприятные типы, как только твое имя покажется в дуэльном списке.

«UI> Я пару раз в месяц дерусь соло в нейтральной зоне в Сэтагае. Мне этого достаточно. Желать чего-то большего я себе не позволяю. Ведь на мне отчасти лежит вина за гибель того, старого "Нега Небьюлас"».

– А?! – вырвалось у потрясенного Харуюки.

Уставившись на окно чата в своем поле зрения, он раз за разом перечитывал то, что напечатала Утай, но какого-то другого смысла в ее словах уловить не мог.

«Гибель "Нега Небьюлас"».

Эти слова Черноснежка произносила не раз.

Блэк Лотус, Черный король, два с половиной года назад на совещании семи королей отрубила голову Рэд Райдеру, Красному королю, призывавшему заключить пакт о ненападении между всеми девятиуровневыми, и стала изгоем. В результате распался и руководимый ей первый «Нега Небьюлас». До сих пор Харуюки все понимал – но.

В ожидании объяснений он повернул голову к сидящей по соседству Черноснежке, до сих пор не переодевшейся из своей физкультурной формы, однако та меланхолично смотрела в чашку и рта не открывала. И Утай, держащая левую руку на голографической клавиатуре, тоже ничего больше не печатала.

Повисло тяжелое молчание; лишь видно было, как свет, вливающийся через северное окно, постепенно тускнеет. До летнего солнцестояния оставалось всего ничего, однако было уже полседьмого, и, естественно, небо начало темнеть.

Члены студсовета обладали полномочиями продлевать разрешенное время пребывания в школе, но предел существовал и для них – семь часов вечера. Харуюки кусал губы; его, конечно, беспокоило время, но еще сильнее волновал разговор двух девочек о прошлом и будущем. Получить объяснение хотелось нестерпимо, но вообще-то он здесь был непрошеным гостем и потому выказывать свое нетерпение стеснялся.

К счастью, два ветерана-Бёрст-линкера, похоже, молчаливо пришли к какому-то соглашению. Сидящая рядом с Харуюки Черноснежка, тихонько вздохнув, пробормотала:

– …Я до сих пор сознательно… а может, бессознательно, не знаю… избегаю говорить о старом «Нега Небьюлас». Мне кажется, что если я буду цепляться за то, что утрачено, то не смогу смотреть в глаза Харуюки-куну и другим нынешним членам легиона, которые стараются изо всех сил… А главное – во мне

больше нет храбрости смотреть в глаза своему преступлению… Однако Рейкер вернулась, и два с половиной года спустя я снова смогла встретиться с Уиуй. И сейчас пришло время взглянуть на прошлое прямо… так мне кажется…

Напротив Харуюки, слушавшего эти слова затаив дыхание, замелькали руки Утай.

«UI> Если говорить о преступлении, то оно и на моей совести. И я, и Сат-тин, и сестрица Фуу – мы все долгое время отворачивались от прошлого и прятались в уголках Ускоренного мира, но наконец снова можем смотреть на самих себя – вне всяких сомнений, благодаря упорству новых членов "Нега Небьюлас". Арита-сан имеет право знать, какие ошибки мы совершили в прошлом и почему мы исчезли с поля боя».

– Да… конечно. Ты права, – кивнула Черноснежка, прочтя эти розовые строки, и повернулась к Харуюки.

В ее угольно-черных глазах был дрожащий блеск, как и в предыдущие разы, когда она начинала говорить о прошлом, однако сейчас было и кое-что еще. В самом центре радужек твердо горели звездочки решимости.

Короткая пауза – и она вновь заговорила; в голосе ее звучало холодное эхо, как будто она пыталась превозмочь боль.

– …Харуюки-кун. Ты уже знаешь, что однажды я, сделав вид, что соглашаюсь с предложением Рэд Райдера, Красного короля первого поколения, заключить пакт о ненападении, обезглавила его. После этого я сражалась с остальными пятью королями, выжила до бёрст-аута, а потом два года жила в изоляции от Глобальной сети… Это я тебе рассказала; однако на самом деле на следующий день после битвы с королями я снова нырнула в Безграничное нейтральное поле – один-единственный раз. Чтобы извиниться перед членами первого «Нега Небьюлас» и передать им бОльшую часть своих бёрст-пойнтов.

«UI> Которые мы принимать отказались», – вставила Утай. Губы Черноснежки тронула горькая улыбка.

– Однако больше дать мне было нечего. Я, невзирая на опасность, дошла до магазина и обменяла очки на предметы, но вы, когда узнали об этом, рассердились…

«UI> Естественно. Даже сейчас немного сержусь, когда вспоминаю».

– Прости.

Снова улыбнувшись, Черноснежка пожала плечами и продолжила:

– …Но на этом история не заканчивается. Я призналась в том, что натворила, и объявила, что уйду из Ускоренного мира, после того как назначу нового командира легиона. И тогда Утай и

другие «Элементы» предложили нечто другое, совершенно немыслимое.

– Э… элементы?.. – переспросил, как попугай, Харуюки. Щеки Утай самую малость порозовели, и она напечатала:

«UI> В то время у "Нега Небьюлас" было четыре вице-командира, и как-то само получилось, что к ним прицепилось это громкое прозвище. Потому что у этих четырех аватаров были атрибуты "земля", "вода", "огонь" и "воздух"».

– «Воздух», естественно, у Скай Рейкер. Что касается Уиуй, то какой атрибут у нее – оставлю тебе удовольствие узнать позже, – с улыбкой добавила Черноснежка. Харуюки переводил взгляд с ее лица на чуть застенчивое лицо Утай и обратно.

Четыре вице-командира с общим прозвищем «Элементы». У Харуюки это ассоциировалось с Четырьмя небесными царями, сопровождавшими даймё[16] в старые времена. В таком случае можно ожидать, что вот эта маленькая девочка, когда-то стоявшая в одном ряду с *той самой* Скай Рейкер, очень крута. Если она тоже сильна и, более того, живет тут же, в Сугинами, – почему же Черноснежка не связалась с ней и не пригласила в свой легион раньше? Конечно, могли быть какие-то обстоятельства, но если бы Утай хотя бы помогала в территориальных сражениях, то защищаться, наверно, было бы намного проще.

…Харуюки крутил в голове подобные мелочи, когда Черноснежка прокашлялась и ее выражение лица изменилось. Харуюки поспешно выпрямился. Спокойный голос поплыл в сгущающихся сумерках комнаты студсовета.

– Встречное предложение «Элементов», когда я заявила о своей отставке, было для меня действительно полной неожиданностью. Они… сказали, что, возможно, есть еще один способ пройти «Брэйн Бёрст», помимо достижения десятого уровня…

– Чтооо?!

Эти слова повергли Харуюки в полный шок.

Пройти онлайновый файтинг «Brain Burst» до конца. Сделать это невозможно, кроме как выполнив суровое условие – достигнув десятого уровня; до сих пор Харуюки в этом совершенно не сомневался.

Но если есть и другой способ, это должно быть нечто сопоставимое по трудности? Скажем, объединить все территории? Нет, это вообще нереалистично. Большинство Бёрст-линкеров, конечно, живет в центральной части Токио, но вообще-то боевые зоны рассеяны по всей Японии.

Не в силах предположить чего-либо еще, Харуюки в нетерпении подался вперед и возбужденно спросил:

– К-какой?! Ну, этот еще один способ пройти?

– Ты это уже не раз должен был видеть, Харуюки-кун, – таинственным голосом ответила Черноснежка. Харуюки ошарашенно уставился на нее.

– Видеть… что я должен был видеть?

– То, что всегда существует в самом центре Ускоренного мира, однако войти туда невозможно. Демонический замок… его суровое величие.

Лишь теперь…

В памяти Харуюки отчетливо возникло зрелище, увиденное им вчера.

Покрытая густым туманом арена «Город демонов». Торчащие вверх дома, а за ними – пронзающие облака острые шпили. Всех отвергающий и в то же время какой-то манящий, давящий и в то же время ослепительно прекрасный силуэт.

– …И-императорский дворец?.. – дрожащим голосом прошептал Харуюки. Черноснежка и Утай молча кивнули. Сбитый с толку Харуюки заморгал и возразил:

– Н-но! Вчера же семпай сама сказала, правда?! «Единственное место в Ускоренном мире, куда попасть невозможно»!

– Но я потом еще кое-что добавила. Эта непроницаемость ограничена «обычными дуэльными аренами».

– А, то есть… значит, эээ… если не на обычной арене, то…

Харуюки сглотнул и робко продолжил:

– …Наверху, в Безграничном нейтральном поле, войти можно, да?

Несколько секунд ему никто не отвечал.

Черноснежка и Утай переглянулись, потом почему-то на миг прикрыли глаза. Но тут же подняли головы и кивнули, как в прошлый раз. На этот раз ответ сформулировала Утай через чат.

«UI> По крайней мере, что-то вроде пути существует. Императорский дворец в Безграничном поле… мы его называем "крепость императора"… Это не тот Императорский дворец, который на обычной арене в Тиёде, – у него есть четверо ворот».

– …Эти ворота… входы в крепость императора?..

– Мм. С каждой из четырех сторон света в крепостной стене есть громадные ворота – метров тридцать в высоту. Сверху и снизу от стен, естественно, стоят невидимые барьеры, так что, кроме ворот, пути нет.

После этих слов Черноснежки Харуюки нарисовал в голове план реального Императорского дворца. Ну точно, с каждой стороны оригинала есть ворота. По некоторым из них даже назвали станции метро. Южные ворота «Сакурадамон», западные

ворота «Хандзомон». Как называются северные и восточные ворота, он не помнил, но география Ускоренного мира в общих чертах такая же, как у реального, значит, вполне естественно полагать, что у «крепости императора» тоже есть ворота.

– …И эти ворота… открываются?.. – пытаясь справиться с возбуждением, спросил Харуюки. Черноснежка, скрестив руки на груди, кивнула.

– Неоткрывающиеся ворота – то же самое, что сама стена. Если есть ворота, разумно предположить, что их можно открыть. Если до них добраться, можно было бы толкнуть, вот только…

«UI> Да, именно добраться до ворот и не удается. Потому что перед каждыми из них стоит абсолютная защита. Четыре энеми класса "супер", сильнейшие из сильнейших, какие только попадаются в Безграничном поле».

– !..

Почувствовав наконец, куда клонится разговор, Харуюки резко втянул воздух.

«Энеми» – общее название монстров, обитающих в Безграничном нейтральном поле. Как и в обычных MMORPG, они управляются системой; почти все они яростно реагируют на любого Бёрст-линкера, попавшего в их зону внимания. Если их завалить, то вместо опыта игрокам достаются бёрст-пойнты, однако даже слабейшие энеми ужасающе сильны, а очков дается мало. Если думать о том, чтобы заниматься охотой на энеми всерьез, то необходимо собрать партию из большого числа игроков и засесть в Безграничном поле минимум на неделю. В общем, не самое простое занятие. Даже Харуюки, вполне уважающий «собирание опыта по зернышку», не горел энтузиазмом насчет активного участия в такой охоте.

Промочив пересохшее горло остывшим чаем –

– Сильнейшие… и насколько они сильные?..

Прежде чем ответить на этот вопрос, Черноснежка немного подумала.

– М… честно говоря, мне кажется, этого не объяснить словами… Вот, Харуюки-кун, помнишь тот раз, когда… мы с Красным королем летели в Икэбукуро? Когда мы смотрели, как на энеми охотится партия человек в двадцать?

– Э… ага. Он был где-то с дом, просто потрясный. Это и был «супер-энеми», о которых сказала Синомия-сан, да? – опасливо спросил Харуюки, и оба Линкера-ветерана иронично улыбнулись. Пальцы Утай замелькали, и с тихим звуковым эффектом перед Харуюки стали появляться розовые буквы.

«UI> Энеми, на которых можно охотиться партией в двадцать человек, относятся к классу "звери". Другие, из класса "легенды", в

десять раз сильнее их, встречаются очень редко, и если на такого наткнуться без подготовки, то смерть почти неизбежна».

– В де… в десять раз… что?! – простонал Харуюки, чувствуя дрожь в спине. Даже при встрече один на один с энеми, которого он видел на Ямато-дори по пути в Икэбукуро, его наверняка ждала гибель. Силу «легендарных» монстров он и вообразить не мог.

…Но.

Слушая продолжающуюся гладкую речь Черноснежки, Харуюки просто не мог реагировать иначе, чем дрожью.

– А по сравнению с теми четырьмя, что охраняют ворота крепости императора, легендарные энеми по силе примерно как чихуахуа. Их зовут «супер», потому что их характеристики даже предположить никто не может. Эти так называемые «Четыре бога», как намекает само прозвище, уже не звери, а действительно боги, которые правят Ускоренным миром…

Правящие Ускоренным миром… боги.

До сих пор Харуюки не сомневался, что во всей вселенной, созданной «Brain Burst», нет существ сильнее «семи королей чистых цветов». Огромные энеми, конечно, круты, однако Харуюки считал, что короли, включая Черноснежку и Нико, способны победить их даже один на один.

Нет, возможно, «зверей» и даже «легенд» при должной подготовке они действительно могут побеждать. Да, ведь у Синего короля даже прозвище есть – Убийца легенд. Вот доказательство, что как минимум один раз он убил «легендарного» энеми в одиночку. И это было такое достижение, что породило его прозвище.

Но сейчас в голосе Черноснежки чувствовался оттенок страха. Харуюки тихим голосом робко спросил:

– Это… А если «король» против «бога», то кто сильней?..

– Король, в конечном итоге, все-таки человек. А «бог» – существо, далекое от человеческого уровня. Если все семь королей объединят свои силы, даже одного из «четырех богов» одолеть не удастся.

– …Ты… серьезно?.. Просто, ну, если такое чудовище… то есть энеми класса «бог» защищает ворота, через них же вообще никак не пройти?.. – ошеломленно пробормотал Харуюки. Утай кивнула – хвост волос до плеч закачался – и напечатала:

«UI> Да, трудность невероятная. Но именно по этой причине мы тогда подумали: если нам удастся преодолеть защиту "четырех богов", открыть ворота и проникнуть внутрь крепости императора – вдруг это окажется вторым способом пройти "Brain Burst"?»

– А… а, ясно!.. – вырвалось у Харуюки.

Он уже понимал, что условие «отобрать все очки у пяти других Бёрст-линкеров девятого уровня и самому набрать десятый» невероятно тяжелое, но, можно сказать, принципиально выполнимое. Если из семи королей пять решатся принести себя в жертву и отдадут свои головы кому-то одному, то все получится. В этот момент родится первый десятиуровневый Бёрст-линкер, и в Ускоренном мире что-то произойдет.

Но, конечно, на самом деле такое невозможно. Все Бёрст-линкеры сражаются ради того, чтобы стать сильнее самим. Вложив столько времени и сил в достижение девятого уровня, в конечном итоге от всего этого отказаться – на такое никто не способен.

Что касается задачи «прорваться сквозь четырех богов и войти в крепость императора», то это исключительно вопрос военной силы. Если, допустим, все члены какого-нибудь крупного легиона прокачаются до уровня королей, прорыв станет вполне возможен. Это тоже нереалистично, но, по крайней мере, не требует от игроков настроя на самопожертвование.

Иными словами, эти два условия – «десятый уровень» и «захват крепости императора» – имеют разный вектор сложности. Первое требует силы духа, второе – силы кулаков. Если принять во внимание этот контраст, совершенно нельзя исключить, что, как только кто-то проникнет в крепость императора, в Ускоренном мире действительно произойдет что-то существенное – возможно даже, сам «Brain Burst» окажется пройден. Вполне разумно. А главное – «существующий в центре карты мира закрытый для проникновения объект» во всех играх всегда оказывается сценой финального действа, не так ли?

Чувствуя, как инстинкты заядлого геймера наполняют его возбуждением, Харуюки подался вперед и часто закивал.

– Да… может быть, очень даже может быть! Если Императорский дворец… то есть крепость императора охраняют безумно крутые монстры, это наверняка «финальный донжон»! И если туда войти, наверняка будет что-то клевое… классное…

«UI> Не исключено, что, помимо четырех богов, там есть еще какой-нибудь суперсильный финальный босс. Так или иначе, когда Сат-тин объявила о своей отставке, мы, члены "Нега Небьюлас", сказали ей то же самое, что объяснили сейчас. Если первое условие прохождения невыполнимо, сосредоточься на втором. Но эта упрямая Сат-тин»…

– Остановила их. Конечно, остановила. Принялась орать во все горло: «Нельзя», «Запрещаю», «Прекратите», – с горькой улыбкой вставила Черноснежка.

Ее выражение лица было спокойным, тон – легким и непринужденным. Однако в черных глазах появилась легкая тень боли, и, едва заметив это, Харуюки примерно догадался, чем закончился тот эпизод.

Возбуждение исчезло без следа, сменившись холодным напряжением в груди. Харуюки сидел не шевелясь и ждал, что ему расскажут дальше.

– …Но не только Элементы, а вообще все до единого члены того «Нега Небьюлас» оказались на редкость упертыми… Они не просто отказались выполнять приказ своего командира, они начали говорить, чтобы я «казнила» их всех, если хочу остановить. В конце концов я вышла из себя и села там, где стояла, а они начали группками выдвигаться к крепости императора.

«UI> Естественно. Ведь мы не только были подчиненными Сат-тин, но и опекали ее».

– Уиуй, ты тогда еще только в начальное отделение поступила! Ох уж… вы все…

Конец фразы растаял в воздухе. Черноснежка зажмурилась, ее белое горло вздрагивало. Харуюки молча смотрел на нее.

Веки тут же поднялись; глаза под ними влажно блестели, однако слезы не потекли. Черноснежка спокойным голосом продолжила пересказывать свои воспоминания.

– …С неохотой я присоединилась к остальным и тоже пошла к крепости. Тогда у арены был редкий тип, «Аврора»… Там было красивое северное сияние во все небо… От Сугинами мы шли по улице Синдзюку… как на ночной пикник…

«UI> Это было весело. Для меня то воспоминание, когда мы все вместе шли и болтали о том о сем, до сих пор самое драгоценное. Меня нес на плечах Граф-сан… а коляску Рейкер-сан толкала Аква-сан… Все было как будто вчера».

– До крепости императора мы добрались слишком быстро – лучше бы прошлись по всему Токио. Нет, Граф или кто-то еще действительно сказал это вслух… Но, конечно, это предложение было отвергнуто. Мы подошли к воротам Хандзомон и на холме Кодзимати устроили последнее стратегическое совещание.

Зрачки в тени длинных ресниц подрагивали; они словно смотрели куда-то вдаль. Губы произносили тихие слова воспоминаний, лишь чуть приоткрываясь.

– …Поскольку «четыре бога» представляют собой нечто единое, хоть и разделены на четыре тела, сражаться с ними всеми нужно одновременно, поэтому легион тоже разделился на четыре части и атаковал со всех сторон. Перед тем как разделиться, все получили баф от Утай. И вот мы все как один, с максимальным

боевым духом и координацией, напали на стражей крепости императора…

– …И… и что получилось?.. – не в силах вынести даже секундного молчания, хрипло спросил Харуюки.

Сидящая на диванчике Черноснежка выпрямила спину, положила руки на сведенные колени и спокойным тоном ответила:

– Через сто двадцать секунд после начала боя был убит последний игрок. Первый «Нега Небьюлас» не прекратил свое существование обычным образом, через роспуск. В тот самый день он был уничтожен руками богов.

Продолжим завтра. С Такуму-куном и Тиюри-кун тоже поговорим.

Так сказала Черноснежка находящемуся в полной прострации Харуюки и допила свой холодный чай.

Честно говоря, Харуюки хотелось порасспрашивать еще. Под «уничтожением» что конкретно имелось в виду? Где сейчас прежние члены легиона и чем занимаются? Почему хранят молчание и даже не пытаются связаться с Черноснежкой? И вот эта Утай Синомия – почему она два с половиной года спустя все же показалась на глаза Харуюки и Черноснежке?

Но, конечно, эти вопросы необходимо обсуждать вместе с нынешними членами легиона, Такуму и Тиюри. А главное – судя по тикающим на стене аналоговым часам, до семи вечера, когда истечет и продленное время пребывания в школе, оставалось всего несколько минут.

Быстро убрав чайные принадлежности, Черноснежка взяла с уголка дивана школьную сумку и со словами «ну, нам пора» зашагала к двери. Ее лицо в профиль казалось Харуюки таким же, как всегда.

Минувшей осенью, когда Харуюки с ней познакомился, Черноснежка, хоть и вернулась в Ускоренный мир, отбросив свой аватар-болванчик, все же явно боялась смотреть в лицо прошлому. Когда на поле боя Желтый король показал ей старую видеозапись-реплэй, она даже утратила волю сражаться и способность двигаться – это был так называемый «нулевой файл».

Значит, даже Черноснежка, несмотря на свои невероятные боевые способности, похоже, изо дня в день сражается со своими слабыми местами.

И мне сейчас некогда бояться.

Встав и направившись к двери следом за Черноснежкой, Харуюки вновь собрал решимость в кулак.

Как член возрожденного «Нега Небьюлас», он должен стать

сильнее. Изгнать уже даже меньше чем за неделю паразитирующий где-то в его дуэльном аватаре «Доспех бедствия» и с высоко поднятой головой принять участие в субботнем территориальном сражении. В чем состоит придуманная Черноснежкой «операция по очищению», она до сих пор не объяснила, но, каким бы суровым испытаниям и тренировкам она его ни подвергла, он должен всё вытерпеть.

Харуюки втихаря сжал правый кулак, и тут –

В окне чата появилась новая строка, ясно показывающая, что и Черноснежка далека от полного спокойствия.

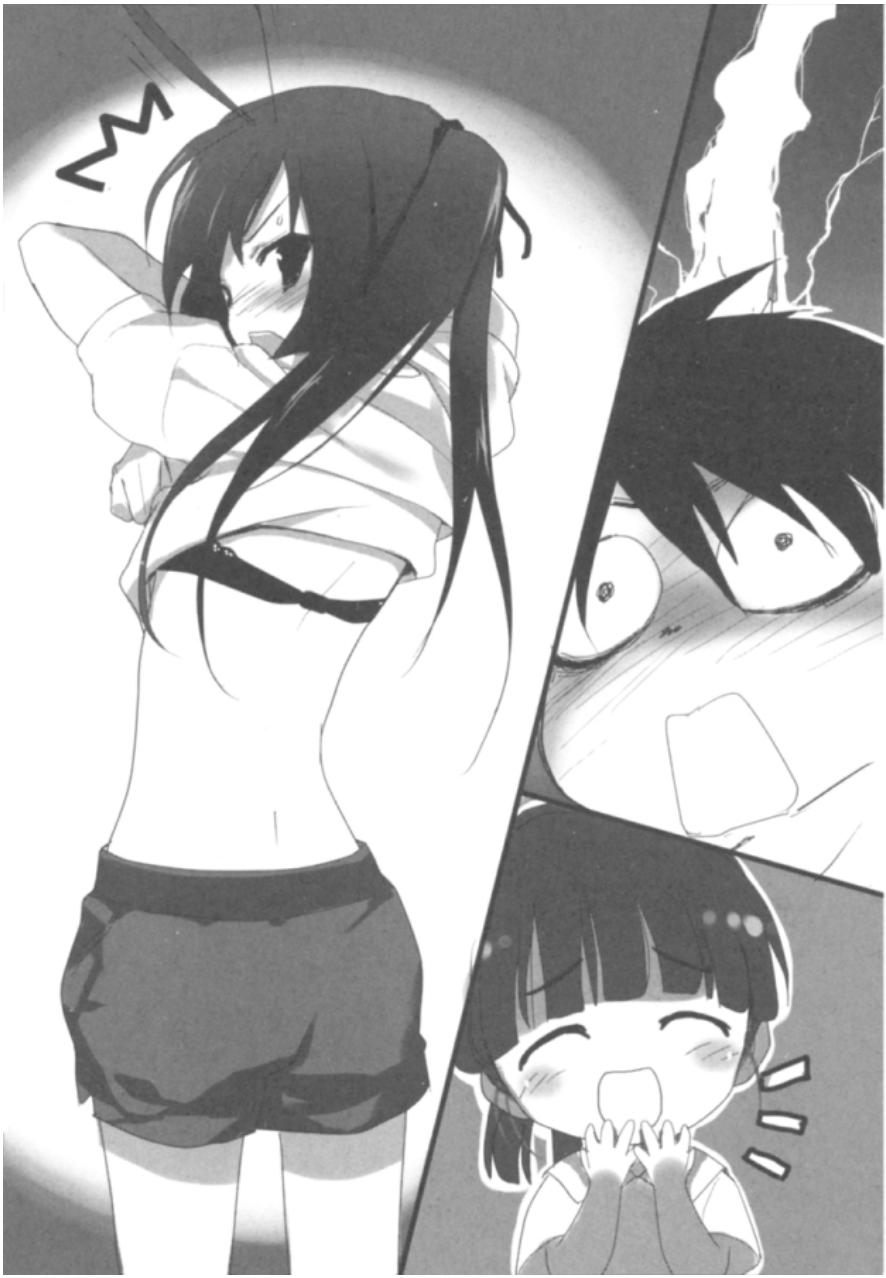
«UI> Хочу спросить на всякий случай: Сат-тин, ты действительно намереваешься идти домой в таком виде?»

«Что?» – и Харуюки взглянул вправо-вперед, на Черноснежку. Под струящейся гривой черных волос виднелась футболка из глянцевой быстросохнущей ткани. Обтягивающие шорты не скрывали длинных, стройных ног. За время долгого разговора Харуюки и сам начисто забыл, что Черноснежка, чтобы помочь с чисткой вольера, переоделась в физкультурную форму.

– Уаа, черт. Подождите, я быстро, – выпалила Черноснежка необычайно высоким для себя голосом и развернулась. Пробежала между Харуюки с квадратными глазами и Утай с неверящим выражением лица, подбежала к шкафчику в юго-западном углу комнаты и –

Кинув сумку на пол, схватилась обеими руками за подол футболки и без намека на колебание сорвала ее.

На сетчатке Харуюки запечатлелась белоснежная спина и черная полоска лифчика поперек нее.



– Фуряаа?!

Этот невнятный возглас Харуюки был с его стороны большой ошибкой или, наоборот, правильным поступком? Так или иначе, едва его услышав, Черноснежка снова развернулась и, уставившись на стоящего столбом Харуюки, тут же прикрыла руками грудь. Глядя на ее стремительно залившееся краской лицо, Харуюки искренне подумал: «Хорошо, что мы в реальном мире. Если б были в Ускоренном, она бы уже снесла мне голову

самой крутой своей инкарнационной атакой».

В следующий миг, прошелестев в воздухе, черная футболка вмазалась Харуюки в лицо. Его нос атаковал невероятный аромат, а перед глазами все исчезло.

Выставив Харуюки из кабинета, Черноснежка сверхбыстро переоделась. Потом они вместе с Утай, на лице которой все это время сохранялось неверящее выражение, побежали к выходу из школы. Когда они оказались за воротами и в школьной базе данных появилась соответствующая запись, до семи вечера оставалось двадцать секунд.

Не успел Харуюки даже дух перевести, как сверху раздался резкий голос:

– Харуюки-кун, поскольку уже темно, проводи Утай! Завтра, как только закончишь комитетские дела, сразу приходи в студсовет! Все расскажи Такуму-куну и Тиюри-кун! Так! До свидания!

Стремительно вывалив на Харуюки указания и попрощавшись, Черноснежка резко развернулась и ушла в сторону квартала Асагая. Под удаляющееся цоканье ее туфель Харуюки проводил взглядом гриву черных волос, пока та не растворилась в сумерках, и лишь потом разом выпустил скопившийся в легких воздух.

– …Я же был не виноват… – тихо пробормотал он, и тут же забегали пальцы стоящей рядом Утай.

«UI> Сат-тин еще с тех времен довольно рассеянная».

– …Угу, я это уже более-менее понял…

Несколько раз мотнув по сторонам опущенной головой, он привел мысли в порядок. В понедельник после уроков произошло слишком много всего, и тем не менее еще рано говорить себе «миссия завершена». У него осталось одно задание: проводить Утай до дома, как приказала Черноснежка.

Харуюки посмотрел на небо. Краски заката уже исчезли, облака сияли, подсвеченные снизу городским освещением. Конечно, вдоль дорог всюду понатыканы общественные камеры, но все равно в такое время суток четвероклассница одной ходить опасно. Стоп, во-первых –

– Эээ… Синомия-сан. Уже больше семи вечера, у тебя не будет проблем – комендантский час, там, или вроде того?

Выражение лица Утай не изменилось, пальцы снова забегали.

«UI> Никаких проблем. Я ведь тоже Бёрст-линкер, не так ли?»

Несколько секунд потребовалось Харуюки, чтобы понять значение этих слов; затем его рот сам собой закрылся.

Почти у всех Бёрст-линкеров был один и тот же душевный шрам. Это Харуюки рассказала Скай Рейкер, его «учитель». Шрам этот – то, что с младенчества вместо рук родителей они получали нейролинкер. Будут ли ругать получивших такое воспитание детей всего лишь за позднее возвращение домой? – вот что имела в виду Утай.

Этот ответ Харуюки отлично понимал: он сам даже если после девяти вернется – дома просто не будет взрослых, которые могли бы его отругать.

– …Ясно. Но все равно, нуу, лучше вернуться побыстрей. А то после работы в вольере есть хочется.

Как только Харуюки это произнес, его собственная пищеварительная система напомнила о себе явственным низкочастотным урчанием. Утай тихонько хихикнула и кивнула – хвостик волос закачался.

«UI> Это верно. Я вернусь и одна, вы, Арита-сан, тоже идите домой. На этом позвольте распрощаться».

Утай поклонилась, потом развернулась, колыхнув подолом юбочки, и зашагала на юг. Харуюки поспешно бросился следом.

– Нет, я провожу! Уже темно, и потом, если я отсюда пойду один, завтра Черноснежка-семпай будет просто дико зла…

Когда он это вывалил на Утай, девочка, не переставая идти, склонила голову чуть набок и ответила:

«UI> Тоже вполне возможно. В таком случае буду благодарна, если вы проводите меня до Омии».

После чего, подавшись чуть влево, зашагала рядом с Харуюки.

Это была поистине странная прогулка.

Харуюки был единственным ребенком в семье, так что, естественно, младших братьев и сестер у него не было. Мать со своими родственниками практически не общалась, поэтому не было у Харуюки и воспоминаний об играх с маленькими детьми. Ну, если сильно напрячься, можно вспомнить Томоко Сайто, троюродную сестру, которая жила в Накано и с которой Харуюки познакомился пять или шесть лет назад в доме родителей матери.

Нет… Если говорить о друзьях младше его по возрасту, на ум приходит Нико, пробравшаяся к нему в дом как раз под видом Томоко-тян. Но она, как ни крути, Красный король и командир другого большого легиона, «Проминенс». Харуюки чувствовал, что обращаться с ней как с маленькой девочкой нельзя. Если он вздумает так себя вести, она, вполне вероятно, одним залпом своих главных орудий превратит его в головешку.

Поэтому такая прогулка в роли «старшего брата» бок о бок с Утай Синомией, несущей кожаный ранец на спине и большую

спортивную сумку в правой руке, была для Харуюки совершенно внове.

– О, д-давай сумку понесу, – догадался наконец предложить Харуюки, когда они прошли метров сто. Утай быстро кивнула и протянула сумку. Харуюки взял ее и энергичнее, чем необходимо, переложил в левую руку.

Когда защищаешь кого-то, похожее чувство возникает, наверно?

Так подумал Харуюки, идя по красивой улочке, подсвеченной огнями светодиодных фонарей, и подстраивая шаг под скорость Утай.

До сих пор он ни разу об этом не думал, но когда-нибудь, возможно, и он воспользуется правом скопировать кому-то инсталлятор программы «Brain Burst». То есть – выберет кого-то своим Ребенком, а сам станет Родителем. Будет приглядывать за ничего еще не знающим цыпленком первого уровня.

Предположим, хоть это и вряд ли, но вдруг – это будет маленькая слабая девочка, как Утай Синомия, с которой я сейчас иду рядом. Нет, сделаем в своем воображении еще один шаг – пусть сама Утай и будет Ребенком. Смогу ли я вести себя, как подобает Родителю? Быть порой строгим, но все равно ласковым Родителем, защищать и наставлять Утай?

Смогу. Думаю, смогу. Я ведь искренне сказал «давай сумку понесу». И свой шаг подстраиваю под ее. Эх, хорошо бы мы в самом деле были Родителем и Ребенком.

Обуреваемый этими дикими мыслями, точнее, даже бредом, Харуюки забыл очень важный факт, который узнал всего с час назад.

Осознать свою ошибку его заставила молча идущая рядом с ним Утай. Внезапно ее руки пришли в движение, и она с некоторой нерешительностью напечатала:

«UI> Мой дом уже совсем недалеко. Поэтому мне хотелось бы попросить Ариту-сана об одном маленьком одолжении».

Моргая, Харуюки прочел эти фразы и, все еще охваченный псевдородительскими чувствами, закивал:

– Д-да, конечно, все, что хочешь!

«UI> Ты меня проводил, а я опять тебя загружаю…»

– Ничего, все в порядке. Не стесняйся!

«UI> Благодарю. Я позволю себе воспользоваться вашей любезностью».

– А… ага… Что именно?

«UI> Покажите мне свою силу, пожалуйста. Прежде чем последовать плану Сат-тин, я хотела бы своими глазами убедиться, что "Серебряный ворон" достоин быть наконечником

копья "Нега Небьюлас"».

– …Чего?

Шмяк.

На глазах у замершего в неестественной позе и с застывшим лицом Харуюки девочка скинула с плеч ранец, откинула крышку, сунула туда руку и тут же вытащила.

Ее ладошка сжимала маленький тускло-светло-серый, словно фарфоровый – нейролинкер.

Глядя, как Утай, приподняв хвостик волос левой рукой, правой прижимает к тонкой шейке квантовый прибор, Харуюки наконец вспомнил то, что успел начисто забыть.

Утай Синомия – член первого «Нега Небьюлас», более того, один из его ведущих игроков, «Элементов», что называется, Четырех небесных царей, то есть ее ранг такой же, как у Скай Рейкер, а значит, она не просто не цыпленок первого уровня, она, вполне вероятно, наверняка, несомненно, намного, намнооого сильней Харуюки –

Он так и стоял столбом, но тут Утай потянула его за подол футболки и отвела к одной из лавок, стоящих через равные промежутки вдоль улочки. Харуюки почти на автопилоте сел, а Утай, снова покопавшись в ранце, извлекла еще кое-что.

XSB-кабель для Прямого соединения, с белым виниловым покрытием.

Протянув Харуюки один из штекеров, Утай одной левой рукой искусно напечатала:

«UI> Поединок со мной? Или предпочитаете командный бой два на два против другой команды?»

Командный, пожалуйста.

На то, чтобы дать этот ответ, Харуюки понадобилось всего полсекунды.

Придорожная лавка, где сели Харуюки и Утай, в реальном мире находилась во втором квартале Омия района Сугинами. В Ускоренном мире это соответствовало «второй боевой зоне Сугинами».

С востока к ней примыкал Синдзюку, с юго-востока – Сибуя, две популярные боевые зоны, поэтому здесь было сравнительно малолюдно. Но время от шести до восьми вечера было самым активным в плане боев, а рядом с седьмой кольцевой дорогой располагалось несколько больших дайв-кафе, так что в дуэльном списке должно было быть человек двадцать.

Подсоединившись к Утай полутораметровым XSB-кабелем и дождавшись, когда исчезнет иконка, сообщающая о проводном соединении, Харуюки выпрямил спину, сжал руками колени и

посмотрел на девочку. Та с неизменным выражением лица спокойно делала что-то на виртуальном рабочем столе. Скорей всего, она работала с консолью ВВ, обозначая Харуюки – Сильвер Кроу – как своего партнера.

«UI> Значит, так: подходящих соперников для командного сражения я сама подберу. Вначале я ограничусь ролью поддержки, а вы, Арита-сан, можете драться, как сочтете нужным. Когда будете готовы, начнем».

– Д-да, конечно, начинай! – сквозь пересохший рот ответил Харуюки, не сводя глаз с красивых неподвижных губ Утай. Конечно, это не было домогательство – просто он хотел произнести команду одновременно с Утай.

Однако в следующий же миг – Харуюки наткнулся на проблему, о которой до сих пор совершенно не думал.

У Утай Синомии же моторная афазия. Она не может говорить своим естественным голосом. Как в таком положении ей удается передавать команды программе «Brain Burst»?

Ответ оказался очень простым.

Утай вдруг зажмурилась, по лбу прошла тонкая морщинка. Приоткрытые губы конвульсивно задергались. Стиснутые зубы заскрипели. На лице одна за другой начали выступать бисеринки пота.

Грубая сила. Невероятным напряжением всего тела Утай выжимала из себя голос, который не желал выходить сам.

Вопль «Прекрати!» Харуюки отчаянным усилием воли подавил. Если Утай поднялась до таких высот, что стала одним из Четырех небесных царей первого «Нега Небьюлас», значит, ей пришлось пройти через бессчетное количество сражений. Этого нельзя достичь одной лишь тактикой «ждать, пока тебя вызовут». Значит, вот это действие, на которое даже смотреть больно, она повторяла раз за разом, раз за разом – бог знает сколько раз.

Через пять секунд, показавшихся Харуюки вечностью, губы Утай раздвинулись сантиметра на два. Потом сдвинулись обратно и вытянулись длинной щелью. И наконец еще раз приоткрылись.

Бёр, ст, линк.

Хоть звука и не было, но, несомненно, рот Утай произнес эти три слога. И одновременно Харуюки на редкость неловко для себя пробормотал ту же команду.

Глава 6

Влажное тепло сезона дождей резко сменилось прохладным ветерком, погладившим тело Харуюки.

Харуюки распахнул глаза под зеркальным шлемом своего дуэльного аватара. Этот момент, когда он определял, какая арена ему выпала теперь, всегда вызывал в нем возбуждение, сколько бы раз это все ни происходило.

Но сейчас гораздо сильнее его интересовало другое. Поэтому, едва увидев горящий огнем закат и колышущуюся под ветром золотую траву, он только подумал: «О, арена "Степь"!» – и тут же резко развернулся.

Как только Харуюки увидел то, что его интересовало, – дуэльный аватар Утай Синомии, – у него перехватило дыхание.

Довольно маленький, как он и ожидал. Однако силуэт вовсе не создавал такого ощущения – напротив, в нем чувствовалась массивность. Причиной тому были свисающие с обоих предплечий щиты и широкая бронеюбка, спадающая до самых ступней. Все вместе выглядело как белое платье и красные хакама – одеяние в японском стиле.

Больше всего поражало то, что верх и низ аватара были абсолютно разного цвета.

Броня, покрывающая туловище и руки, была мягкого, полуглянцевого светло-серого цвета, похожего на цвет нейролинкера Утай. Но хакамаподобная броня была ярко-красной. Не чисто красной, как у Рэд Райдера, первого Красного короля, и не прозрачно-алой, как у Скарлет Рейн, второго Красного короля. Скорее, киноварно-красной, как у традиционной японской юбки.

Голова была очень похожа на настоящую голову Утай. Лобовая часть белой маски была закрыта броней, похожей на челку, с затылка ниспадал длинный стабилизатор. Глаза-линзы светились очаровательным и в то же время угрожающим огнем такого же красного цвета, как хакама.

Никогда прежде Харуюки не видел дуэльных аватаров с такой яркой двухцветной раскраской. Сильвер Кроу, естественно, был полностью серебристый, другие члены «Нега Небьюлас» тоже преимущественно однотонные. Разноцветных аватаров не то чтобы не существовало, но обычно это были оттенки одного базового цвета. Вот почему цвет, с которого начинается имя аватара, специализация аватара и цвет его тела – по сути одно и то же. Цветовая часть имени – всегда одно слово, значит, и соответствующий ему цвет аватара тоже один… должен быть.

Однако у грациозно стоящего перед Харуюки аватара Утай нижняя часть тела была довольно-таки чистого «дальнобойного красного цвета», а верхняя – тоже чистого «белого цвета спецатак». Специализации явно различные. Какое же цветовое имя из одного слова может отражать оба эти цвета сразу?

Харуюки с усилием отвел взгляд от очаровательного аватара в японском стиле и перевел его на две полосы здоровья в левой верхней части поля зрения, под которыми были написаны имена.

«Ardor Maiden». Вот какое имя было у аватара Утай Синомии.

Слово «мэйден» Харуюки понимал. Оно означает «юная девушка». Можно сказать, более чем подходящее имя для Утай.

Но самое важное слово, цветовое имя «Ардор», Харуюки так вот сразу с английского на японский перевести не смог. Будь он сейчас в реальном мире, ему достаточно было бы сфокусировать взгляд на слове, и тут же всплыло бы окошко с переводом; но, увы, в «Brain Burst» столь удобной функции не было. Харуюки казалось, что где-то он это слово уже встречал, но, по крайней мере, не в учебниках английского вплоть до второго класса средней школы.

Спрашивать, что означает имя, было бы глупо. Отказавшись от этой идеи, Харуюки посмотрел, какого уровня его партнерша. Седьмого – достаточно прилично.

Собрав всю доступную информацию секунды за три, Харуюки для начала быстро поклонился и сказал:

– Э… это, рад познакомиться. Постараюсь тебя не разочаровать.

Подняв голову, он вдруг подумал: ведь в «Brain Burst» не только автоматического переводчика, но и чата нет. И как тогда им с Утай понимать друг друга? Язык жестов? Или читать мысли по глазам?

Однако миг спустя Утай показала ему способ, и этот способ заставил Харуюки усомниться в своих глазах… то есть в своих ушах.

– Взаимно. Кстати, можно не говорить так формально, Ку-сан.

Ку-сан? Это она обо мне? «Кроу» сократила до «Ку»?

Нет, сейчас не этим надо забивать голову. Только что Утай явно, несомненно – заговорила. Рот маски ее аватара «Ардор Мэйден» шевельнулся, и раздался голос.

– Э-э-эээ?! Си-Си-Сино-… нет, эээ, здесь мне как к тебе обращаться-то…

– Годится все, кроме «Ден-Ден». Раньше меня в основном звали «Мэй».

Первая половина «Мэйден»? Стоп, сейчас важнее другое.

– …Не, это… Мэй-сан, ты, ну, сейчас… в общем…

От шока слова Харуюки прозвучали несколько грубо. Утай, однако, это совершенно не смутило, она просто кивнула.

– Я могу нормально говорить, только когда «ускорена». Пожалуй, можно сказать, что только поэтому я и продолжаю ходить в этот мир.

Голос был полон юной чистоты, однако чувствовалась в нем и твердая сила. По сравнению с дребезжащим голосом Харуюки, не сильно отличающимся от того, который у него в реале, он звучал невероятно гладко, насыщенно и отчетливо, как будто у Утай было очень много разговорной практики.

– Но… но я всегда думал, у речи в этом мире такой же принцип, как у мысленной речи через нейролинкер…

– Я сама в точности не понимаю, как это работает. Блэк Лотус говорила, что это из-за того, что у меня квантовое соединение с сознанием другое.

– А… а, я тут тоже ничего не понимаю…

Склонив голову набок, Харуюки вновь стал разглядывать аватар Утай.

Комбинация ярко-белого и ярко-красного была очень красива,

а от фигуры в японском одеянии этих цветов исходила какая-то божественная аура, от которой захватывало дух. Нет, возможно, это было неслучайно. Харуюки смутно вспомнилось, что и в реальном мире существовало сочетание такой формы и таких цветов. Совершенно точно где-то когда-то он это видел… Да, еще до развода родителей, когда они втроем ходили праздновать Новый год…

– Эмм, Ку-сан. Ты, конечно, можешь меня разглядывать сколько угодно, я не против, но…

– …И мы тогда… пошли в большой храм на новогоднюю молитву…

– Ходить на новогоднюю молитву в июне – ничего особенного, но…

– Потом купили омикудзи[17]… А, тогда одному только мне выпало жуткое невезение…

– Последние секунды курсор активно движется.

– И точно, я тогда во всех играх стал проигрывать… Стоп, что?!

Голос Утай наконец-то добрался до сознания Харуюки, и он уставился на голубые треугольнички посреди своего поля зрения. И действительно, они непрерывно перемещались справа налево. Там, куда указывали эти стрелки, был – несомненно, «противник».

Потому что эта красивая степь – вовсе не виртуальное пространство для болтовни, а созданная программой «Brain Burst» дуэльная арена.

– Блин… они уже здорово подошли!

Поспешно взяв себя в руки, Харуюки глянул вправо-вверх, чтобы выяснить, кто их противники.

Один – «Олив Глав»[18] четвертого уровня. Харуюки не был с ним знаком, но решил, что наверняка он из зеленого легиона.

Едва увидев второе имя, Харуюки мысленно воскликнул: «О!»

«Буш Утан». Третий уровень, тоже из зеленого легиона; с ним здесь Харуюки несколько раз уже дрался. Но до сих пор всякий раз, когда Утан заявлялся в Сугинами, он был в паре с байкером Эш Роллером, которого обожал как «старшего брата».

Харуюки озадаченно склонил голову набок, но тут же стряхнул неуютное ощущение. Наверно, иногда Утан с этим своим братом не стыкуется по времени. Главным сейчас было другое: судя по дрожанию курсора, до противника было уже метров двадцать, не больше. До контакта оставалось всего ничего… по идее.

– …Г-где он?!

Стоя на цыпочках, Харуюки отчаянно вглядывался в ту сторону, куда показывал курсор. Однако всюду была лишь

колышущаяся трава по пояс, она полностью скрывала аватар противника. Похоже, он вжался в землю до предела и полз – как будто плыл – сквозь густую траву.

Харуюки беспокойно заоглядывался. Стоящая рядом Утай прошептала:

– Ку-сан, команда противника, судя по всему, разделилась – один атакует, второй прикрывает сзади. Я отвлеку заднего, а ты, пожалуйста, займись передним. Покажи все, на что ты способен.

После чего вдруг ушла куда-то вправо.

Судя по словам, которые перед началом боя произнесла давно отошедшая от дел Утай, ее внезапное появление перед Харуюки и Черноснежкой было как-то связано с планом Черноснежки по «очищению от Доспеха бедствия». Вроде как по этому бою она решит, будет она участвовать в этом плане или нет.

Раз так, то, даже если не получится победить легко и красиво, необходимо хотя бы просто показать Утай чистую победу. Однако если противника не видно, то и победы над ним не одержать. Противник стал двигаться влево, видимо, приближаясь по спирали; скоро он уже должен оказаться ближе десяти метров. Когда это произойдет, курсор исчезнет. Еще отчаяннее напрягая зрение, Харуюки пытался различить в колыхании травы из-за ветра постороннее движение из-за противника, но и это ему не удавалось.

Точно, звуки!

Харуюки зажмурился и весь обратился в слух. Звук, который издает противник, раздвигая траву, должен немного отличаться от шелеста травы на ветру. Это и необходимо уловить.

Две секунды спустя.

– …Ни черта не разобрать!.. – простонал Харуюки и вновь открыл глаза. Со всех сторон доносился лишь одинаковый монотонный шелест. Может, где-то там и было что-то отличающееся, но распознать это – дело неординарное, нужны специальные тренировки.

От глаз проку нет, от ушей проку нет. Если бы он взлетел, то, может, нашел бы противника, но шкала спецатаки была пуста – вокруг не было объектов, которые можно было бы разрушить, чтобы ее заполнить.

Охваченный нетерпением, Харуюки увидел, что курсор в его поле зрения исчез. Точнее, один из двух, очень слабый, оставался, но он принадлежал остановившемуся где-то вдалеке второму противнику, из арьергарда, и потому сейчас он был Харуюки неинтересен.

Боец авангарда – Буш Утан это или Олив Глав, Харуюки не

знал – двигался где-то в пределах десяти метров от него, выбирая момент для внезапной мощной атаки на Сильвер Кроу. Харуюки мог и сам попытаться спрятаться в высокой траве, но это лишило бы Сильвер Кроу главного оружия, мобильности, и втянуло бы его в ближний бой на земле.

Будь сейчас обычная дуэль, в такой ситуации Харуюки перестал бы ломать себе голову и просто уступил бы противнику первый удар, рассчитывая заполнить шкалу спецатаки, а потом решить исход боя в воздухе. Можно даже сказать, это была основная тактика Харуюки. Потому что слабый Сильвер Кроу с короткими руками-ногами плохо годился для наземных рукопашных схваток. Естественно, когда он был не в воздухе, это давало преимущество противнику…

Такие мысли крутились у него в голове постоянно.

Однако Утай Синомия сказала, что хочет увидеть его силу.

Силу – значит, «истинное мастерство». Истинное – значит, никакой опасливости, никаких оправданий. Но главное – этот бой, несомненно, связан с будущим успехом или неуспехом «плана по очищению».

Неужели никаких других способов нет? Неужели больше ничего нельзя сделать?

Едва Харуюки так подумал, в голове у него молнией мелькнула новая мысль:

Если бы на его месте была *она*? Такой же, как Сильвер Кроу, высокоманевренный аватар ближнего боя, Черный король Блэк Лотус – что бы сделала она? Уж конечно, она не стала бы глупо крутиться по сторонам и все такое. Наверняка спокойно стояла бы на одном месте, дожидаясь нападения, а потом все поставила бы на одномоментную защиту и атаку. Да, точно. Если противник тоже спец по ближнему бою, перед самой атакой ему придется все-таки перестать прятаться в траве.

Конечно, с ответкой Харуюки чуть запоздает. Даже увидев противника, он не сможет снять его первым ударом. Однако искусство мгновенного перехода из обороны к атаке *она* показала Харуюки во время их дуэли недельной давности. Разумеется, так же сделать он не сможет, но попытаться и потерпеть неудачу все равно в сто раз лучше, чем сдаться и просто стоять.

Харуюки расслабил все тело и полуприкрыл глаза.

В памяти у него всплыла фигура Блэк Лотус из той дуэли.

Правый прямой, который нанес Сильвер Кроу в полную силу и на полной скорости, Черный король встретила спокойным движением. Не «быстрым», нет, скорее это было движение типа «ничего лишнего». Атакующий удар она этим движением не отбила, а притянула, чуть изменила угол и отпустила. Этот прием

Черный король назвала «мягкой техникой», или «атакующей защитой».

Несмотря на то что Харуюки вовсе не двигался, в его сознании родился высокий звук «иииии», который отсек весь окружающий шум. Это было «ускоренное восприятие» Харуюки, которое включалось, когда его сосредоточенность превосходила определенный уровень; однако в расслабленном состоянии это умение у него проявилось впервые.

Мало или много времени прошло, Харуюки не знал, но в конце концов почувствовал первую атаку противника. Не звук, не зрительный образ… а вибрация.

Справа-сзади!

Подняв правую руку, он развернулся. Прямо из травы на него летел кулак, принадлежащий полностью слившемуся с окружением маленькому травянисто-зеленому аватару, Буш Утану.

Маска, напоминающая некоего примата. Руки – толстые и длинные до нелепости, особенно в сравнении с наклоненным вперед телом и коротенькими ногами. Может, через траву он даже не бежал, а «плыл» с помощью этих своих мощных ручищ. Поэтому и звука шагов слышно не было.

Низкий рост на этой арене тоже давал преимущество. Он как раз и позволил противнику незаметно подобраться к Харуюки и из высокой травы начать выбрасывать удары. К тому времени, как тот его увидит, его кулак окажется уже менее чем в метре от лица Харуюки. Вдобавок и опора для ног здесь не очень хорошая, так что уклониться абсолютно нереально.

– …Хоооо!!! – выкрикнул Утан, твердо уверенный, что его первый удар достигнет цели. Харуюки же молча выбросил правую руку и мягко обхватил кулак соперника.

Ладонь тут же обожгло силой правого хука противника. Если бы Харуюки сейчас попытался отбить этот удар, то, несомненно, не смог бы, и кулак угодил бы ему в лицо. Вместо этого он не стал сопротивляться, а подстроил свои движения так, чтобы изменить направление удара. Главное – это, по-видимому, «круговое движение». Раньше Харуюки целыми днями играл в виртуальный сквош и знал, что если все время бить по сверхбыстро летящему мячу со всей силы, то скорость будет еще расти, и так до бесконечности, поэтому иногда ему приходилось встречать мяч ракеткой мягко, тем самым гася скорость.

Вспомнив сейчас это движение, Харуюки развернул свою ладонь, встретившую кулак противника, против часовой стрелки. От непогашенной силы удара броня правой руки заскрипела. Но в то же время Харуюки почувствовал, что направление этого удара

чуть-чуть изменилось.

Черноснежка в этой ситуации развернула вектор атаки на 180 градусов, и Харуюки отлетел назад. Таким мастерством он сейчас, конечно, не обладал. Но если ему удастся отклонить удар всего на десяток градусов влево-вниз, он, по крайней мере, избежит чистого попадания. Забыв дышать, терпя боль, он аккуратно, очень аккуратно выкручивал кулак Утана.

Раздался тихий скрежет, и левую щеку Харуюки обожгло. Полоса хит-пойнтов укоротилась на несколько точек, но здоровенный кулак, лишь коснувшись шлема, пролетел назад, и одновременно с этим грудь и голова Утана слегка зашатались. Возможно, из-за перекачанных рук и плеч, да еще и после направленной снизу вверх атаки, у него центр тяжести был высоковато.

Почувствовав это, Харуюки чисто на рефлексе выбросил правую ногу и подсек короткие ножки Утана.

– Уоо?!

С этим возгласом аватар травяного цвета крутанулся в переднем сальто. И брякнулся обратно в траву спиной. Раздалось гулкое «шмяк». Трава по пояс высотой сыграла роль подушки, так что урон оказался небольшой, однако на несколько процентов хит-пойнты Утана все же сползли.

Получилось! «Атакующая защита» более-менее удалась!

Он позволил себе такой мысленный возглас, однако радоваться было рано. Утан снова утонул в море травы, и до Харуюки доносился лишь шелест, показывающий, что он где-то там быстро передвигается. Несомненно, он готовил следующую внезапную атаку. Харуюки расслабил спину и сосредоточился.

Долго ждать второй атаки не пришлось. Вибрация пришла всего несколько секунд спустя, на этот раз прямо сзади. Еще до того, как оглянуться, Харуюки выбросил правую руку и, едва ощутив касание с чем-то, сделал круговое движение наружу.

Наконец в его поле зрения попал противник. После того как левый прямой промазал, Утан снова потерял равновесие. Он попытался было как-то поправить траекторию кулака, однако в результате левая нога утратила опору. Харуюки чисто машинально обхватил левой рукой кулак Утана и опустил себе на плечо.

– Сэ! – коротко выкрикнул Харуюки и изо всех сил бросил. Утан подлетел выше, чем в прошлый раз, и, покувыркавшись в воздухе, шмякнулся обратно в траву головой. Естественная подушка на этот раз весь удар не погасила: раздался звуковой эффект полученного урона, и полоса хит-пойнтов Утана просела процентов на десять.

Какое-то время ноги Буш Утана торчали из травы, но вскоре он подбросил себя силой рук, перекувырнулся и встал. Харуюки думал, что он опять нырнет, однако Утан сделал несколько шагов назад и, ткнув в сторону Харуюки пальцем, заявил:

– У-хо-хо, от заклятого врага брата Эша я другого и не ждал!

На эти неожиданные слова Харуюки заморгал и промямлил: «Э… п-правда, что ли?» Получилось довольно недружелюбно, но, к счастью, Утан вроде не возражал. Он продолжил:

– Однако странненькая у тебя защитная техника, а? На арене «Степь» я ваще впервые не смог нанести первый удар! Тока тебе еще рановато думать, что ты выиграл! Когда мы от бросков перейдем к захватам, я на этой арене непобедим! Во как!

– Гх…

Вполне возможно, что так оно и было. «Мягкая техника», основы которой Харуюки перенял у Черноснежки, бесполезна против бросков и захватов. Если Утан внезапно схватит его за ногу, выбросив свою длинную руку под прикрытием травы, то сможет перевести борьбу в партер.

Однако, глядя на начавшего паниковать Харуюки, Утан покачал правым указательным пальцем и продолжил:

– Тока если мы на захваты пойдем, это зрители не оценят. Потому как им ни фига не видно будет.

При этих словах Харуюки огляделся. Помимо наблюдающей за ним со стороны Утай Синомии, Ардор Мэйден, и все еще находящегося где-то далеко и потому невидимого второго противника, Олив Глав, тут было еще несколько зрителей. Возвышенности поблизости отсутствовали, так что зрители тоже стояли в траве. Безусловно, если Харуюки и Утан сцепятся и начнут пихаться в траве, они не увидят ничего.

– …И что тогда? А, если ты предлагаешь армрестлингом разобраться, то я не согласен! – на упреждение заявил Харуюки. Утан хлопнул левой ладонью по правому кулаку.

– Оо, а это была бы неплохая идейка. Тока, боюсь, эти твои чахлые ручонки с моими зажигательными бицепсами бороться недостойны. Поэтому щас я тебе покажу свою новую технику!!!

– Н-новую технику?!

Это заставило Харуюки насторожиться. Насколько он знал, единственным оружием Буш Утана были его длиннющие руки, а спецатака заключалась в том, что они еще втрое удлинялись, и больше ничего у него не было. С боя недельной давности уровень Утана не поднялся, так и остался третьим, а значит, новых спецатак или умений он заполучить не мог. То ли он купил какое-то Усиленное вооружение, то ли придумал какую-то новую тактику. В любом случае, следовало сохранять предельную

осторожность.

Харуюки напружинился и сосредоточился до предела. Утан, небрежной походкой направившийся к нему, продолжил еще более провокационно:

– Му-хо-хо, если ты думаешь, что победишь так же легко, как в том территориальном сражении, то пожалеешь. Я уже не тот, что неделю назад. Смотри и дрожи… щас увидишь мою перерожденную силу!!!

Он остановился и вдруг размашистым движением скрестил руки. Миг спустя резко развел их в стороны. И – выкрикнул:

– «ИС мод» включить!!!

…Исмод?

Такого названия Харуюки раньше не слышал и сосредоточился еще сильнее, приготовившись уворачиваться, если вдруг в него начнут из чего-нибудь стрелять.

Однако то, что произошло дальше, не укладывалось ни в какие ожидания.

В середине травянисто-зеленой брони Буш Утана с коротким хлопком возникла какая-то странная штуковина. Черная полусфера диаметром сантиметров пять. Она ярко блестела, но это был не металлический блеск. Скорее, пластиковый – даже нет, влажный, как у чего-то живого.

Сразу следом появилось доказательство, что это впечатление – верное. Поверхность полусферы разошлась от середины вверх-вниз, совсем как веки глаза. Этот глаз горел кроваво-красным огнем и неотрывно смотрел на Харуюки.

А сразу следом –

Яростная сила рванулась от Буш Утана, так что трава вокруг него полегла. И тут же в центре «глаза» родилась черная аура; она мигом обволокла все тело Утана, а потом хлынула во все стороны. Стоящий в десяти метров от противника Харуюки всем телом ощутил давление, будто что-то начало покалывать.

Утан, одетый в ауру, как в черную тень, смотрел на Харуюки со странным блеском в глазах, а потом без малейших колебаний ринулся вперед. С яростным воплем вскинул правый кулак и выкрикнул название приема, которое Харуюки никогда раньше не слышал.

– Хоооо… «Дарк Блоу[19]»!!!

С тяжелым вибрирующим гулом кулак налился еще большей чернотой. А потом с мощью громадной железной гири полетел в Харуюки.

– Кх…

Харуюки подумал было выбрать момент и, как и в прошлые разы, применить «атакующую защиту». Но внезапно его пробрало

неописуемым холодом, и он предпочел уклон. Изо всех сил прыгнул влево – и самую малость разминулся с кулаком.

В следующий миг его глаза изумленно распахнулись – он даже контратаковать забыл.

Низко вибрируя в воздухе, промазавший кулак воткнулся в землю, и в этом месте почву и траву просто разметало по сторонам, как будто туда метеорит упал.

Как правило, землю дуэльной арены, в отличие от строений и скал, невозможно так легко разрушить. Тем не менее всего один удар создал неслабый такой кратер – это явно была не обычная сила. Если бы Харуюки попытался применить «атакующую защиту», эта мощь обрушилась бы на его руку.

Что это?! Спецатака… нет, Усиленное вооружение?!

Не в силах даже слова произнести от изумления, Харуюки уставился на тонкую синюю линию под полосой хит-пойнтов Утана – его шкалу спецатаки.

И ахнул от потрясения вдвое более сильного, чем все, что было раньше.

Шкала спецатаки ничуть не укоротилась. Нет, она изначально-то была почти пуста. И тем не менее тело Утана испускало черную ауру с красным сиянием.

Постоянное сияние, не разряжающее шкалу. В Ускоренном мире существует лишь одно слово, которым можно описать такое явление.

Это слово – «оверрей». Другой способ функционирования аватара, противоположный нормальным командам, «система контроля через воображение», позволяющая силой этого самого воображения генерировать сигналы, воспринимаемые как свет.

Лишь теперь Харуюки понял наконец, что означает «ИС мод».

Почти наверняка это «инкарнейт систем мод». Или, говоря привычным Харуюки языком – «режим инкарнации». Аура, покрывающая сейчас тело Утана, – верный признак того, что он привел в действие запретную силу, систему инкарнации.

Но почему? Когда его самого обучали инкарнации, первым делом строго-настрого предупредили: пользоваться ей в обычных дуэлях – самое большое табу. И кроме того: что это за черный глаз, торчащий у Утана из груди? Инкарнация – сила, порожденная душой того, кто ей пользуется. Никаких дополнительных объектов для нее не требуется.

Харуюки, в душе у которого царил полный хаос, не смог быстро среагировать на следующую атаку по-прежнему окутанного черной аурой Утана.

– Ву… ооооооо!!!

С этим боевым возгласом, к которому примешались низкие

ноты, Утан вскинул правый кулак. Харуюки наконец пришел в себя и распахнул глаза, но уклоняться в сторону было уже некогда. Остро чувствуя опасность, он все же с неохотой решился применить «мягкую технику» и выставил левую ладонь.

– Хоооо… «Дарк Блоу»!!!

Утан выкрикнул то же название приема, что и в прошлый раз, и его кулак с ревом полетел вперед.

Этот кулак, испускающий еще более сильный оверрей, чем прежде, Харуюки встретил ладонью.

Ледяной холод. Такое ощущение на миг охватило его руку –

С хрустом левая рука Сильвер Кроу рассыпалась на множество металлических осколков.

– Уаа!

В обычных дуэлях болевые ощущения снижены, но эта боль словно разрывала нервы Харуюки, и он не сдержал стона. Однако кулак Утана не остановился, а продолжил свой путь к лицу Сильвер Кроу.

Он изо всех сил попытался отклонить голову в сторону, однако большой палец все же задел левую боковину шлема. И снова жгучая боль. Силой удара Харуюки швырнуло в траву спиной вперед.

От левой руки, которой ниже локтя не было, и от глубокой вмятины в шлеме сыпались бледно-синие искры. Глядя на это дело сверху вниз, Утан тяжелым движением вернул правую руку обратно, а потом резко занес левый кулак.

В его горящих глазах на немного забавной маске не было восторга от боя, который был во время сражения недельной давности – да нет, даже минуту назад. Теперь в них чувствовалось возбуждение от того, что он избивает, уничтожает, подчиняет Харуюки.

В третий раз покрытый вязкой темной аурой левый кулак полетел вперед. Харуюки отчаянным усилием оторвал спину от земли, раскрыл под собой металлические крылья и заработал десятью пластинами.

Кулак Утана глубоко вошел в землю ровно там, где десятую долю секунды назад было тело Харуюки. Глядя на эту жуткую картину, Харуюки рванул вверх, стремясь отлететь подальше. Поднявшись метров на двадцать, он наконец перешел на парение.

Он все еще не мог въехать в ситуацию. Нет – он не мог принять правду. Кое-как заставив двигаться не слушающийся рот в нижней части шлема, Харуюки выдавил:

– …У, Утан… почему… этот прием, как…

В ответ –

На парящего в небе Харуюки нацелился громадный правый

кулак. Изо рта маски вырвался низкий, сдавленный, стонущий голос:

– …Полеты не помогут…

В середине полностью раскрывшейся пятерни образовался сгусток черной ауры. А миг спустя раздался голос, искаженный каким-то странным звуковым эффектом:

– «Дарк шот[20]»!!!

С тяжелым гудением из ладони Утана выстрелил черный луч.

Состояние Харуюки уже вышло за пределы того, что можно назвать изумлением; на приближающееся копье мрака он смотрел совершенно остолбенело. Чисто машинально одно его крыло задрожало, и аватар скользнул в воздухе, уходя с траектории луча, но недостаточно быстро –

С глухим ударом луч пронзил левое крыло посередине. Металлические пластины мгновенно разлетелись, точно перья подстреленной из ружья птицы. Баланс подъемной силы потерялся, и, не успев хоть как-то его восстановить, Харуюки рухнул на землю.

Если бы не густая трава внизу, его хит-пойнты, скорее всего, ушли бы в красную зону. Однако они и сейчас упали ниже 50%. Содрогаясь от мысли о жуткой силе инкарнационной атаки Утана, Харуюки сумел все же сесть, опершись рукой о землю.

Раздался звук шагов по траве. Он приблизился, и вот уже Утан встал прямо перед Харуюки, широко ухмыляясь.

– …Ну и как тебе моя новая техника, а? Крутая, правда? Я теперь непобедим, а?..

«Глаз» в груди багрово пульсировал. Под этим словно голодным взглядом Харуюки сипло промямлил:

– К-как… как, блин, ты эту силу?..

Если поразмыслить спокойно, то вариант возможен только один: кто-то обучил его пользоваться системой инкарнации. Как Скай Рейкер обучила основам инкарнации самого Харуюки, а Красный король Скарлет Рейн – Такуму. Но кое-чего он понять не мог.

Из четырех разновидностей силы инкарнации – повышения дальности атаки, скорости, силы атаки и силы защиты – освоить возможно лишь те, которые согласуются с природой аватара. Про этот основополагающий принцип ему рассказала Нико. Однако Буш Утан на цветовом круге занимал позицию «оборонительного зеленого», предельно далекую от «дальнобойного красного», и тем не менее ему удалось сбить летящего Харуюки дальнобойной атакой. Ясно, что это был инкарнационный прием типа «повышение дальности атаки». Но прямо перед этим он применил «повышение силы атаки». Эти две инкарнационные техники

просто не могут сосуществовать. Даже Нико, профи в этом деле, не смогла освоить несовместимые со своим аватаром «силу» и «защиту».

Не в силах осмыслить эти факты, Харуюки мог лишь продолжать сидеть, широко распахнув глаза.

Стоящий напротив него Утан, свободно свесив свои мощные ручищи, кинул быстрый взгляд на «глаз» в своей груди. Его губы шевельнулись и выпустили голос – горячий, точно у ребенка, делящегося с кем-то секретом.

– …Я ж сказал уже?.. Получил… от знакомого. «ИС мод стади кит[21]»… сокращенно «ИСС-кит».

– Получил? ИСС-кит… да? – ошеломленно пробормотал Харуюки, услышав это неожиданное объяснение.

«Стади кит» – такое выражение он уже встречал. Благодаря множеству товаров для детей, продающихся самыми разными образовательными фирмами. Стади кит для игры на фортепиано, для гимнастики, для езды на велосипеде. Все это инсталлируется в нейролинкер, после чего в среде Полного погружения или дополненной реальности виртуальный инструктор вежливо объясняет, как что делать. Сам Харуюки раньше с помощью такой программы учился нормально разговаривать с людьми; впрочем, сейчас об этой детали своего прошлого он говорить не хотел.

Однако ни одно реальное предприятие просто не могло выпустить на рынок программу по обучению системе инкарнации для Ускоренного мира, а главное – подобных средств для быстрого освоения инкарнации просто не должно существовать. Кроме того, Утан эту программу не купил, а вроде как получил от знакомого. Возможно, какой-нибудь другой Бёрст-линкер передал ему этот черный глазоподобный шар со словами «смотри, вот с этим ты сможешь освоить систему инкарнации».

Но от кого он мог это получить? Неужели… неужели…

– Эту штуку… этот «ИСС-кит» тебе… Эш Роллер дал?..

После этого робкого вопроса Харуюки на лице Утана на миг появилось какое-то странное выражение, но он тут же помотал головой.

– …Ваще мимо. Брат Эш пока… не в курсе. Потому как… по-моему, ему такое не очень-то нравится…

От этих слов Харуюки втайне испытал облегчение. Эш Роллер узнал самые основы основ инкарнации от Скай Рейкер, своего Родителя. Он-то никак не должен тянуться ко всяким «ИСС-китам» и прочим подобным подозрительным штукам.

Однако его облегчение продлилось недолго. Буш Утан, придвинувшись ближе к его лицу, прошептал еще жарче:

– …Но, если я с этим китом стану ваще крутым, брат

наверняка тоже рад будет. Кроу-сан, ты тоже так считаешь, правда? Неделю назад Кроу-сан меня отлупил, а щас я с «ИСС-китом» выиграю; если брат узнает, он же тоже будет рад? «Гига-кууул», скажет, ага?..

– !..

Рассмотрев вблизи круглые глаза Утана, в которых горел огонь возбуждения, Харуюки резко ахнул. И, машинально замотав головой, ответил:

– Н-нет. Ни в коем случае. «ИС мод»… нет, силу инкарнации просто так этим «китом» нельзя освоить. Сначала ты должен прямо посмотреть на собственную «рану»… тогда ты начнешь понимать смысл этой силы. А иначе тебя затянет темная сторона инкарнации, ты просто утонешь…

– Мораль мне читаешь, да? – выплюнул Утан, и Харуюки замолчал. Бёрст-линкер, всего несколько минут назад бывший веселым рубахой-парнем, придвинул маску к маске Харуюки почти вплотную и тихим, хриплым голосом проговорил: – Кроу. Судя по тому, как ты говоришь, ты тоже кой-чего знаешь об этой «силе»… Но в той гонке неделю назад ты должен был почувствовать ее на собственной шкуре. Вылезла машина номер десять и силой «ИС мода» вмиг заржавила и наш шаттл, и трибуны с сотнями зрителей. Такая охрененная сила в этом ИС моде. Самая главная сила, она же может гнуть законы Ускоренного мира. А те гады об этом знали, но от нас всегда скрывали. И все равно сейчас ты мне заливаешь про смысл этой силы, про то, как ей пользоваться? Нееет, может, все не так… Может, ты тоже раньше по чуть-чуть эту силу подключал в дуэлях, чтобы побеждать, а?..

Правая рука Утана, вытянувшись подобно гигантской змее, схватила Харуюки за горло. Ужасающей силой его подняло в воздух. В глядящих на него в упор глазах Утана, вообще-то зеленых, горел то сильнее, то слабее темно-красный огонь. Харуюки заметил, что эта пульсация была в такт с пульсацией глаза «ИСС-кита» в груди.

– Если ты не крутой, все бесполезно. Если ты не крутой, то и процент побед будет плохой, тогда в легионе опустишься, очки кончатся, и в итоге ты вылетишь из Ускоренного мира. У тебя с самого начала была редкая сила «способность к полету», тебе не понять, что чувствуем мы, лузеры.

Еще как понять. Уж мне-то эта боль понятней, чем любому другому. Я-то себя к победителям никогда не относил, ни в реальном мире, ни в Ускоренном.

Харуюки хотел так сказать. Однако, прежде чем он успел открыть рот, Буш Утан проскрежетал:

– …Но этот «ИСС-кит» даже лузерам дает стать крутыми. Даже не так – чем больше ты лузер, тем круче станешь. Ты ведь тоже уже заметил небось? Прошло всего три дня, а я уже наловчился управляться с «ИС модом». С этой силой я ни рукопашникам, ни дальнобойщикам сливать не буду. И этим козлам из легиона, которые надо мной смеялись, тоже… И брата, нет, Эш Роллера тоже сделаю. Крутой… дааа, я крутой!!!

Не только тон голоса – вообще вся речь незаметно стала другой.

Высоко подняв правую руку, по-прежнему сжимающую горло Сильвер Кроу, Буш Утан проревел:

– Крутой… я крутой! И партнер мне нафиг не нужен! Олив Глав, когда мы этот бой закончим, я и с тобой разберусь! Выясним, чей «ИС мод» круче, мой или твой! Где ты, Олив! Смотри, как я щас убью этого типа!!!

Не в силах осмыслить ни столь непредсказуемого развития событий, ни внезапной перемены в облике Буш Утана, заторможенный мозг Харуюки с трудом подумал:

Олив Глав – так зовут партнера Утана по этому бою. Они, видимо, друзья по зеленому легиону, и, судя по словам Утана, Олив тоже обладает этим «ИСС-китом». Стало быть, он тоже может применять эту чудодейственную «инкарнацию всех атрибутов», которую уже ощутил на себе Харуюки. Как тогда обстоят дела у Утай Синомии, которая там ему противостоит? Неужели она так же беспомощна, как он сейчас…

Харуюки уже почти кинул взгляд на ее полосу хит-пойнтов, чтобы проверить, но тут справа послышался звук шагов. Харуюки тотчас повернул голову.

Прокладывая путь через траву, качающуюся под холодным ветром, медленно приближался странный дуэльный аватар.

Броня, как и подсказывало имя, коричневато-зеленая – оливкового цвета. Тело худое, как ветка дерева, а руки непропорционально большие. А посреди туловища торчала черная полусфера, такая же, как у Утана.

Однако «веки» были почти закрыты, «глаз» под ними был виден как тонкая щелочка. Красное сияние мерцало слабо и нерегулярно; казалось, оно могло исчезнуть в любой момент.

Присмотревшись, Харуюки понял, что передвигается Олив Глав очень неуклюже. Он шел покачиваясь, еле держась на ногах, но тем не менее как-то умудрялся продвигаться вперед. Как будто – как будто пытался от чего-то сбежать.

– …Олив?

Услышав озадаченный голос Утана, тощий аватар поднял голову. Глаза в щелочках, проделанных в вытянутой по вертикали

маске, распахнулись.

– …Утан… Спа… спаси ме…

Тут его голос прервался. Быстро развернувшись назад, Олив с испуганным видом выставил перед собой правую руку. Узловатые пальцы, похожие на корни дерева, окутала слабая, как тень, аура.

– Да… «Дарк шо-…» – попытался он произнести название атаки, но его оборвал легкий звук удара.

Левую сторону груди Олив Глава пробил непонятно откуда вылетевший длинный тонкий стержень, весь окутанный пламенем, – натуральная «огненная стрела».

Миг спустя тело аватара разлетелось в клочья и перестало существовать. Полоса хит-пойнтов обратилась в ноль. Харуюки машинально кинул взгляд на верхнюю часть поля зрения, где было четыре… то есть уже три полосы, чтобы убедиться.

У Буш Утана осталось 80% с хвостиком. У Сильвер Кроу – почти половина. И наконец, у партнерши Харуюки, Утай Синомии, то есть Ардор Мэйден, полоса хит-пойнтов… с начала боя не укоротилась ни на точку.

Раз в груди у Олив Глава торчал этот «глаз», который Утан назвал «ИСС-китом», значит, Ардор Мэйден тоже столкнулась с инкарнационными атаками. Собственно, Олив непосредственно перед своей смертью попытался применить ту же дистанционную атаку, что и Утан, «Дарк Шот». Это просто не могла быть его первая и единственная атака. И тем не менее Мэйден была без царапинки – как?

Забыв дышать, Харуюки медленно поднял взгляд от того места, где исчез Олив Глав.

Метрах в двадцати, не меньше, оттуда стоял маленький аватар в белом платье и красных хакама. Все тело сверкало, на нем не было ни пятнышка. Однако тонкая левая рука держала предмет, которого в начале боя там не было. Длинный, почти в рост Мэйден, тонкий прут. Верхняя и нижняя его части были чуть загнуты, и их соединяла тонкая тетива. Иными словами – это был лук.

Глаза-линзы Ардор Мэйден спокойно смотрели на однорукого и однокрылого Сильвер Кроу и на поднявшего его за горло Буш Утана.

Потом она медленно подняла свой длиннющий лук. Пустая правая рука коснулась тетивы и легонько натянула.

В следующий миг там, где ничего не было, вдруг материализовался охваченный пламенем длинный стержень – огненная стрела. Утай приподняла правую руку, выпрямила спину и грациозным движением натянула лук до упора.

На миг застыла неподвижно, точно само время остановилось.

А затем резко дернула правой рукой, одновременно вывернув запястье левой.

Просвистев сквозь воздух, огненная стрела глубоко вонзилась в правое предплечье Буш Утана.

– У… – вырвалось у Утана. Отбросив Харуюки, он левой рукой выдернул пылающую стрелу. Миг спустя стрела растаяла в воздухе, будто сгорела. Но к тому моменту хит-пойнты Утана просели более чем на десять процентов.

Харуюки – и, возможно, Утана тоже – поразила не столько мощь огненной стрелы и меткость выстрела, сколько грация движений Ардор Мэйден, когда та стреляла; они оба застыли. Аватар в японском стиле, будто скользя, двинулся к ним через колышущееся травяное море. Чисто по размеру ее аватар был здесь самым маленьким, однако от него исходило ощущение невероятной мощи. Выражаясь словами Нико – «давление информации».

Подойдя к Харуюки и Утану, Ардор Мэйден взяла лук обеими руками и развернула горизонтально перед собой, после чего ангельским, но в то же время суровым голосом произнесла:

– Неожиданный поворот событий. Я собиралась сдерживаться, чтобы растянуть бой, однако мне все же пришлось уничтожить Олива-сана.

Она покачала головой, точно эта бескровная победа была ошибкой с ее стороны. И тут же продолжила свой задумчивый монолог:

– «ИСС-кит»… Если таким вещам позволить свободно распространяться, мы окажемся в очень неприятной ситуации. Необходимо как можно быстрее выявить его источник…

Подняв голову и устремив жесткий взгляд на Утана, она спросила прямо:

– Буш Утан, кто дал тебе это?

Травяного цвета аватар, будто отступая под ее психологическим давлением, сделал шаг назад, потом еще шаг. «Глаз» в груди, работа которого явно была связана с эмоциональным состоянием хозяина, мерцал нерегулярно, покрывающая все тело черная аура тоже местами яростно дрожала.

Утан, мотая головой, прохрипел в ответ:

– Не… не ска… жу… Я обещал… что никому…

– Вот как? Ну, если обещал, то ничего не поделаешь.

Утай легонько кивнула и, продолжая сверлить Утана тяжелым взглядом, продолжила:

– Я могу с определенностью утверждать, что эта сила отнимает у тебя больше, чем дает. Буш Утан, если ты этого

пожелаешь, атрибут моего аватара, «огонь», сможет очистить тебя от чужеродной субстанции, которая сейчас на тебе паразитирует. Еще не поздно. К сожалению, Олив-сан отказался… Что выберешь ты?

Всю важность того, что сказала Утай, Харуюки осознал не сразу.

Прошло не меньше секунды, прежде чем его глаза потрясенно распахнулись.

Сможет очистить от чужеродной субстанции, которая паразитирует. Вне всяких сомнений, Утай сказала именно это. Такое далеко не каждый может. Не об этом ли говорили Черноснежка и Фуко? Вычистить паразитирующий объект способны лишь те, у кого есть редкая «способность к очищению».

Значит, Утай Синомия, Ардор Мэйден – и есть человек, обладающий такой способностью. Главная составляющая часть придуманного Черноснежкой «плана очищения от Доспеха бедствия». Она та, кто должен избавить Харуюки от Кром Дизастера.

Забыв про боль в левой руке и левом крыле, стоя столбом, Харуюки смотрел на Утай. Та чуть кивнула, словно приглашая Утана согласиться.

У стоящего в нескольких метрах от нее Буш Утана черная аура стала тоньше, и он слабым голосом пробормотал:

– Я… я… всего лишь сильней… как брат… сильней…

Он сделал шаг вперед. Его руки повисли, как плети, голова дрожала, словно он пытался кивнуть, – но.

Глаз в груди распахнулся, стал почти круглым. Яростно запульсировал красным огнем. И синхронно с этим запульсировали красным собственные глаза Утана. Как будто тот «глаз» лезет в самую душу Утана – так, по крайней мере, показалось Харуюки.

– …Нет… Эта сила моя… моя сила… моя…

Его голос звучал все тише и все искаженнее. Окутывающая все тело аура тоже становилась все гуще. Расслабленные прежде руки вдруг сжались в гигантские кулаки.

– Никому не отдам… хочешь украсть… отнять у меня хочешь… нет… не дам…

Утан говорил и говорил, словно в горячке. Потом вдруг его туловище рывком выпрямилось. Из трех его глаз – двух своих и одного в груди – рванулись тонкие багровые копья света.

– Моя сила, мой «ИС мод»! Украсть хочешь… тогда вот тебе!!!

Он вскинул правый кулак, сочащийся аурой мрака.

– Ооооооо… «Дарк Блоу»!!!

И Буш Утан ударил сверху вниз по еще более невысокому,

чем он сам, аватару Ардор Мэйден.

– А!..

Харуюки машинально бросился было вперед, чтобы принять этот летящий кулак на себя. Но резко поднятая левая рука Утай его остановила.

Одновременно ее пустая правая рука взлетела над головой. По сравнению с кулаком Утана, смахивающим на здоровенный булыжник, эти пять пальцев казались тонкими, как ростки. *Никак они не смогут остановить удар*, подумал Харуюки. Но.

На миг правая ладонь Ардор Мэйден окуталась слабым оранжевым сиянием. Огонь. Чистый, прозрачный огонь покрыл маленькую ладошку.

Летящий вниз кулак, казалось, должен был превратить ее в пыль, но за миг до этого раздалось ужасающее БАММММ!!! Сила удара была такова, что трава вокруг Харуюки заметалась. Но он этого даже не заметил – настолько был занят, ошеломленно глядя на сцену перед своими глазами.

Руки Утана и Мэйден не соприкоснулись. Между ними остался промежуток сантиметров в пять, и в нем яростно сражались черная аура и прозрачное пламя. Во все стороны сыпались белые искры. Состязались между собой силы воображения этих двоих, которая из них «перезапишет» другую. Иными словами, инкарнационную атаку Утана Мэйден встретила своей естественной инкарнационной защитой.

Однако состояние этих двоих было очень разным. На лице Утана была написана нескрываемая ярость и жажда убийства, а Утай держала правую руку с абсолютно спокойным видом. В ее выражении лица было даже что-то вроде жалости.

Внезапно раздались слова, полностью подтвердившие это впечатление Харуюки.

– Буш Утан. Ты совершенно неправильно понимаешь происходящее. Сила инкарнации… «ИС мода», твоими словами, – не то, что можно от кого-то получить или у кого-то отобрать. Она рождается в твоей собственной душе, она воплощение тебя самого.

– …Заткнись, заткнись, заткнись! – проорал Утан и вскинул теперь уже левый кулак.

Но прежде чем этот кулак ударил, огонь в правой руке Утай усилился, совсем чуть-чуть.

И державшееся до сих пор равновесие тут же рухнуло. Кулак Утана был отброшен, и сам он грузно откинулся назад, в траву.

Невероятная разница в силе. Инкарнация, которую применила Утай, относилась, видимо, к «усилению защиты». Красные аватары, по идее, этот тип инкарнации либо вовсе не

могут освоить, либо слабы в нем. И тем не менее одним лишь «оверреем» Утай отбила тяжеленный кулак – она явно неординарный человек.

Буш Утан тоже явно почувствовал, что Ардор Мэйден совершенно непостижима. Не пытаясь больше атаковать, он вновь скрылся в травяном море. Остался лишь шорох, который быстро потонул в шелесте травы под ветром. Вряд ли Утан хотел сбежать – скорее, готовился выстрелить издалека лучом тьмы, таким же, как тот, что сбил Харуюки.

– …У-, то есть Мэй-сан, он собирается стрелять с дистанции! – поспешно прошептал Харуюки, и Утай легонько кивнула. Подойдя к нему на несколько шагов, она развернулась и оглядела окрестности. И снова холодный голос поплыл над травой:

– Буш Утан, есть еще кое-что, чего ты не знаешь. Если ты атакуешь инкарнацией, то должен быть готов к тому, что противник тоже ответит инкарнацией.

После этого Утай повернулась к Харуюки и спокойным тоном прошептала:

– Ку-сан, всего один раз, но защити меня от атаки Утана-сана, пожалуйста. На то, чтобы запустить свой инкарнационный прием, мне потребуется время.

– П-понял… эээ, что?!

Харуюки согласился выполнить задание, но тут же пришел в замешательство. Не видя точки, откуда пойдет дистанционная атака, защититься от этой атаки будет очень непросто. Да нет – практически невозможно.

Но Утай уже отвернулась от Харуюки и начала сосредотачиваться. Медленно расставила ноги, закрыла глаза. Все тело окутал смахивающий на слабый огонь оверрей.

И вдруг ее аватар резко изменился.

Из свисающей по бокам головы волосоподобной брони со щелчком выдвинулись дополнительные пластины, закрыв всю маску. На гладкой белой поверхности появились тонкие загнутые вверх штрихи, словно нарисованные глаза. Как будто маска поверх маски – да нет, не «как будто».

В глазах на этом новом лице виднелась одновременно и мягкость, и жесткость. Ни намека на невинное выражение изначальной маски.

Следующее изменение произошло с тонким луком, который Мэйден сжимала в левой руке.

Он словно бы весь окутался пламенем и тут же стал в несколько раз короче. Этот пылающий короткий стержень Утай переложила в правую руку и выставила перед собой. То ли пистолет, то ли еще что-то такое – только и успел подумать

Харуюки, как вдруг…

Раздался короткий щелчок, и стержень раскрылся с одного из концов, приняв форму веера. Точно, совсем как веер. Ничего похожего ни на пистолет, ни вообще на оружие. «Зачем делать из ценного лука какой-то веер!» – хотел воскликнуть Харуюки, но не стал из опасения нарушить концентрацию Утай.

Харуюки решил, что должен любой ценой сблокировать атаку Утана, и стал оглядываться по сторонам.

Если бы оверрей Утана был ярким, то даже в высокой траве его нетрудно было бы заметить, но черная аура прекрасно сливалась с сумраком арены. Звука шагов тоже слышно не было, а значит, определить, откуда пойдет выстрел, будет многократно трудней, чем в случае с кулачной атакой.

…Нет. Пусть шаги Утан может приглушить, то один-то раз перед самой атакой ему придется издать громкий звук. Произнести название приема. В отличие от обычных спецатак, для инкарнации это не является абсолютной необходимостью, но, чтобы запустить инкарнацию без восклицания, требуется высочайший класс. Для Утана, заполучившего «ИСС-кит» всего несколько дней назад, это нереально.

Харуюки, выпрямив пальцы правой руки, весь обратился в слух.

Свист ветра, шуршание травы, вообще весь посторонний шум изгнать из головы. Ждать только возгласа Утана, который он слышал считанные минуты назад и потому прекрасно помнил.

Долгие, очень долгие несколько секунд остались позади – и наконец ушей Харуюки коснулся долгожданный звук.

– «Дар-…»

И в тот же миг, распахнув глаза, Харуюки выкрикнул:

– «Лазерный меч»!!!

– «…к шот»!!!

Два названия инкарнационных приемов прозвучали практически одновременно.

Повернувшись вправо-назад, откуда в сторону Ардор Мэйден устремился черный луч, Харуюки резко выбросил правую руку. Из кончиков пальцев вырвалась серебряная аура и, приняв форму клинка, метнулась вперед. Острие этого клинка коснулось черной ауры –

Раздался душераздирающий скрежет, и атака отклонилась вверх. Луч чиркнул по плечу Утай и ушел в сумеречное небо. У вскочившего напротив Утана на лице было написано потрясение. Впрочем, он тут же снова нырнул в траву и мгновенно скрылся из виду.

Просьба Утай «один раз защитить ее» была выполнена.

Однако инкарнационные приемы не расходуют шкалу спецатаки. Правильнее сказать, они расходуют невидимую «шкалу эмоциональной силы»; однако боевой дух Утана явно еще не ослаб. Можно не сомневаться, что через несколько секунд от него прилетит следующий луч.

Не понимая, что делать дальше, Харуюки бросил взгляд на стоящую рядом Ардор Мэйден.

Маленький аватар в маске поверх маски медленно водил веером в правой руке. Это движение чем-то напоминало танец.

Едва Харуюки так подумал, в голове у него вспыхнуло далекое воспоминание.

Вроде бы когда-то он уже видел эту картину. Ну да – это было в раннем детстве, когда вместе с родителями ходил в большой храм на новогоднюю молитву. Там как раз было что-то вроде представления. Играла странная музыка, танцевала женщина в белом платье и красных хакама и с веером в руке. Конечно, сама фигура нынешней Утай несколько отличалась. У той женщины на сцене не было маски, да и движения ее были не такими динамичными, как у Утай сейчас. Этот танец – быстрый, но с резкими остановками в важные моменты – был просто прекрасным.

Почти начисто забыв про то, что противник в любой момент может снова выстрелить своим лучом, Харуюки как зачарованный наблюдал за движениями Ардор Мэйден.

Внезапно – изо рта маски полился чистый голос. Не крик, нет, а разнесшаяся как будто по всей арене – звонкая и сильная песня.

– «Страданий врата отворились…»

Внезапно трава до самого горизонта закачалась. Марево – нет, огонь. Такого же цвета и яркости, как окутывающее Утай сияние, он распространился по всей арене. Это явно было свечение инкарнации, то есть «оверрей», но масштаб поражал воображение. Возможно, он был больше даже, чем у «Ржавого мира» – разъедающей пространство инкарнационной атаки, которую применил Раст Джигсо неделю назад во время гонки через «Гермес Корд».

До затаившего дыхание Харуюки донесся громкий голос.

– «…Спасенья от них не найти».

Мир – вспыхнул.

Со всех сторон в небо рванулось ослепительное пламя; трава вокруг сгорела вмиг. Вся арена стала ослепительно-красной, бесчисленные искры, точно звездочки, летели в небо.

Лишь пятачок радиусом в пару метров вокруг Утай остался не охвачен огнем. Но Харуюки все равно показалось, что он вот-

вот сгорит, и он тяжело задышал.

Ардор Мэйден слегка шевельнула веером. Огонь завихрился еще яростнее; не только трава, но даже виртуальная земля пылала.

И сквозь огненную вуаль виднелась маленькая тень.

Буш Утан. Все его тело было окутано пламенем, рук не было вовсе – похоже, сгорели.

Но каким-то чудом сам он жара словно бы и не ощущал. Лишь смотрел на собственный аватар, превратившийся в огненный столб. Харуюки бросил взгляд на полосу хит-пойнтов справа-вверху, чтобы проверить – она с невероятной быстротой укорачивалась. Уже стала меньше 30%, краснее, чем пламя, и продолжала съеживаться. 20%, 10% – и в конце концов ноль.

Огненный столб в форме человека на миг ослепительно вспыхнул, потом исчез.

Харуюки ошеломленно перевел взгляд на Утай.

Маленький аватар продолжал свой танец. Способный лишь молча глазеть на эту фигуру, Харуюки почувствовал, что на несколько своих вопросов он нашел ответы.

Английское слово «мэйден» означает не только «юная девушка». Так еще называют женщин, прислуживающих богам. Неудивительно, что красно-белая броня вызвала у него ассоциации с синтоистским храмом. Ведь эта фигура принадлежала «жрице».

А значение слова «ардор» – «огонь». Жарче, чем просто огонь, яростнее, чем пламя, – «очистительный огонь».

Ардор Мэйден.

То есть – жрица очистительного огня.

Глава 7

18 июня, вторник.

Покидав в рот свой обычный завтрак из хлопьев с молоком и крикнув матери в комнату «Я пошел, пока!», Харуюки быстро вышел из дома.

Сегодня впервые за долгое время показалось солнце, но воздух все равно оставался влажным и липким. Индекс дискомфорта резко вырос – от любого, даже самого незначительного физического действия Харуюки бросало в пот; однако, несмотря на это, он направился к дороге перед домом почти бегом.

Не то чтобы он опаздывал. Торопился он не в школу, а кое-куда еще, по дороге в школу. Выйдя на седьмую кольцевую, Харуюки не свернул направо, как обычно, а зашагал по широкому тротуару на юг.

Он прошел под Центральной линией, дальше начался пологий подъем. Несколько минут – и Харуюки вышел на большой перекресток седьмой кольцевой и улицы Оме. Поднявшись по эскалатору на надземный переход, он остановился прямо над седьмой кольцевой и кинул взгляд на часы в нижнем правом углу поля зрения. Без четверти восемь.

Переведя взгляд на череду проезжающих под ним электромобилей, Харуюки тихо пробормотал:

– Бёрст линк.

С громовым «БАММ!» мир застыл и стал синим. Программа «Brain Burst» повысила тактовую частоту, с которой сердце Харуюки посылало квантовые импульсы в мозг, его сознание ускорилось в тысячу раз, и он очутился в «начальном ускоренном пространстве».

Прозрачно-синие электромобили, казалось, застыли на месте, однако, если как следует присмотреться, можно было увидеть, что они движутся – медленно, по сантиметру за секунду. На фоне этой картины аватар Харуюки, розовый поросенок, поводил рукой, открыв дуэльный список консоли «Brain Burst», и, найдя среди на удивление большого числа зарегистрировавшихся игроков нужное имя, облегченно перевел дух. Без колебаний прикоснулся к имени и в появившемся меню выбрал пункт «Дуэль».

Мир снова изменился. Небо стало непроглядно-черным. В стенах домов по обе стороны дороги появились трещины; машины исчезли, взамен на дороге возникло множество обломков, выбоин, ржавых бочек и прочего хлама.

При виде брутального ландшафта арены «Конец века» Харуюки не сдержал улыбки. Нельзя сказать, чтобы он особенно любил эту арену, но сейчас она на удивление гармонировала с ситуацией. Потому что первая дуэль Харуюки с человеком, которого он выбрал несколько секунд назад, тоже состоялась на арене «Конец века». И вообще для Харуюки – для Сильвер Кроу – это была самая первая дуэль.

Он вслушался. С севера по широкой улице доносился характерный рокот двигателя внутреннего сгорания. Голубой курсор практически не двигался – похоже, мотоциклист, втопив полный газ, ехал по прямой. Совсем как в тот раз – затаиться на пешеходном переходе, а когда противник почти проедет под ним, спикировать и нанести удар… Такое искушение на миг охватило Харуюки.

Однако он, как и планировал с самого начала, легким движением перемахнул через ограждение еще до того, как противник показался в поле зрения. Проскользив на расслабленных крыльях, он мягко опустился на дорогу.

– Эй?

– Кроу-кун сам отдал инициативу, зачем?

Голоса шли с крыш соседних зданий, где небольшими компаниями кучковались зрители. Конечно, действия Харуюки, добровольно отказавшегося от выгодной позиции, казались им подозрительными, однако, хоть Харуюки и чувствовал себя виноватым перед ними, ускорился он на этот раз не ради сражения.

Несколько секунд он стоял, уперев руки в бедра, и наконец из темноты выстрелил слепящий свет фары. Грохот двухцилиндрового V-образного двигателя ударил по ушам. Увидев стоящего напротив Харуюки, байкер, похоже, сбросил передачу. Однако Харуюки, вместо того чтобы готовиться встретить атаку противника, поднял руки над головой, всем видом показывая, что не собирается драться.

К счастью, это намерение Харуюки соперник, похоже, понял. Вынырнувший из темноты стальной конь тормозил – от переднего и заднего тормозов летели искры, оставляя оранжевые блики на хромированных поверхностях мотоцикла. Заднее колесо пошло юзом, и наконец мотоцикл остановился прямо перед Харуюки. Наездник поднял правую руку от рукояти и покачал указательным пальцем.

– Со бэд[22]. Сам меня вызвал – и в самом начале боя сдаешься?

Глядя на угрожающую черепоподобную маску Эш Роллера, единственного в Ускоренном мире байкера, Харуюки коротко

поклонился и ответил:

– Извини, Эш-сан. Сегодня мне бы с тобой просто поговорить…

Эш Роллер принадлежал к зеленому легиону «Грейт Уолл», контролирующему южную часть Сибуи. Естественно, и дуэлиться он, по идее, должен был в основном в Сибуе, однако почему-то по утрам и вечерам в будние дни на короткое время появлялся в дуэльных списках зон Сугинами. Возможно, он ездил на автобусе в школу по седьмой кольцевой и использовал эти поездки для, так сказать, «вылазок за пределы своей территории». Если так, то это был довольно смелый шаг с его стороны. Если по закономерности появления дуэльного аватара кто-нибудь вычислит, на каком именно автобусе он ездит, это может привести к вторжению в реале.

Однако, если подумать, других таких смелых или, можно сказать, нахальных Бёрст-линкеров и нет больше… Тут Харуюки понял, что его мысли забрели куда-то в сторону, и, сделав несколько шагов навстречу байку, понизил голос и прошептал:

– И это… если можно, то взакрытую…

«Closed mode», или «Закрытый режим» – это когда, в полном соответствии с названием, дуэль закрыта для зрителей, то есть никто не может за ней наблюдать. Закрытый режим можно включить при согласии обоих дуэлянтов; однако если это сделать, то зрители могут счесть их жадюгами, да и вообще, «ублажить зрителей красивым шоу» – чуть ли не главная мотивация Бёрст-линкеров во время боев. Поэтому этот режим почти никто не использует.

Естественно, Эш Роллер тоже недовольно фыркнул. Но, похоже, войдя в положение Харуюки, буркнул «лааан».

Потом байкер, оглядев зрителей, громко прокричал:

– Хей-хеей, бойз-н-галз! Вы все собрались здесь, чтоб посмотреть на великого победоносного меня, но я извиняюсь, в этой дуэли не будет насинг[23]!

С соседних зданий тут же донеслись протестующие возгласы:

– Эээ, ну это совсем отстой!

– Да ладно вам, мы заруб Эш-Кро уже сто лет не видели!..

Однако на эти голоса Эш тут же ответил:

– А чё я могу поделать! Эта ворона решила великому мне в любви признаться!

…После этого безумного заявления возмущенные возгласы разом сменились восторженными.

Под градом аплодисментов и присвистываний Харуюки растерянно пытался выкрикивать «Непра… я не…»; однако, несомненно, если бы не эти слова, зрители вполне могли бы

обидеться. Может, в этом и был план Эш Роллера, а может, он просто решил так приколоться. Харуюки ничего не оставалось, как с неохотой раскланяться перед зрителями.

Затем он прикоснулся к собственному имени в верхнем левом углу поля зрения и открыл экран «Инст». Сменил режим дуэли на «Closed», нажал на кнопку «ОК». Эш Роллер ткнул пальцем в появившийся перед ним запрос подтверждения, и продолжавшие шуметь зрители мгновенно исчезли, окутавшись вспышками света.

Арену залила такая тишина, будто кто-то нажал кнопку «отключить весь звук». Нарушал ее только неровно рокочущий на холостых оборотах двигатель мотоцикла.

Эш Роллер, протянув правую руку к ключу зажигания, вовсе выключил двигатель.

– …Ну? Давай говори, о чем хотел. Опять, что ли, крылья потерял… хотя не, непохоже.

– Это… ну… в общем…

Какое-то время Харуюки был не в силах сообразить, с чего начать объяснение, и наконец решил рассказать все по порядку.

– Я вчера… дуэлился с Буш Утаном из зеленого легиона…

Только до этого места он и успел договорить, когда Эш Роллер продемонстрировал совершенно неожиданную реакцию.

– Что… что ты сказал?!

Мгновенно соскочив с мотоцикла на землю, байкер придвинул свою устрашающую черепоподобную маску вплотную к шлему Харуюки и проорал:

– Где?! Когда ты с ним дрался, говори!!!

Сев лицом к Эшу на удобный кусок бетона, обнаружившийся возле дороги, Харуюки пересказал, насколько смог, события вчерашнего вечера.

После уроков, уже в восьмом часу вечера, во второй боевой зоне Сугинами он с партнером вызвал на бой Буш Утана и Олив Глава.

В начале сражения Утан говорил и вел себя в своей обычной манере, но потом подключил загадочный «ИСС-кит» и внезапно стал совершенно другим человеком – грубым и жестоким.

Этот «кит» Утан, по его словам, «получил кое от кого три дня назад».

Умолчал Харуюки только про имя своего товарища по команде, «Ардор Мэйден», и про ее силу. На арене было несколько зрителей, и какие-то слухи до Эша почти наверняка дойдут, но главное тут – не разглашать игроку из чужого легиона больше, чем нужно, информации о собственном. Эш тоже не стал

на этот счет задавать вопросов.

Объяснение заняло минут десять. Эш Роллер слушал, подавшись вперед и уперев руки в колени, потом наконец глубоко и протяжно вздохнул.

– «ИС мод стади кит», значит… – почти простонал он, а потом, глядя на Харуюки исподлобья, коротко спросил: – Этот «ИС мод», он на основе системы инкарнации?

– Э… эээ, думаю, что да. Эш-сан, а ты системой инкарнации уже?..

Харуюки даже не потребовалось заканчивать вопрос – шлем-череп медленно качнулся из стороны в сторону.

– Только название знаю от учителя. Когда я пытался освоить свой «Вэ-твин кулак», она сказала, что есть такая способность, но я не тренировался. Потому как… малость боялся. Что меня проглотит та «чернота души», о которой она говорила… А сейчас учитель вернулась в «Нега-Бью» – теперь она, наверно, вовсе не станет меня учить.

Девушка, которую Эш Роллер называл учителем, она же его Родитель, она же та, кто самого Харуюки обучила инкарнации, – не кто иная, как Скай Рейкер. В апреле этого года она вернулась в свой родной «Нега Небьюлас», и, получается, они с Эш Роллером из «Грейт Уолл» стали противниками. Самих их такое положение дел не особо волновало, в территориальных сражениях, например, они без проблем дрались друг с другом, но все же, судя по всему, Эша немного напрягало, что он не может положиться на своего Родителя.

Они несколько отклонились от темы, и Харуюки воспользовался возможностью задать вопрос, который уже давно его интересовал:

– Кстати… Эш-сан, почему ты в «Гре-Уо»?

– Чего это вдруг? Если по чесноку, сперва я думал, это факин' здоровенный легион. Живу я на его территории, и пригласил меня туда один клевый чувак. Когда я вступил, оказалось, в «Гре-Уо» классная, свободная атмосфера, не то что в синем и фиолетовом; в общем, я не пожалел. Комлег тоже приказами особо не грузит.

«Комлег», то есть командир легиона «Грейт Уолл» – это, конечно, Зеленый король. Вспомнив Грин Гранде, которого видел на недавнем совещании семи королей, и его молчаливый характер, Харуюки понимающе кивнул. Потом, чуть погодя, задал еще более насущный вопрос:

– А Буш Утан тогда… Он совершенно случайно не Ребенок Эша-сана?

Этот вопрос явно оказался для Эш Роллера полной

неожиданностью. Резко отведя черепоподобную маску, он яростно замотал головой.

– Не, ну что ты. Я еще не дорос, чтоб собственного Ребенка завести. Родителя У… больше нету. В начале года все очки потерял…

При этих словах Харуюки ощутил, как по спине его прошла дрожь. В ушах отчетливо зазвучал вчерашний монолог Утана.

«Если ты не крутой, все бесполезно. Если ты не крутой, то и процент побед будет плохой, тогда в легионе опустишься, очки кончатся, и в итоге ты вылетишь из Ускоренного мира»…

Харуюки погрузился в молчание, а стоящий перед ним Эш Роллер, глубоко вздохнув, вдруг сделал что-то неожиданное. Подняв правую руку ко рту черепоподобной маски шлема, со щелчком резко откинул ее назад.

На вздрогнувшего от внезапности Харуюки смотрело «настоящее лицо» Эш Роллера, и на этом лице было озадаченное выражение.

Узкие бледно-зеленые глаза-линзы, лицо с остреньким подбородком – все вместе каким-то образом создавало впечатление мальчика-отличника. Во всяком случае, по сравнению с «йя-ха-ха»-байкером конца прошлого века впечатление перевернулось на сто восемьдесят градусов. И голос, раздавшийся изо рта аватара, тоже был совершенно неожиданным – высоким и чистым.

– …Чего?

– Не… не, ничего.

– …Тогда к нашим баранам. Когда его Родителя не стало, Утан все еще был первого уровня. И, в общем, как-то так вышло, что о нем стал заботиться я. Я считал, что совершенно на это не гожусь, но и отказаться не мог…

– Не… старший брат из тебя классный…

– Думаешь?.. Ведь в итоге он мне так и не открыл полностью, что у него в голове. И я замечал, что с У что-то творится, но… Я ж тоже занят разными делами, вот и откладывал все время… И вот позавчера он просто взял и перестал выходить на связь. И в дуэльных списках Сибуи его не было, и на мэйлы не отвечал… А потом странные слухи пошли…

– Слухи?..

Харуюки в нетерпении подался вперед. Эш Роллер снова понурился и слабым голосом ответил:

– …Вроде Утан объединился с Олив Главом, и они выигрывают в полупустых боевых зонах Сэтагаи и Оты с помощью какой-то странной техники. Я поэтому вчера в тех районах бродил-смотрел, но надо же – они были в Сугинами… Да к тому

же их «странная техника» оказалась той самой немыслимой штукой – вот бы никогда не подумал. Систему инкарнации можно снарядить и использовать как предмет… да еще и передавать от человека к человеку…

– Эш-сан, а ты случайно не знаешь, кто мог бы передать Утану и Оливу этот «ИСС-кит»? – воспользовавшись паузой в словах Эша, робко спросил Харуюки. Однако шлем с поднятым забралом качнулся из стороны в сторону.

– …Понятия не имею. Я, конечно, могу поднять список ребят, с которыми Утан был дружен, но… Слушай, Кроу, тебе не кажется, что вычислять типа, который передал Утану эту штуку, уже бессмысленно?

– Ээ… совершенно не кажется. Это же дико опасная штука, надо как минимум прикрыть ее распространение!.. – поспешно возразил Харуюки. Он ведь и пригласил Эш Роллера в закрытый режим дуэли, чтобы обсудить с ним личность Бёрст-линкера, передавшего Утану ИСС-кит. Пусть даже не удастся выявить конкретного виновника сразу, но хотя бы в списке тех, кто общался с Утаном, можно было бы попробовать найти распространителя, если заняться ими всеми по очереди.

Однако эти надежды Харуюки были начисто раздавлены следующими словами Эш Роллера.

– Ты сказал, что этот «ИСС-кит» выглядел как что-то живое; это меня беспокоит больше всего. В Ускоренном мире у снаряжения и предметов, у которых «живой» вид, особые свойства. Они, когда ломаются, автоматически восстанавливаются… *или со временем разделяются*. Может… может, *этот «кит» размножается делением*…

– Что!.. – вырвалось у Харуюки, до сих пор о такой возможности даже не думавшего.

Буш Утан получил «ИСС-кит» от кого-то. Харуюки не сомневался, что распространитель – какой-то один конкретный Бёрст-линкер, но, конечно, это предположение ни на чем не основывалось. Если, как сказал Эш Роллер, этот черный глаз обладает «способностью к самовоспроизведению», и если эти копии можно передавать другим… и если сама эта передача дает какое-то вознаграждение…

То, возможно, сейчас что-то предпринимать уже поздно.

«ИСС-кит» уже распространяется безгранично, и Бёрст-линкеров, пользующихся этой ужасной темной силой инкарнации, постепенно становится все больше… Более того, их же никто не учил, чтО на самом деле представляет собой система инкарнации. Конечно, они не знают и главного принципа, «не применять инкарнацию, пока тебя самого не атакуют

инкарнацией», потому и пользуются ей в дуэлях направо и налево. И это равносильно полной гибели игры-файтинга под названием «Brain Burst». Выбор стратегии и тактики в зависимости от свойств арены и способностей аватара потеряет смысл, все бои сведутся к тому, что на дальней дистанции игроки будут обмениваться «Дарк Шотами», на ближней – «Дарк Блоу».

От картины такого варварского будущего Харуюки бросило в дрожь.

Он пытался найти хоть какие-то возражения, но, прежде чем ему удалось, Эш Роллер пробормотал:

– По правде сказать… слухи, что он применяет «странную технику», были не только про Утана и Олива, но и еще про двух-трех… Больше того, один вроде бы успешно выходил в зоне Эдогавы. Я поэтому и подумал, когда слушал твой рассказ, что источников ИСС-кита может быть несколько…

– Эдогава… значит?.. – ошарашенно переспросил Харуюки. От Сибуи и Сэтагаи, где действовал Утан, это очень далеко, по другую сторону от Императорского дворца. Слишком далеко. Вполне можно заподозрить, что речь идет уже не о «распространении», а скорее о «расползании».

Кто же, блин, и ради чего?

Снова он мысленно повторил вопрос, который бог знает сколько раз уже задавал себе со вчерашнего вечера.

Конечно, ответ на ум не шел. Низко опустив голову, Харуюки почти в ступоре смотрел на собственную тень, колышущуюся от горящего в железной бочке огня. Вскоре Эш Роллер прошептал:

– Вроде совсем немного поговорили, а уже полчаса.

Харуюки машинально кинул взгляд на счетчик времени на верхнем краю поля зрения. От 1800 секунд, с которых начался отсчет, осталось всего триста. Конечно, можно было снова выбрать нужного противника в дуэльном списке и продолжить разговор, но все равно они смогут лишь громоздить догадки на догадки.

Харуюки, как человек, попросивший об этом разговоре, поклонился, собираясь в завершение поблагодарить Эша.

Но, прежде чем он успел это сделать, Эш Роллер со щелчком снова опустил черепоподобное забрало шлема, и голосом, в который сразу вплелись мощные звуковые эффекты, быстро проговорил:

– Кроу. Напоследок у меня к тебе тоже есть пара слов.

– Эээ… да?

– Ааа, нууу… Не мне об этом говорить… да и время поджимает, так что я коротко. Ты в боях за последнюю неделю ничего странного не замечал? Кроме Утана.

– Мм, странного… говоришь?

Харуюки просканировал воспоминания, но ничего особо примечательного не нашел. Нормальных боев, включая территориальное сражение трехдневной давности, было десятка два, однако впечатление от вчерашнего боя с Утаном было настолько мощным, что даже исходы других сражений не вспоминались. В некотором замешательстве он произнес:

– Да нет… по-моему, все бои были обычными… А что должно быть необычным?

Эш Роллер снова как-то странно заколебался, но все-таки неуклюже ответил:

– Как раз это «все обычные».

– Эмм, необычно то, что все обычные? Эээ… Извини, у меня после той гонки было много проблем, и, честно говоря, еще и дуэлями заниматься…

Проблемы – это, конечно, в первую очередь позавчерашнее совещание семи королей и тема этого совещания – что делать с Сильвер Кроу. Если за неделю очистить аватар от паразитирующего где-то на нем Доспеха бедствия не удастся, Харуюки светит вылет из Ускоренного мира. Так что, если подумать, Харуюки может и не увидеть своими глазами тот хаос, который вызовет распространение ИСС-кита…

…Додумав до этого места, Харуюки наконец почувствовал, что пытался сказать Эш Роллер.

Необычно то, что все бои обычные. Да, именно так. Откровенно говоря, Харуюки был не в том положении, чтобы его дуэли шли обычным образом. Потому что неделю назад во время гонки через «Гермес Корд» Сильвер Кроу на глазах у более чем сотни зрителей превратился в «Кром Дизастера». Слухи, что Харуюки стал шестым владельцем этого проклятого доспеха, уже разошлись по Ускоренному миру, и было бы совершенно неудивительно, если бы от дуэлей с Харуюки игроки отказывались или как-то оскорбляли его.

Однако с кем бы Харуюки ни дрался на этой неделе, включая даже Буш Утана вчера, все они вели себя так, будто вовсе не знали о его «дизастерной» проблеме. Это, если задуматься, выглядит совершенно невероятно…

– Да… точно, это странно. Ни в одной дуэли… никто мне ничего не сказал… – хрипло выдавил Харуюки. Эш Роллер тут же снова быстро заговорил:

– Все потому, что те зрители, сотня с чем-то, которые видели твой бой с тем ржавым ублюдком, перед тем как разлогиниться, между собой договорились.

– А? Договорились? О чем? – ничего не понимая, переспросил

Харуюки, и –

Эш Роллер сообщил нечто немыслимое.

– «Не винить Сильвер Кроу в появлении Доспеха бедствия на "Термес Корде"».

– …Ээ…

– Потому что… ты спас гонку. Тот ржавый ублюдок должен был ее начисто уничтожить, а ты в последний момент вернул ее нам в руки. Вот почему все будут молчать о том одном превращении и не будут думать о том, как ты заполучил Доспех. Все зрители, кто там был, – не знаю, кто первый начал говорить об этом, но все согласились… кажется. Вот поэтому во всех твоих дуэлях на той неделе никто даже буквы «д» от слова «доспех» не произнес.

– …

Охваченный глубоким потрясением и еще одной громадной эмоцией, Харуюки мог лишь молча смотреть во все глаза.

Среди ста с лишним зрителей, наблюдавших за сражением Сильвер Кроу и Раст Джигсо, было, несомненно, и множество людей из легионов королей. Для них Харуюки – противник. Говоря начистоту, с их стороны винить Харуюки в вызове презренного Доспеха бедствия, костерить его последними словами было бы более чем естественно. И тем не менее – и тем не менее…

– …Ведь все члены всех легионов – мы все в первую очередь Бёрст-линкеры. Такие дела, – тихо произнес Эш Роллер, не сводя глаз с застывшего на месте Харуюки. А потом очень серьезным голосом продолжил: – Вот почему, Кроу, сейчас особой враждебности к тебе нет. Когда большие шишки из «Гре-Уо» спустили решение совещания королей насчет тебя, многие говорили, что оно чересчур суровое. И я хочу, чтоб ты это держал в уме, когда дослушаешь меня…

Повисла пауза. Харуюки сразу почувствовал, что следующие слова Эша будут очень зловещими, и сдавленно произнес:

– …Да, что?..

– …Я слышал и еще один слух. «Странная техника», которую применяют Утан и Олив… это *копия умений Кром Дизастера*…

Закончив необычную «закрытую» дуэль с Эш Роллером, едущим, видимо, на каком-то автобусе по седьмой кольцевой, Харуюки зашагал на юг по пешеходному переходу, а потом – к школе.

Пройдя по улице Оме на запад, он вошел в школьные ворота, сменил обувь, сел за свою парту в классе – и все это время его голову не покидал шок пополам с сомнением.

Странная техника, применяемая Утаном и другими, – иными словами, инкарнационные атаки с помощью «ИСС-кита», – копия умений Кром Дизастера.

Это же невозможно. Чью-то способность воспроизвести и засунуть внутрь паразитирующего предмета – это неслыханно. С другой стороны, таких понятий, как «паразит» или «очищение», Харуюки тоже до недавнего времени не слышал. Ничего удивительного – в Ускоренном мире по-прежнему существует много такого, логика чего ему непонятна.

И потом – черный оверрей тех «Дарк Блоу» и «Дарк Шота» действительно ведь похож на ауру тьмы, которая постоянно окутывала Доспех бедствия…

Он сидел на твердом пластмассовом стуле и дрожал. Правда это или нет, но слухи расходятся. Если в то же время будет расходиться и ИСС-кит, ярость влюбленных в Ускоренный мир Бёрст-линкеров непременно обрушится на Харуюки, Кром Дизастера шестого поколения. Драгоценная договоренность между зрителями гонки через «Гермес Корд» рассыплется. Скорее, именно они посчитают, что Харуюки предал их, и будут ненавидеть его сильнее всех.

– …Почему же… такое… – беззвучно пробормотал Харуюки, слушая доносящийся издалека звонок на урок.

Когда и где его положение начало становиться таким опасным? Как будто где-то в другом месте – не на совещании семи королей, где принималось решение, – какая-то невидимая сила загоняла Харуюки в угол. Действительно ли все, что было, – лишь цепь неудачных случайностей? Или же чьи-то целенаправленные действия?..

Если последнее, то этот кто-то действует очень подготовленно и продуманно, собрав всю доступную информацию; и Харуюки припоминал одного такого. Поступивший в среднюю школу Умесато этой весной «грабитель», попытавшийся своими дьявольскими интригами отобрать у Харуюки все.

Кинув быстрый взгляд на потолок – в том направлении, где были кабинеты первоклассников, – Харуюки тут же качнул головой.

Нет, это никак не может быть он. Он потерял все бёрст-пойнты, его копия «Brain Burst» была принудительно деинсталлирована, и он забыл все, что относится к Ускоренному миру. Харуюки говорил с ним на следующий день после их решающей битвы и лично обнаружил это скрытое правило.

Но. Что если эти методы он перенял у кого-то еще?

Что если теперь этот «учитель» действует сам?..

– Хару.

От хлопка по правому плечу Харуюки чуть не подпрыгнул. Рывком повернул голову – и уткнулся взглядом в удивленно моргающие позади очков в синей оправе глаза своего лучшего друга.

– …Таку.

– Что с тобой? Мы переходим в другой кабинет.

Услышав голос своего друга детства, а заодно товарища по легиону Такуму Маюдзуми, Харуюки переполошенно заозирался. Он и не заметил, как утренний классный час закончился и ученики стали собираться в другой класс. Первым уроком во вторник была музыка, и, естественно, необходимо было перейти в звукоизолированный музыкальный кабинет.

– А… а, ну да.

Глядя на поспешно вскочившего Харуюки, Такуму вдруг нахмурил брови. Склонившись к самому его уху, он прошептал:

– Хару, если ты беспокоишься, что за тебя назначат награду, то мы же тебе еще вчера сказали: не беспокойся. Мы с Ти-тян, и Фуко-сан, и, конечно, командир – мы все тебя защитим.

– А, аа… прости, но меня именно это и беспокоит…

Кое-как улыбнувшись, Харуюки зашагал из класса. На ходу он думал.

Такуму, вероятней всего, еще не знает ни про «ИСС-кит», ни про слухи, что эти штуки – копии Кром Дизастера. Но когда он после уроков займется рутинными дуэлями, то наверняка услышит. Лучше бы ему все рассказать до того, как это произойдет. Да – не только ему, но и Черноснежке, и другим членам легиона.

Харуюки пихнул локтем идущего рядом по коридору Такуму и тихо прошептал:

– Слушай… сегодня после секции приходи ко мне домой. Хочу тебе кое-что рассказать, но, думаю, в школе времени не хватит.

– …Хорошо.

Ощущая прилив благодарности к Такуму, который не стал задавать лишних вопросов, а просто кивнул, Харуюки добавил:

– Тию тоже скажешь, хорошо? А я пошлю мэйл семпаю и Фуко-сан.

– Когда?

– Нууу… в полседьмого.

– Ясно.

Лишь после этого быстрого обмена короткими фразами холод, цеплявшийся за хребет Харуюки, наконец-то ушел. Резко сцепив руки, Харуюки мысленно сказал себе:

Я не проиграю. Ни за что не проиграю. У меня такие надежные друзья. Кто бы там что ни затевал, в какую бы задницу я ни угодил, я не сломаюсь. Ни за что.

Однако в следующий миг… Такуму произнес нечто столь ужасное, что Харуюки показалось, будто в его мыслях что-то с хрустом переломилось.

– Кстати, Хару. На музыке сейчас у нас будет сольное пение; надеюсь, ты занимался?

Глава 8

После уроков.

К сольному пению на музыке (первом уроке) прибавилась еще и пытка софтболом на физкультуре (пятом уроке), так что Харуюки плелся к вольеру на заднем дворе школы в состоянии полного физического и эмоционального опустошения.

Чистка была закончена; в файле-журнале живого уголка на сегодня значилось одно мероприятие, причем только для председателя, то есть для Харуюки. Он лелеял слабую надежду услышать слова благодарности от своих коллег Хамадзимы-куна и Идзеки-сан, которых вчера отпустил пораньше, но все, что он услышал, – это простое «Хорошо поработал, пред» и «Годно».

– …Ничего, ничего, настоящий мужчина трудится не ради благодарности…

Бурча себе под нос, Харуюки подошел к вольеру в тени старого школьного здания.

Благодаря одному-единственному солнечному дню плитки, которыми был выложен пол вольера, идеально высохли. Гора старых листьев перед металлической сеткой тоже прилично подсохла; если так пойдет и дальше, то уже завтра ее можно будет запихать в мешок и отнести в мусорку.

Какое-то время Харуюки просто стоял перед вольером и смотрел, наслаждаясь результатами своей работы.

И поэтому, когда в центре его поля зрения вдруг возникло окно с запросом соединения ad hoc, он удивился точно так же сильно, как и вчера. Растерянно заозирался и тут же обнаружил чуть поодаль маленькую человеческую фигурку. Ровная челка, хвостик на затылке. Белоснежное платье школьной формы, за спиной – коричневый ранец. Четвероклассница начального отделения школы Мацуноги Утай Синомия.

– А, э… здравствуй.

И он поспешно нажал кнопку «ОК». Тотчас перед ним развернулось окно чата, и в нем стремительно возникли слова:

«UI> Здравствуй, Арита-сан. Прошу прощения, что задержалась. Я обратилась к здешней администрации с просьбой принять оборудование и зарегистрировать данные, однако это потребовало времени».

Как всегда, дьявольская скорость печати: Харуюки даже глазом не успел уследить за появлением этой фразы. Он прочел ее дважды, но все равно не въехал и, подняв голову, спросил:

– Эээ… принять оборудование? Какое оборудование?..

В этот самый миг он заметил у ног Утай довольно крупный

ящик-переноску. Сделан он был, похоже, из пластмассы, и что там внутри, видно не было. Но, похоже, его принесла Утай, и это было, по-видимому, трудно.

– А, вот это? Тебе помочь достать? – предложил Харуюки и шагнул к переноске. Но Утай почему-то быстро выставила перед собой правую руку, одновременно одной левой напечатав:

«UI> Это не то. Я прошу прощения, но мне хотелось бы, чтобы к этому ящику какое-то время никто не приближался. Причину я позже объясню. А оборудование… похоже, как раз доставили».

Едва она произнесла… то есть напечатала эти слова, как Харуюки услышал хруст шагов. Повернув голову, он увидел молодого парня в униформе курьерской службы. На плечах он нес две длинных и тонких штуки, смахивающих на бревна.

– Куда это поставить, сюда?

На слова курьера Утай проворно задвигала обеими руками. Похоже, к этому парню она тоже подключилась ad hoc.

«UI> Да. Если Вас не затруднит, вот сюда, в вольер, пожалуйста. Одно к левой стене, второе к правой, будьте так любезны».

– Хееей, – жизнерадостно ответил курьер и зашагал вперед. От стволов длиной где-то метр восемьдесят каждый, которые он нес на плечах, отходило несколько искривленных веток. Эти штуки не «смахивали на деревья» – это и были древесные стволы. Листьев на ветвях не было, у основания стволов виднелись массивные подставки. Это были явно не натуральные деревья, а искусственные.

Войдя вместе со стволами в открытый вольер, курьер поставил их поодаль друг от друга и обернулся. Утай стала печатать точные указания:

«UI> Вон то – еще на 20 сантиметров правее… Да, вот так».

Выйдя из вольера, курьер переправил Утай голографическую отметку о приеме товара; Утай поставила свою электронную подпись. «Благодарю!» – произнес курьер и тут же умчался прочь, оставив Харуюки в компании Утай, двух загадочных стволов и не менее загадочного ящика.

Харуюки обалдело разглядывал стоящие через сетку от него бревна высотой с человека.

Оба ствола были толщиной сантиметров семь-восемь, где-то так. Поверхность была отполирована до блеска, однако новой не выглядела. Видимо, им пользовалось животное, для которого предназначен этот вольер; кстати, Харуюки ведь до сих пор никто не объяснил, что это за животное.

В школьных живых уголках, как правило, держат всяких

кроликов и кур. Однако если нужны такие большие стволы… какая-нибудь обезьяна? Или хамелеон? Или – неужели ленивец?

Харуюки сглотнул слюну. Утай рядом с ним коротко напечатала:

«UI> Итак, пора запустить малыша в вольер. Какое-то время, думаю, он будет летать по вольеру, поэтому, как только я войду, сразу закрой дверь, пожалуйста».

Харуюки машинально кинул взгляд на большую переноску. Значит, там внутри и сидит то самое загадочное животное. И оно будет летать – стало быть, какая-то птица. А эти штуки, которые внесли в вольер, – «насесты».

Если подумать – в живом уголке начальной школы, по идее, не должны держать всяких обезьян и хамелеонов. Наверняка попугай какой-нибудь или майна, не крупнее.

Мысленно говоря «подууумаешь, птица», Харуюки смотрел, как Утай осторожно несет переноску. Когда она уже вошла в дверь, он небрежно спросил:

– Это… Синомия-сан, может, мне тоже войти?

Утай на секунду задумалась, потом кивнула.

«UI> Хорошо. Но только не испугай его, просто стой неподвижно. Видишь ли, этот малыш немножко пугливый».

– А, ага, понял.

Войдя в вольер следом за Утай, Харуюки аккуратно закрыл дверь из проволочной сетки и защелкнул внутреннюю задвижку.

Убедившись, что дверь заперта, Утай поставила на пол переноску, а потом и ранец. Из ранца она достала незнакомый предмет. Длинную перчатку из прочной кожи. Привычным движением сунув туда левую руку, она пару раз сжала пальцы.

Затем она повернулась к ящику, наклонилась и отодвинула боковую дверцу. Левую руку в типичной такой RPGшной «кожаной перчатке» она осторожно сунула в темноту ящика.

Наблюдая за действиями Утай, Харуюки с нетерпением гадал: волнистый попугайчик? Нет, если нужна такая крепкая перчатка, то это должен быть какой-нибудь крупный попугай… Утай, заглянув в переноску, как будто заговорила с ее обитателем. Голоса, конечно, не было, и губы тоже не двигались, но все равно у Харуюки возникло ощущение, что она что-то ласково шепчет.

Несколько секунд спустя она принялась так же осторожно вынимать руку. Показались две длинных ноги, цепляющихся за тыльную сторону запястья. Естественно, птичьих. Перья были светло-серые, почти белые. Ноги были большие, хотя не сказать чтоб прямо гигантские. Пожалуй, сантиметров двадцать или чуть больше. Со своей догадкой про большого попугая Харуюки попал точно…

…пальцем в небо.

Утай медленно выпрямилась, и Харуюки, едва встретившись глазами с птицей, сидящей у нее на левой руке, с колоссальным трудом подавил желание завопить.

Большая круглая голова. Громадный загнутый вниз клюв, торчащие по бокам головы перья, похожие на уши. А главное – абсолютно круглые медно-красные глаза.

Это была сова, точнее – ушастая сова. Хищная птица, в общем. Разбойник, который охотится, питается мясом и точно сильней, чем ворон.

Конечно, этих птиц он видел не впервые. Когда-то давно его брали в зоопарк Уэно, там он видел и больших сов, и даже еще более крупных орлов. Однако вот так – в одном помещении, да еще совсем рядом, в полутора метрах – не, такой договоренности не было. А ну как сейчас эта птица бросится на него и в качестве легкой закуски отклюет у Харуюки щеку?

Одолеваемый этими мыслями, он стоял, задеревенев до кончиков пальцев и не отводя взгляда от больших глаз ушастой совы, как вдруг –

В окне чата в нижней части поля зрения появился розовый текст.

«UI> Не бойся так сильно, все хорошо. На самом деле этот малыш сейчас напуган сильнее, чем ты».

– Эээ… правда? – слабым голосом пробормотал он и чуть расслабил плечи. Сова тоже немного расслабилась и склонила круглую голову набок. Это движение было таким очаровательным, что губы Харуюки сами собой слегка разжались. – Это… ушастая сова, да? Как именно она называется?

На его тихий вопрос ответ был дан немедленно.

«UI> Ошейниковая совка. Это не японское животное – чтобы держать их у себя, приходится либо завозить, либо разводить искусственно».

– Аа… а живой уголок начального отделения Мацуноги ее купил, да?

Вполне естественно, что в школе для богатых девочек и животных держат не таких, как везде, – с этой мыслью Харуюки и задал свой вопрос. Однако Утай мягко покачала головой.

«UI> Нет. Там были немного запутанные обстоятельства. Долгая история, как-нибудь я ее обязательно расскажу».

Харуюки кивнул и снова посмотрел на сову. Она беспокойно крутила головой, оглядывая вольер. Да, несомненно, ей было не по себе. Однако если подумать – когда тебя внезапно выдергивают из знакомого обиталища и привозят непонятно куда, испуг – вполне естественная реакция.

Харуюки никогда раньше не держал домашних животных. Более того, насколько он помнил, он почти никогда не притрагивался к животным, которых держали где-нибудь в других домах. Поэтому и мысли о том, что может чувствовать животное, которое он видит перед собой, у него тоже возникли впервые.

– …Не бойся, – неожиданно для самого себя тихо произнес он. – Здесь твой дом. Мы с Синомией-сан очень старались сделать так, чтобы он был чистым. Здесь тебя никто не обидит.

Харуюки слишком хорошо знал, как это больно, когда у тебя отбирают безопасное место. Хуже всего было в прошлом году, когда единственным местом для Харуюки в школе был в реальном мире мужской туалет в бывшем старом школьном здании, а в виртуальном – площадка для сквоша.

Однако в один прекрасный день перед ним появилась бабочка-парусник, взмахнула крыльями – и вытащила его со дна той ямы, в которой он был. С того момента для Харуюки изменилось все. Он познал невероятно огромный новый мир, познакомился с множеством людей, обрел дорогое сердцу место.

Вот эта сова, то есть ошейниковая совка, тоже из-за холодной бизнес-логики потеряла дом – более того, с трудом избежала смерти. Однако благодаря стараниям Утай она сумела найти для себя новое место. И теперь, чтобы она могла счастливо жить в этом маленьком вольере, я тоже хочу сделать все, что могу, хоть могу и мало… Впрочем, Харуюки сомневался, что сова понимает эти его мысли.

Внезапно сова расправила крылья и сорвалась с левой руки Утай. И сделала два круга по четырехметровому квадратному вольеру.

Крылатая фигура, светло-серые перья которой купались в свете заходящего солнца, была такой красивой, что аж дух захватывало. Всего на несколько секунд, но Харуюки ощутил, что его тело стало легким, точно он сам летел вместе с птицей. Вскоре сова опустилась на левый ствол-насест, крепко вцепилась в ветку обеими ногами, еще пару раз махнула крыльями и наконец успокоилась.

Большие медно-красные глаза медленно прищурились. Похожие на уши перья опустились, и птица, подняв правую ногу, в таком виде – на одной ноге – застыла, точно уснула.

«UI> Похоже, ему здесь понравилось».

В ответ Харуюки тихо прошептал:

– А… ага… Слава богу…

«UI> Возможно, благодаря тому, что Арита-сан с малышом ласково заговорил. Спасибо тебе за это».

Напечатав это, Утай коротко поклонилась, качнув хвостиком.

Харуюки переполошенно замахал руками перед лицом.

– Не, ну это уж… На самом деле это благодаря усилиям Синомии-сан. Д-да, кстати, я о другом, эту сову, ее как зовут?

Услышав этот вопрос, Утай подняла голову, несколько раз моргнула и улыбнулась.

«UI> Действительно, такую важную вещь забыла сказать. Малыша зовут Хо. Имя всей школой выбирали. Он мальчик, ему, думаю, три года».

«Хо» – это потому что речь о совах[24], тут более-менее понятно. Но, кстати, ошейниковые совки тоже так кричат? И вообще, чем отличаются обычные совы от ошейниковых совок?

Крутя в голове эти мысли, Харуюки не сразу заметил в объяснении Утай кое-что более достойное внимания. Когда он подумал «ой», Утай уже взяла переноску и направилась к выходу. Харуюки нехотя последовал за ней.

Следя, чтобы Хо-кун не вылетел, Утай вышла из вольера наружу, достала из переноски маленький пластиковый контейнер, наполнила его водой из крана и снова вошла. Аккуратно поставила у основания одного из стволов-насестов и вернулась.

«UI> На сегодня все, можно запирать. Бассейн для купания и сенсор для контроля веса установим завтра».

– Э… а корм? Так разве нормально?

«UI> Сегодня его покормили, прежде чем забрать из старого вольера. Кормить необходимо один раз в день, поэтому я каждый день после уроков буду приходить и приносить корм».

Тут Харуюки вспомнил вчерашнее объяснение Утай, что «этот малыш в силу некоторых обстоятельств берет корм только из моих рук». Интересно, что это за обстоятельства, подумалось ему, и одновременно с этим вернулось недавно возникшее сомнение. Харуюки прокрутил вверх окно чата и освежил в памяти слова Утай. В конце фразы, где Утай сообщила имя и пол Хо, было четко написано: «думаю, три года».

Не знать возраст животного, которое держат в школьном живом уголке? В глубине души удивившись, Харуюки решил сперва завершить сегодняшнее мероприятие как председатель комитета.

Открыв сумку, он извлек то, что получил заранее в кабинете на первом этаже второго корпуса. Новенький U-образный электронный замок из нержавеющей стали. Включив питание, он подсоединился к замку через нейролинкер и ввел код отпирания, выданный только членам комитета живого уголка. Замок со щелчком открылся.

U-образную дужку Харуюки просунул в петли на двери вольера, потом вставил в основную часть замка – тот

автоматически заперся. Подергав замок и убедившись, что он держится прочно, Харуюки повернулся к Утай.

– Синомия-сан, сейчас я тебе тоже передам код.

«UI> Большое спасибо».

Харуюки скопировал код из окна запирания и переправил его Утай. Только так можно было устроить, чтобы она могла кормить Хо, даже когда Харуюки рядом нет. И на этом сегодняшняя комитетская деятельность была полностью закончена. Харуюки сделал в файле журнала соответствующую отметку и отправил в локальную сеть.

Харуюки еще раз посмотрел на неподвижно сидящую в полумраке вольера сову: большие глаза на миг открылись, глянули на него и снова закрылись.

Теперь я тоже буду заботиться о Хо. Мой долг – делать все возможное, чтобы ему здесь жилось спокойно и счастливо.

Едва подумав так, Харуюки ощутил в груди напряжение, но в то же время и странное тепло.

Сжав кулаки, он стоял неподвижно – и тут в его поле зрения вновь появились розовые слова.

«UI> Итак, перейдем к следующей задаче, Арита-сан».

– Э… следующая задача? Но ведь комитетские дела на сегодня уже…

«UI> Комитет живого уголка тут ни при чем. Надо решить, что делать с "ИСС-китом" и Доспехом бедствия».

– …А.

От резкой смены темы мысли Харуюки на миг застопорились – он просто стоял и смотрел на фигурку Утай Синомии в платье.

Ну да, конечно же. Эта девочка – не только обожающая зверушек младшеклассница, но и – в первую очередь – один из старших офицеров первого «Нега Небьюлас», «Элементов», обладающий дистанционной атакой ужасающей силы Бёрст-линкер 7 уровня, «Жрица очистительного огня».

Накануне, вернувшись в реальный Сугинами после окончания командного боя, Харуюки еще какое-то время пребывал в ступоре. Он рассеянно смотрел на Утай, деловито отсоединившую от нейролинкера и убравшую в ранец кабель Прямого соединения, потом, придя наконец в себя, в лоб спросил о том, что волновало его с того боя.

«Синомия-сан, у твоего аватара есть "способность к очищению"? Ты можешь убирать объекты, которые паразитируют?!»

Однако ответ, который он получил, был туманным.

«UI> Даже если могу, это занимает много времени. Ты видел, как это происходит, – даже для маленького объекта нужно по

меньшей мере тридцать минут. Чтобы избавиться от сильного паразита, на обычной дуэльной арене просто не хватит времени. В деталях я все расскажу завтра».

После чего Утай встала, напечатала «Мой дом уже рядом, дальше провожать не нужно», низко поклонилась и ушла в направлении стоящих рядом жилых домов.

Не без труда сумев совместить в мыслях жрицу, плавно танцующую посреди пылающей степи, и худенькую девочку, которую он видел сейчас, Харуюки кое-как разлепил губы.

– Эээ, в общем… короче, все эти разговоры сегодня… мы можем до семи в школе не закончить, поэтому у меня дома… В общем, мы решили, что Черноснежка-семпай и остальные, мы у меня дома соберемся, но… Синомия-сан, ты сможешь?

При этих словах брови Утай почему-то дернулись, и она напечатала свой ответ как-то нерешительно:

«UI> В таком случае я хотела бы воспользоваться твоим гостеприимством, но…»

– А… значит, у тебя все-таки строго насчет позднего возвращения, да?..

«UI> Нет, это совершенно не проблема, но… На этом собрании все нынешние члены будут? И сестрица Фуу тоже?..»

Сестрица Фуу – это, очевидно, Фуко Курасаки, она же Скай Рейкер. Ей передала приглашение Черноснежка, и она сразу согласилась. Харуюки утвердительно кивнул, и Утай еще более нерешительно опустила глаза.

Неужели они в ссоре?.. Хотя вчера в кабинете студсовета, когда Черноснежка и Утай рассказывали о прошлом, такого ощущения не было…

Не зная, что сказать, Харуюки крутил в голове эти мысли; но тут Утай со странной решимостью на лице приподняла обе руки и застучала по голографической клавиатуре.

«UI> Хорошо. Поскольку я приняла приглашение Сат-тин, с этой дороги уже не свернуть. Ну, идем».

И, помахав рукой Хо в вольере, она подняла переноску и зашагала прочь. Харуюки поспешно побежал следом. Взял у нее громоздкий ящик и тихо сказал:

– Это… если есть какие-то проблемы, может, сейчас мне расскажешь…

Но Утай лишь покачала головой и ничего не ответила.

Почему Утай Синомия так боится Фуко Курасаки?

Кристально ясный ответ Харуюки получил двадцать пять минут спустя – в гостиной семьи Арита на двадцать третьем этаже жилого дома в северном Коэндзи.

– У… Уиуууууууууй!!!

Этот крик – скорее, даже вопль – был первым, что издала Фуко, пришедшая на сегодняшнюю встречу позже остальных пятерых.

Бросив сумку на пол гостиной, она на полной скорости

рванула к сидящей на диване Утай – только юбка от школьной формы затрепетала. Лицо Утай напряглось, а Фуко буквально набросилась на нее, облапила медвежьим объятием и снова воскликнула:

– Уиууй, как же я по тебе скучала, Уиууууй!!!

Высовывающаяся из-под Фуко тонкая правая рука, конвульсивно дергаясь, застучала по воздуху.

«UI> Прекрати, пожалйста, не ндо, сестица Фуу, здушмшь ведь».

– Ты так вымахала без моего разрешения!.. Но ничего, я все равно тебя буду тискать, как и раньше!..

«UI> Кто-нмбудт, спсит».

– Ааа, Уиуй… Уиууууй!!!

Впервые вижу опечатки в исполнении Синомии-сан.

Такая мысль промелькнула в голове у Харуюки, стоящего столбом у кухонной двери. Слева от него такими же обалделыми глазами на происходящее смотрели Такуму и Тиюри, справа снисходительно качала головой Черноснежка.

Битва на диване завершаться явно не собиралась, и Харуюки, с легкой дрожью повернув голову, тихо спросил у Черноснежки:

– Эмм, семпай. Ты говорила – из членов первого «Нега Небьюлас» ты в реале встречалась только с Фуко-сан и с еще одним человеком. Это была Синомия-сан, да?

– Мм… у тебя хорошая память. Да, так и есть.

– Но, семпай, ты еще говорила, что Фуко-сан была в реале твоей единственной подругой. Как-то противоречиво, мне кажется… То есть получается, что… на самом деле…

Черноснежка широко, но как-то натянуто улыбнулась и кивнула.

– В общем, ну… именно так. Мы с Утай, конечно, товарищи по легиону, но для Фуко Утай еще и… Как бы это сказать… – тут она прервалась, окинула взглядом всю компанию и продолжила тоном лектора: – Вы ведь уже знаете, почему у Фуко прозвище «МБР»?

– А, ээ, мне Нико рассказала. В территориальных сражениях она брала одного бойца поддержки и летела в тыл противника – вот поэтому.

Выслушав ответ Харуюки, Черноснежка утвердительно кивнула.

– Все верно. Когда передняя линия противника слишком выдвигается, это очень эффективно, но аватару поддержки, которого Рейкер берет с собой, изрядно достается. Его роняют с неба в подходящую точку, на него наваливается толпа противников, а иногда его вообще скидывают прямо на

противника, как бомбу… Вы, наверное, уже догадались, что выполняла эту задачу Утай. Она была, так сказать, «личным аксессуаром Рейкер».

– …Аксес… суаром… – повторил Харуюки сквозь ставший непослушным рот. Он снова кинул взгляд на диван: протянутая, будто молящая о помощи рука Утай вдруг бессильно упала.

…Минуты три спустя.

Во главе стола – Черноснежка. По правую руку от нее – Тиюри и Такуму. По левую руку – Фуко и Утай. А прямо напротив – Харуюки. Все собравшиеся разом сели. На столе стояли чашки с черным чаем, приготовленным Харуюки, и большая тарелка с принесенными Тиюри сэндвичами, которые сделала ее мама.

Ветчинные сэндвичи, щедро наполненные латуком и пастромой, сырные сэндвичи, щедро наполненные чеддером, рукколой и спаржей, сэндвичи из черного хлеба с копченой лососиной – целая гора сэндвичей представляла собой великолепное зрелище. Утай, совершенно вымотанная сверхэмоциональным приветствием Фуко, смотрела на это изобилие квадратными глазами.

– Как всегда, как всегда, огромное спасибо, Тиюри-кун. Передай своей маме нашу глубокую благодарность.

– Ничего, мама тоже очень рада, что у Хару стало больше друзей!

Черноснежка поклонилась, Тиюри с улыбкой ответила тем же, Харуюки смотрел на них со смешанными чувствами… Когда эта церемония закончилась, все хором пожелали друг другу приятного аппетита, и к горе треугольных сэндвичей тут же потянулось шесть рук.

Съев по одному сэндвичу каждого типа, Утай с нетипичной для себя скоростью заработала пальцами.

«UI> Очень вкусно. Судя по тому, что говорила Сат-тин, мама Курасимы-сан всегда перед собраниями легиона готовит на всех?»

– Можно просто по имени! – и Тиюри смущенно кивнула. То, что Утай не может говорить из-за моторной афазии, она сообщила еще при знакомстве, поэтому сейчас Тиюри говорила без какой-либо скованности. – Меня в «Нега Небьюлас» пригласили всего два месяца назад, так что я не то чтоб во множестве собраний участвовала. Но мы с Так-куном уже давно собираемся дома у Хару, и, когда мы собираемся, мама всегда готовит на нас троих. Сейчас я попросила приготовить на шестерых, вдвое больше, мама так удивилась.

«UI> Значит, Тиюри-сан, Маюдзуми-сан и Арита-сан, вы дружите с раннего детства?»

Тут пальцы Утай остановились, ее большие и словно прозрачные глаза по очереди остановились на каждом из сидящей напротив троицы, а затем она продолжила печатать.

«UI> Трое друзей детства, все трое Бёрст-линкеры, более того, все трое сражаются в одном легионе – это просто чудо. Узы реальности – очень большая сила. Нас с Сат-тин и сестрицей Фуу раньше тоже связывали узы в реальном мире, но для этого потребовалось очень, очень много времени. И, возможно, у нас это получилось слишком поздно».

Едва прочтя это заявление, Черноснежка и Фуко разом подняли голос: «Утай…», «Уиуй». Утай кинула на них быстрый взгляд, и на лице ее появилась спокойная – но в то же время какая-то грустная – улыбка.

«UI> Мы не смогли понять друг друга – ни страх, который в конце концов довел Сат-тин, ни всю глубину желания, которое прятала в себе сестрица Фуу. Из-за этого Сат-тин стали преследовать остальные шесть королей, а сестрица Фуу потеряла ноги… и в конце концов распался сам легион. Если бы не только мы трое, но и множество других людей из нашего легиона создали узы в реальности пораньше, все могло бы пойти совсем иначе. Я до сих пор сожалею о том, что произошло».

Внезапно застывшие руки Утай – мягко сжала сидящая рядом Фуко. И это ее движение, в отличие от предыдущих, было полно сочувствия.

– Но мы все равно снова встретились, Уиуй, – прошептала она и улыбнулась. Утай пораженно распахнула глаза.

– Прошло два с половиной года, но… нет ничего, что нельзя было бы вернуть – этому и меня, и Сат-тян научил этот вот Вороненок-сан. Сат-тян снова вернулась в Ускоренный мир и стала королем, я снова вернула себе ноги. Поэтому…

– …Мы твердо верим, – подхватила Черноснежка. И, вытерев рот бумажной салфеткой, Черный король выпрямила спину и твердо продолжила: – Твое истинное «я», до сих пор запечатанное в Безграничном нейтральном поле, тоже вернется… даже если противником будут непобедимые «боги».

Глава 9

Когда гора сэндвичей была съедена начисто, тарелка убрана, а чай налит по второму разу, Харуюки нетерпеливо спросил:

– Эээ… семпай, те твои слова, что они означают? Истинное «я» Синомии-сан запечатано в Безграничном нейтральном поле?.. Я вчера с Синомией-сан в команде дрался на обычной арене… Может, у нее в Безграничном поле какие-то проблемы есть?

Тиюри справа от него тоже озадаченно склонила голову набок. Зато Такуму, словно вдруг догадался о чем-то, с явной нерешительностью произнес:

– Командир, неужели ты имела в виду… «бесконечный ЭК»?

– О, ты как всегда в теме, Профессор.

Черноснежка кивнула, Харуюки же не понял ничего.

– Б-бесконечный ЭК? Таку, что это?.. – развернувшись всем телом, спросил он. Такуму поправил дужку очков и ответил на вопрос вопросом:

– Хару. Какие ты знаешь способы в Ускоренном мире уничтожить конкретного Бёрст-линкера… то есть лишить его всех очков и принудительно деинсталлировать «Брэйн Бёрст»?

– А?.. Нуу, разве что много драться с ним и все время выигрывать… – машинально ответил Харуюки, а потом, вспомнив, как сам два месяца назад оказался на грани потери всех очков, добавил: – Нет, еще можно устроить дуэль в Безграничном поле. Если все поставят свои очки на «карту внезапной смерти», то победитель заберет всё… А, если говорить о «внезапной смерти», то есть еще особое правило для боев между девятиуровневыми…

– Так, это три. Еще?

Тут вдруг у Тиюри сделалось такое лицо, будто чай у нее во рту превратился в соленую воду, и она сказала:

– Еще вот этот. Физическая агрессия, ФА… да? Нападают в реале, засовывают в какую-нибудь машину и в дуэлях через Прямое соединение выкачивают все очки. Непростительная мерзость.

Такуму, лицо которого тоже посуровело, кивнул и добавил:

– Когда в апреле тот тип нас загнал в угол, это в широком смысле тоже можно назвать ФА. …В общем, это четвертый способ. Но есть еще и пятый… упомянутый «бесконечный ЭК», полностью – «бесконечный энеми-килл».

– Энеми-килл… Это же не то, что игроки убивают энеми, да? Это когда сами энеми убивают?..

– Да… именно, – вступила Черноснежка; троица тут же

смолкла и повернулась к ней. Прикоснувшись губами к чашке с чаем, командир черного легиона принялась спокойным голосом объяснять. – Как я уже рассказывала вчера Харуюки-куну, в Безграничном поле живут очень сильные энеми – классов «зверь» и «легенда». Однако среди них есть чудовища просто немыслимой силы, которые, к счастью, не разгуливают свободно, а всегда находятся в пределах своей территории; поэтому, если к ним не приближаться, они опасности не представляют. Но верно и обратное: если вы по какой-то причине зашли на территорию такого энеми и погибли там, выбраться будет чрезвычайно трудно.

– Ээ, что?..

Харуюки уставился в пространство, припоминая правила Безграничного нейтрального поля, где он бывал уже не один раз.

В том мире, когда хит-пойнты Бёрст-линкера падают до нуля – то есть когда он умирает, – в реальный мир он не возвращается. У него перед глазами все сереет, и он в состоянии «призрака» остается в месте гибели, а через час воскресает.

И команда «бёрст аут» в Безграничном поле тоже не работает. Чтобы выйти в реальный мир – «вынырнуть», как говорят в обычных играх Полного погружения, – необходимо воспользоваться одной из «точек выхода» – порталов, расположенных на железнодорожных станциях и в других приметных местах.

С учетом этих двух правил Харуюки обдумал то, что только что сказала Черноснежка.

Предположим, ты угодил на территорию такого вот безумно громадного энеми, пропустил мощнейшую атаку и умер. В поле зрения появляется надпись «YOU ARE DEAD», и ты в состоянии призрака ждешь, пока заполнится шкала воскрешения. Через час ты наконец-то оживаешь и обретаешь способность двигаться – однако ты по-прежнему в зоне атаки того гигантского энеми. Естественно, он тут же нападает, и ты снова умираешь. Через час воскресаешь… снова умираешь…

– …Это, это же может продолжаться сколько угодно!..

Черноснежка на этот возглас Харуюки грустно кивнула.

– Да. Потому его и называют бесконечным. «Бесконечный энеми-киллинг» – способ, при котором такая ситуация создается умышленно; иными словами – когда Бёрст-линкера, которого хотят лишить всех очков, оставляют в глубине территории гигантского энеми, и там он каждый час, раз за разом, погибает. Конечно, шансы на бегство не нулевые. Если за время от воскрешения до гибели успеть сдвинуться даже всего на несколько шагов, в следующий раз воскреснешь уже в новой

точке. Так, понемножку сдвигаясь, можно в конце концов выбраться с территории энеми, но с каждой гибелью ты теряешь очки – в случае с энеми это всегда десять очков… Десять раз умер – потерял сто. Сто раз умер – потерял уже тысячу. Выдержать это почти нереально.

Представив себя самого в таком положении, Харуюки ощутил дрожь в спине и сипло произнес:

– Да… особенно сразу после того, как поднялся в уровне или купил что-нибудь дорогое, в общем, много очков потратил…

Однако тут же, заметив кое-что, он нахмурил брови.

– Но, но разве этот «бесконечный ЭК»… не опасен и для того, кто его устраивает? Прежде чем оставить жертву в глубине территории, он ведь и сам может погибнуть…

– Верно; поэтому обычно жертву вталкивают на территорию от ее границы или заносят туда взрывной волной – подобные методы.

Ответ пришел от Фуко. И, спокойно улыбаясь уголками губ, она добавила нечто невероятное:

– Однажды мне повезло узнать имя одного типа, который занимался ФА, и я его с помощью «Ураганного двигуна» скинула прямо на энеми «легендарного» класса. …Короче, обычно при «бесконечном ЭК» жертву в самую глубину территории не забрасывают, поэтому, если изо всех сил бороться, спастись возможно. Чем сильнее энеми, которого пытаются использовать, тем выше риск, соответственно, тем меньше расстояние для бегства.

Троица новичков понимающе кивнула.

И тут до сих пор хранившая молчание Утай тихо задвигала пальцами.

«UI> Однако из каждой теории есть исключения».

Окутанная ореолом таинственности четвероклассница, глядя куда-то вдаль, медленно печатала.

«UI> Три человека оказались в самой глубине территории самого сильного энеми Ускоренного мира, погибли и не вернулись обратно, но… по-прежнему могут входить на обычные дуэльные арены, хотя в Безграничное нейтральное поле, настоящий Ускоренный мир, им уже не нырнуть. Один из этих троих – я».

Услышанный вчера в комнате студсовета рассказ об уничтожении – истреблении первого «Нега Небьюлас» Харуюки уже передал Такуму и Тиюри.

Посреди Безграничного нейтрального поля стоит абсолютно неприступная «крепость императора». Четверо ее ворот охраняют

сильнейшие энеми, «четыре бога». Члены первого «Нега Небьюлас» предположили, что «проникновение в крепость императора» – это второй способ пройти «Brain Burst», и бросили вызов четырем богам. И – были уничтожены.

Сам Харуюки историю слышал до этого места. Почему однократное истребление легиона привело к его полной гибели, он не знал.

Однако после услышанной только что информации о «бесконечном ЭК» у него появилась смутная догадка. Сделав глубокий вдох, он повернулся к Черноснежке, Фуко и Утай и спросил:

– Значит, получается… Синомия-сан два с половиной года назад погибла в глубине территории «четырех богов» и не смогла оттуда вернуться… Это как так может быть?

Утай кивнула, и ее пальцы забегали по воздуху.

«UI> Все верно. У меня высокая устойчивость к огню, поэтому я вела партию на южные ворота крепости императора, которые охраняла гигантская огненная птица Судзаку[25]. Это очень опасный противник, он атакует с дистанции огненным дыханием, вблизи когтями, плюс испускает сильный жар во все стороны. Но, поскольку эта информация у нас была, мы разработали соответствующую тактику и смогли успешно добраться до того места, откуда уже стали видны ворота… и тогда стиль атак Судзаку вдруг поменялся. Она бросилась на нас, вся окутанная огнем. С этим мы справиться не смогли, и наш строй рассыпался. Моя устойчивость тоже не сильно помогала. Чтобы хотя бы дать отступить остальным, я завлекла Судзаку вглубь ее территории, и там она меня убила».

– У Сэйрю возле восточных ворот и Гэмбу возле северных тоже по ходу боя стиль изменился на более жестокий, – тихо произнесла Черноснежка и легонько закусила губу, потом продолжила: – И у Бякко[26] возле западных ворот, которые атаковали мы с Рейкер, тоже. Говоря откровенно, и мы не должны были выбраться с территории Бякко. Но Рейкер из последних сил схватила меня и вынесла…

– Я тогда была уже без ног, в бою вообще бесполезна, – с таким же страданием на лице вставила Фуко. – С мыслью, что надо вернуть живой хотя бы Сат-тян, я изо всех сил напрягла свою инкарнацию и прыгнула. Мне даже сейчас иногда снится, как клыки Бякко щелкают прямо за моей спиной. …Слишком легкое наказание за то, что я одна выжила из четверки «Элементов»…

«UI> Тогда сестрица Фуу сделала все, что могла. За это и я, и, уверена, Граф-сан и Аква-сан – мы все тебе благодарны».

– Вот именно, Рейкер. Если бы мы с тобой застряли у ворот

четырех богов, наверное, и Ребенка завести мы бы не надумали. Тогда не родился бы ни Сильвер Кроу, ни его заклятый друг Эш Роллер. «Нега Небьюлас» второго поколения тоже не образовался бы… и не было бы нашего воссоединения. Тот твой отчаянный полет создал наше будущее.

На эти ласковые, но решительные слова Черноснежки Фуко подняла ресницы и чуть кивнула.

Харуюки молча смотрел на все это, и грудь его распирало от чувств. Но в то же время один вопрос кипел в нем, не давая покоя, и, улучив момент, он робко спросил:

– Эмм… семпай. Я уже понял: дуэльный аватар Синомии-сан запечатан в Безграничном поле у южных ворот крепости императора. Но… я же вчера с Синомией-сан… с Ардор Мэйден в команде дрался. Значит, Синомия-сан по-прежнему Бёрст-линкер… она за два с половиной года не растеряла все очки? Если она попала под «бесконечный ЭК», то как она очки сохранила?..

– Хороший вопрос, – и Черноснежка снова повернулась к Такуму. – Не прочтешь ли нам еще одну лекцию, лучший мозг легиона? Ты-то, Такуму-кун, наверняка сообразил уже, в чем дело?

Такуму явно было немного неловко, что ему приходится при первой же встрече с Утай изображать перед ней профессора, однако он послушно ответил «Да, командир» и повернулся к Харуюки.

– Итак, Хару. Теперь о способах выхода из Безграничного нейтрального поля. Сколько ты знаешь?

Харуюки, вытянув губы, уставился на вновь поправившего очки друга детства.

– Эй, уж это-то даже я знаю! Все же знают, правда? Ответ – «один». Из Безграничного поля выбраться можно только через портал в точке выхода. Ведь на этом и «бесконечный ЭК» основан, разве нет?

– Би-биииип! Вот – и – нееет!

Возглас этот принадлежал, как ни удивительно, Тиюри.

Сидящая с другой стороны от Такуму еще одна подруга детства с довольной улыбкой озорного котенка повернулась к Харуюки и выставила три пальца правой руки.

– Ответ – «триии».

– Не… не может быть. Т-три?! Что, предметы какие-нибудь? Или спецумения?..

Тиюри снова бикнула обалдевшему Харуюки, изобразив сигнал неправильного ответа, потом принялась отсчитывать на пальцах:

– Второй способ – «отключить нейролинкер от Глобальной сети». Третий способ – «снять нейролинкер».

– Чт…

От этих неожиданных слов у Харуюки на пару секунд отнялся язык. Потом его думательный аппарат наконец перезагрузился, и он отчаянно запротестовал:

– Эй… это нечестно! Нет, не нечестно, но… о реале разговора не было!

– Ой, а разве Так-кун говорил про «способы выхода внутри Ускоренного мира»?

– Это… это да, но… ты же когда в ускоренном состоянии, нейролинкер сама снять не можешь!..

– Ой, а разве говорилось про «способы выхода, когда ты один»?

Эту пикировку, каких у них с детства было бесчисленное количество…

…вдруг прервал донесшийся слева тихий смех. Повернув голову, Харуюки увидел, что не только Черноснежка и Фуко, но даже Утай беззвучно смеется.

Не меньше десяти секунд все смеялись; наконец первой заговорила Черноснежка.

– Ха-ха-ха… все-таки вы отличная троица. Тиюри-кун совершенно права. «Способ выйти из Безграничного нейтрального поля по собственному желанию» действительно всего один, но существуют и «способы вывода из Безграничного поля в реальном мире».

Она откашлялась, и ее выражение лица изменилось.

– …Два с половиной года назад все члены первого «Нега Небьюлас» пошли в атаку на крепость императора, прекрасно сознавая, что это чистое безумие. Однако это было ни в коем случае не групповое самоубийство. Поэтому мы приняли одну меру безопасности. Наши нейролинкеры были подключены к Глобальной сети не напрямую по беспроводному протоколу, а через проводное соединение с промежуточным устройством – компьютером или домашним сервером.

– Промежуточным устройством… – пробормотал Харуюки. Утай в чате добавила:

«UI> И эти промежуточные машины были настроены так, чтобы, получив определенный мэйл, тут же отсоединяться от Глобальной сети. Если легиону грозит полное уничтожение, то первый выбравшийся должен разослать этот мэйл всем остальным членам. Тогда у них мгновенно произойдет бёрст-аут из-за дисконнекта. Это и было задумано, чтобы человек, угодивший в "бесконечный ЭК", мог выбраться и, как минимум, избежать

полной потери бёрст-пойнтов».

– Ааа… понятно теперь… – непроизвольно вздохнул Харуюки. Да, таким способом можно было выбраться из Безграничного поля, об этом он раньше даже не думал.

Однако если вспомнить – два месяца назад, когда он вместе с Такуму ходил в кафешку возле станции Сакурадай в Нэриме, чтобы Нико поучила Такуму инкарнации, там они подключались к Глобальной сети тоже по проводу. Наверняка роутер в той комнате был таким же «предохранителем».

Пока Харуюки обалдело размышлял о том, как много он пока что не знает, сидящий рядом с ним Такуму поднял руку.

– Прошу прощения, командир. Я тоже не очень хорошо понимаю выход из Безграничного поля через дисконнект… Что при этом происходит с дуэльным аватаром?

– Мм… это порождает довольно сложную ситуацию. Когда связь с сетью прерывается и нейролинкер отключается иррегулярным образом, дуэльный аватар, в общем-то, из Безграничного поля исчезает. После этого на обычные дуэльные арены можно заходить без проблем, но… если снова нырнуть в Безграничное поле, появишься не там, где находишься в реальном мире, а там, откуда в прошлый раз исчез.

– Э… эээ, чего? – вырвалось у Харуюки, который не смог понять сразу, что это означает. Фуко подняла палец и произнесла:

– Ворон-сан. Ты помнишь дом на вершине старой Токийской телебашни в Безграничном поле, где я долгое время жила?

– Да… да, конечно. Как же забудешь… Меня оттуда Рейкер-сан скинула.

– Совсем забыла. В общем, смотри: мой дом здесь, в южном Сугинами, и до Минато, где находится старая Токийская башня, добираться далековато. Но когда я отправляюсь в тот дом на вершине башни, я вовсе не добираюсь туда от Сугинами всякий раз. Я отсоединяюсь от Глобальной сети по таймеру, при этом положение моего аватара на вершине башни фиксируется, и при следующем погружении я автоматически оказываюсь там же.

– А… аа, теперь понятно!

Харуюки энергично кивал и в то же время думал.

Утай Синомия – Ардор Мэйден – два с половиной года назад оказалась в глубине территории энеми класса «супер» – Судзаку, одного из «четырех богов». По всем законам она должна была через час возродиться и тут же погибнуть снова – и так раз за разом, пока у нее не закончатся бёрст-пойнты.

Однако благодаря предохранительной мере «отключение по мэйлу» она отсоединилась от сети и вернулась в реальный мир прежде, чем у нее кончились очки. Поэтому вчера она могла

сражаться вместе с Харуюки на обычной арене.

Но это возвращение имело свои ограничения. Как только Утай произнесет команду «Анлимитед бёрст», переносящую ее на главную арену Бёрст-линкеров, Безграничное нейтральное поле, она окажется не там, где находится ее реальное тело, а прямо под носом у Судзаку, охраняющей южные ворота крепости императора. Естественно, Судзаку ее тут же яростно атакует, и она умрет. И снова очутится в кошмарной ловушке бесконечного ЭК…

– …Поэтому твой аватар и «запечатан», да?.. И чтобы выручить его оттуда, надо, чтобы кто-то добрался до самой Судзаку и вытащил его сразу после погружения… – хрипло пробормотал разобравшийся наконец в ситуации Харуюки.

Утай кивнула, и ее пальцы проворно забегали.

«UI> Не только мой. Рядом с Сэйрю у восточных ворот запечатан еще один из четырех "Элементов", Аква Каррент-сан, а рядом с Гэмбу у северных ворот – еще один, Графит Эдж-сан. Чтобы остальные члены успели выбраться с территорий энеми, эти трое… нет, Сат-тин и сестрица Фуу, которые были у западных ворот против Гэмбу, тоже – мы отвлекали на себя четырех богов. К счастью, всем остальным удалось не стать жертвами бесконечного ЭК, но они умерли много раз и потеряли очень много очков. Удерживать территорию легиона стало невозможно. Мы отказались от территории, после чего распался и сам легион. Вот так перестал существовать первый "Нега Небьюлас". Ни по чьей вине, не из-за чьей-то оплошности…»

Здесь пальцы Утай заскрипели – по крайней мере, так Харуюки показалось.

Она подняла голову – и на лице девятилетней девочки, до сих пор почти бесстрастном, появилось смущенное выражение. Утай резко закусила губу. Ее пальцы снова забегали – яростно, будто разрывая воздух.

«UI> Нет, вынуждена сказать, был один человек… Он обманул Сат-тин, загнал ее в угол, он предал ее»…

– Утай.

– Уиуй!

Как только раздались эти два голоса, строка текста замерла. Утай сидела, повесив голову и крепко сжав руки в кулаки над голографической клавиатурой. Фуко обняла ее за плечи.

Черноснежка, сидевшая чуть поодаль, смотрела на все это с выражением боли на лице. Наконец она тихо произнесла:

– Утай, виновата только я. Вся ответственность за распад легиона лежит на мне. И то, что я безрассудно все это начала… и то, что, когда все закончилось, пала духом и два года пряталась в

локальной сети. Но потом я познакомилась с ним… с Харуюки-куном и снова нашла в себе силы встать. Я перестала отводить глаза от прошлого в страхе перед ним. И с тем человеком я рано или поздно разберусь. И ради этого тоже, Утай, я хочу снять твою «печать». Хочу, чтобы ты вернулась в новый «Нега Небьюлас».

Не сказать чтоб Харуюки полностью понял этот диалог. Кто этот «один человек», которого упомянула Утай? Что он сделал Черноснежке? Однако Харуюки показалось, что сейчас не самое удачное время, чтобы задавать эти вопросы. Поэтому он подался вперед и, повернувшись к Утай, произнес со всей искренностью в голосе, на какую только был способен:

– Синомия-сан, я тоже очень прошу. Думаю, ты и так уже знаешь, но на моем аватаре сейчас паразитирует Усиленное вооружение «Доспех бедствия», и если от него не «очиститься» в течение недели, то короли назначат за меня награду, и я не смогу нормально драться. Я… должен стать сильнее, обязательно. Чтобы сражаться вместе с Черноснежкой-семпай, с другими ребятами из легиона, мне нельзя останавливаться, даже на чуть-чуть. Прошу тебя… Помоги мне, пожалуйста.

Происходи это все немного раньше, больная гордость Харуюки не позволила бы ему произнести такие слова. Однако после множества тяжелых боев Харуюки хоть чуть-чуть, но усвоил, что значит «сражаться бок о бок с товарищами». Иногда бывает, что нужно упорствовать, стоять на своем. Но считать, что ты достаточно силен, чтобы с любыми проблемами справиться в одиночку, – просто глупость. Любому человеку всегда помогают другие, даже если он сам не знает об этом.

Утай, словно не в силах принять искренние слова Харуюки, опустила голову.

Пара секунд тишины – и, чуть приподняв пальцы, она нерешительно затюкала по воздуху.

«UI＞ Я больше двух лет не связывалась ни с Сат-тин, ни с сестрицей Фуу, ни с другими членами легиона, потому что боялась именно этих слов… предложения снять печать. "Четыре бога", если с них снять все ограничители, обладают невообразимой мощью. Если кто-то попытается забрать мой аватар, существует колоссальная опасность, что и он окажется в ситуации "бесконечного ЭК". Можно считать громадной удачей, что у четырех ворот оказались запечатаны всего трое. Я не хочу, чтобы жертв среди моих товарищей становилось больше. Я… убеждена, что Граф-сан и Аква-сан оборвали все связи, потому что думают так же. По правде сказать, я»…

Тут пальцы Утай резко застыли…

Ее губы – которые, по идее, не должны были двигаться, –

слабо задрожали. Посреди висящего в комнате молчания следующие слова Харуюки не услышал, но почувствовал сердцем.

…очень хотела встретиться.

По белым щекам медленно поползли две капельки. Сидящая рядом Фуко, тоже вытирая уголок глаза, крепко прижала к себе хрупкое тельце.

На этот раз Утай совершенно не сопротивлялась – она зарылась в грудь Фуко лицом, и ее плечи яростно затряслись. Раздались слабые, но отчетливые всхлипывания. Харуюки, Такуму и Тиюри, не знающие обстоятельств тех дней напрямую, тоже часто заморгали.

Через полминуты Фуко разлепила объятие, достала из кармана платок и передала Утай. Та вытерла щеки и, смущенно опустив голову, снова начала печатать:

«UI> Прошу прощения. Я продолжу. Я совершенно не собиралась входить в контакт с новым "Нега Небьюлас". Мне было вполне достаточно следить за сражениями Сат-тин и ее товарищей из уголка Ускоренного мира. Однако живой уголок в моей школе закрыли, и я никак не могла найти приют для потерявшего дом животного… Я колебалась, но в конце концов все-таки послала мэйл в школу Умесато, куда поступила Сат-тин. Я надеялась, что Сат-тин не узнает мое имя, но, думаю, в глубине души мне хотелось, чтобы узнала».

– Конечно, я его узнала. Имя Уиуй очень выделяется, – ответила Черноснежка с улыбкой. Утай, глаза которой все еще оставались красными, надула губы.

«UI> Я себе имя не выбирала. …Когда ответ на мой мэйл пришел не от школьной администрации, а от вице-председателя студсовета, я, честно говоря, растерялась. Но убедила себя, что все это ради животного, и связалась с Сат-тин через дайв-колл. И первое, что она сказала, это»…

– Предлагаю сделку. Я уговорю администрацию подготовить вольер. А ты вернешься.

При этих словах, будничным тоном воспроизведенных самой Черноснежкой, все ошеломленно разинули рты. Впрочем, удивление тут же сменилось натянутыми улыбками типа «ну и ну». Даже Утай улыбнулась, печатая следующую фразу.

«UI> Сат-тин как была нетерпеливой, бестактной и упрямой, так и осталась. А я со своими мыслями, что бы сказать, почувствовала себя просто дурой. Она просто пошла в лобовую атаку, и я в итоге сказала: "Обещаю только, что выслушаю тебя". Потом все постепенно завертелось, и как-то само собой вышло, что мы здесь и сейчас собрались. Совсем как в прошлые времена, когда меня буквально заставляли встречаться в реале».

Когда Харуюки прочел эти слова, в его голове всплыло драгоценное воспоминание о том, как Черноснежка пригласила его самого.

Внезапно появилась в уголке сквоша и первым делом спросила: «Ты хочешь "ускориться" еще сильнее, мальчик?» А когда я захотел узнать, что это значит, и пришел в рекреацию, она тут же

переслала мне программу через Прямое соединение, даже на подумать времени не дала.

Но ведь если бы она вот таким манером меня не пригласила, я наверняка не решился бы. Да, она нетерпеливая и упрямая, но, кроме того, она всегда полностью вкладывается в то, чем занимается. И с этим планом по очищению от «Доспеха бедствия», уверен, она старается изо всех сил, даже если я об этом не знаю…

Когда Харуюки додумал до этого места, у него вдруг родился еще один вопрос. Повернувшись к сидящей напротив него Черноснежке, он чуть приподнял руку и произнес:

– …Эээ, семпай.

– Мм? Да?

– Эээ… Когда мы на прошлой неделе после гонки собрались здесь и обсуждали, что нам делать с «Доспехом бедствия», ты говорила о человеке с умением «очищение». Ты имела в виду Синомию-сан, да?

– Да, именно так, – кивнула Черноснежка. Харуюки тут же задал следующий вопрос:

– Но разве у тебя была с ней связь? Ведь Синомия-сан же сказала, что больше двух лет на контакт не шла…

«UI> Присоединяюсь к вопросу Ариты-сана. Я выбросила адрес, которым пользовалась раньше. У Сат-тин не должно было быть способов связаться со мной. Если бы я не послала мэйл по поводу упомянутого вольера, что ты намеревалась предпринять?»

Эти слова Утай напечатала, тоже озадаченно склонив голову набок. Черноснежка мягко улыбнулась и ответила:

– Это ведь очевидно? Даже если Утай стерла е-мэйл, я все равно знала, в какую школу она ходит и в каком классе учится. Я просто зашла бы в корпус начального отделения школы Мацуноги и проверила все кабинеты четвертых классов. Так, нет?

Едва это услышав, Утай резко побледнела, и ее пальцы забегали неуклюже.

«UI> Когда я колебалась, написать или нет в школу Умесато по поводу вольера, я услышала голос, который сказал: "Напиши". Это был просто глас с небес».

Тут рассмеялись и Харуюки, и Такуму с Тиюри, и даже Фуко. Все еще съежившуюся Утай Фуко похлопала по спине и сказала:

– Видишь? Уиуй, сейчас самое время и место, чтобы тебе вернуться. Я была в таком же положении. Сидела в садике на вершине старой Токийской башни, пока в один прекрасный день ко мне не пришел раненый, сбившийся с пути Ворон-сан. И тогда я тоже почувствовала: в этом застоявшемся мире подул свежий ветер…

– Именно, Утай. Я, конечно, нетерпеливая, но уже не такая

безрассудная, как тогда. Именно потому, что я верю, что вызволить твой аватар из плена четырех богов возможно, я и говорю тебе: вернись.

Угольно-черные глаза Черноснежки неотрывно смотрели на Утай. Та, в свою очередь, встретила этот взгляд взглядом своих глаз, по которым словно пробегали огненные блики.

«UI> Я ведь тоже очень хочу снять печать – не только ради себя, но и ради того, чтобы "очистить" аватар Ариты-сана. Если паразит – это "Дизастер", то, чтобы от него очиститься, тридцати минут наверняка не хватит, а значит, абсолютно необходимо делать это не на обычной дуэльной арене, а в Безграничном нейтральном поле. Я вчера сражалась с Аритой-саном в команде и видела скрытую в нем силу. Нельзя, чтобы он топтался на месте из-за интриг королей».

Прочтя эти слова, Харуюки непроизвольно возразил:

– Но… но я же вчера ничего путного не сделал… Меня избили в одну калитку…

Утай повернулась к Харуюки, качнув хвостиком волос, и улыбнулась; и в этой улыбке сквозь детскость Харуюки почувствовал необычную нежность.

«UI> Арита-сан. Той "мягкой технике" тебя обучила Сат-тин?»

– Что? – нахмурив брови, переспросила Черноснежка. Кинув на нее взгляд, Харуюки втянул голову в плечи и лихорадочно заоправдывался:

– А, не, в общем, не то что обучила, просто показала один раз, ну и вот… я сам решил потренироваться немного…

«UI> Я так и думала. Потому что у техники Сат-тин базовый принцип тот же, но тип другой. В том, как сражается Арита-сан, я почувствовала, что он стремится к какой-то очень далекой цели. Пусть бы он проиграл вчера, проиграл сегодня – все равно завтра он продолжит сражаться. Среди Бёрст-линкеров, достигших пятого уровня, немногие еще не забыли, как важно продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом».

– Э… не, это… Я сам так…

Совершенно не приспособленный к ситуациям, когда его хвалят, Харуюки уткнулся глазами в пол. И тут же услышал полный смеха голос Тиюри.

– Вперед постепенно, шаг за шагом – это у Хару фирменный знак! С самого детства, чем бы мы ни занимались, он во всем сперва сливал и мне, и Так-куну, а потом внезапно нас обоих обгонял. Правда, только в играх!

Хоть и благодарный подруге детства за спасательный круг, Харуюки все же сразу возразил:

– И в-вовсе не только в играх! Помнишь, в финале состязания

«кто больше съест кукурузы» я первое…

– Хару, можно сказать «в бесполезных занятиях», разница невелика.

Спокойная подколка Такуму вызвала общий веселый смех. Когда он поутих, Утай оглядела всех по очереди, потом села очень ровно – и низко поклонилась.

«UI> Я по-прежнему испытываю неуверенность и тревогу. Но если не идти вперед шаг за шагом, я не смогу сдвинуться с места – ни в Ускоренном мире, ни в реальном. Как мир живых и мир мертвых не отделимы друг от друга, так и реальному человеку некуда идти, когда его дуэльный аватар застыл на месте».

– Вот именно… – мягко кивнула сидящая рядом с Утай Фуко. – Пока я жила на старой Токийской башне, в реальном мире я тоже как будто сидела сгорбившись и не дыша, хоть и сама этого не сознавала. За эти два месяца после появления Ворона-сана я прошла больший путь, чем за предыдущие два года.

Услышав эти слова, Черноснежка тоже глубоко кивнула. В ее черных глазах словно сверкало звездное небо.

– Это вполне естественное чувство, Фуко. Потому что, когда мы стремимся к общей цели с товарищами, мы «ускорены», даже если у нас нет «Брэйн Бёрста». Потому что сердце в груди бьется сильнее, и это разгоняет сознание.

И снова затанцевали все десять пальцев Утай.

«UI> Я тоже хочу, чтобы мое сердце билось, как раньше. Хочу снова вместе со всеми гнаться за мечтой. Сат-тин, сестрица Фуу, Тиюри-сан, Маюдзуми-сан, Арита-сан…»

На миг ее тонкие, гибкие пальцы застыли, а потом решительно выстрелили:

«UI> Прошу вас. Пожалуйста, освободите меня… мое второе "я", аватар "Ардор Мэйден", из плена Судзаку».

Глава 10

Разработанный Черноснежкой план по очищению от «Доспеха бедствия» состоял из трех этапов.

Первый этап: связаться с Утай Синомией в реальном мире и так или иначе затащить ее на совещание.

Второй этап: уговорить Утай и провести операцию по спасению ее аватара из «бесконечного ЭК» в Безграничном нейтральном поле.

И, наконец, третий этап: с помощью ее «очищения» избавить Сильвер Кроу от паразитирующего на нем Кром Дизастера…

Во вторник 16 июня, в 7:20 вечера, в гостиной Харуюки Фуко спросила Черноснежку, когда начнется второй этап, и та без тени колебаний ответила: «Конечно, прямо сейчас».

Пересев на диваны, все шестеро приняли расслабленные позы и для начала соединили свои нейролинкеры пятью XSB-кабелями в единую цепь. В принципе, чтобы нырнуть в Безграничное поле, Прямое соединение не требуется, но сейчас нужно было установить стандартный предохранитель «пробуждение при дисконнекте». Поэтому все отключили беспроводное соединение своих нейролинкеров с Глобальной сетью, взамен подключившись по проводу к домашнему серверу семьи Арита. Теперь, если случится что-то непредвиденное и кто-нибудь угодит под «бесконечный ЭК», первый, кто вернется через портал, сразу выдернет кабель, идущий к серверу, и все остальные сразу выйдут из ускорения.

Конечно, это означало бы худший сценарий, когда не только Утай не удастся выручить, но и, так сказать, охотник сам станет жертвой, однако страх перед таким исходом уже прошел. Сейчас всем оставалось лишь безупречно подготовиться и идти вперед с верой в стопроцентный успех – так в конце стратегического совещания заявила Черноснежка.

«UI> Ребята – рассчитываю на вас».

На эти слова Утай все остальные – Черноснежка, Фуко, Харуюки, Такуму, Тиюри – синхронно кивнули. Сначала нырнут они впятером, а потом, когда внутри все будет готово, к ним должна будет присоединиться Утай.

Пятеро, сидя на диванах, закрыли глаза и с силой втянули воздух.

Черноснежка начала обратный отсчет от десяти. Как только он дошел до нуля, все хором выкрикнули команду, отправляющую в истинный Ускоренный мир и дозволенную

только тем из Бёрст-линкеров, кто уже поднялся выше третьего уровня.

– Анлимитед бёрст!!!

Впервые после приличного перерыва увиденное Безграничное нейтральное поле оказалось белым и застывшим до самого горизонта.

Арена «Снег и лед». Небо затянуто серыми облаками, на холодном ветру танцуют сверкающие снежинки.

– Отлично… сразу хороший знак, – произнесла Черноснежка, черный король Блэк Лотус, с хрустом ткнув острием ноги-меча в покрывающую землю толстую ледяную корку. – Идеалом был бы «Легкий дождь» или «Ливень», но они ограничивают видимость… возможно, так лучше, будет проще увидеть нужный момент.

– Да уж. Здесь воздух достаточно прозрачный, видно все хорошо, – кивнула стоящая рядом Фуко, Скай Рейкер, и ее небесно-голубые волосы качнулись.

Не поняв, о чем они, Харуюки склонил круглый шлем Сильвер Кроу набок и робко спросил:

– Эээ… а почему «Снег и лед» и «Легкий дождь» – это удачно?

– У Судзаку атрибут «огонь», значит, так она слабее, нет? – тут же ответил стоящий справа от Харуюки мощный аватар Сиан Пайл – Такуму. Следом подала голос Лайм Белл – Тиюри, – аватар которой в желто-зеленой остроконечной шляпе и с большим колоколом в левой руке стоял еще правее.

– Значит, надо поспешить. Не знаем ведь, когда будет «переход».

Более опытный Такуму ладно, но чтобы Тиюри, ставшая Бёрст-линкером всего два месяца назад, поняла все раньше него… С этой мыслью Харуюки поспешно произнес:

– О, кстати, а я полететь могу. Четверых, пожалуй, с трудом, но подниму…

Но прежде, чем он успел закончить, Черноснежка легонько качнула маской.

– Нет, не в этот раз. Хочу избежать даже микроскопического шанса, что нам помешают какие-нибудь другие Бёрст-линкеры. Риск, что поблизости есть кто-нибудь еще, кто нырнул одновременно с нами, мал, но в небе мы будем видны как на ладони. До Тиёды придется нам бежать.

– А… ну ладно, понятно…

Харуюки повесил голову. Черноснежка приблизилась и мягко сказала:

– И потом, у тебя в нашем плане главная роль. Нельзя, чтобы твои крылья устали еще до начала боя.

– Да… да! Ясн…

Что? У меня – главная роль?

Застывшего посередине ответа Харуюки ласково похлопала по плечу Фуко.

– Постарайся как следует, Ворон-сан. Не волнуйся, ты справишься.

– Вот именно, Хару, ты же любого врага в небе победишь!

– Раз, и все решишь, Хару!

Это добавили Такуму с Тиюри, и все четверо, кроме самого Харуюки, разом кивнули друг другу. И зашагали к щели в стене ледяной башни, в которую превратился дом Харуюки.

…Главная роль, это какая же? Не может быть – нет, наверняка – неужели мне придется в одиночку залезть на территорию суперкрутого энеми-сама… что-то такое?

Чувствуя, как все его металлическое тело покрывается капельками холодного пота, Харуюки вспомнил прежнюю историю. Незабываемую историю полугодичной давности, когда вот точно так же из дома Харуюки он и его друзья отправились в Безграничное поле на «миссию по захвату "Доспеха бедствия"» – тогда тоже, к его ужасу, его вдруг назначили ответственным за атаку. По сравнению с тем разом он, конечно, стал сильней, но все-таки почему ему все время так не везет?..

Несколько секунд Харуюки крутил в голове эти пессимистичные мысли, потом вдруг резко пришел в себя.

Он кинулся догонять остальную четверку – те уже один за другим спрыгивали с ледяного балкона, идущего вдоль внешней стены башни. Харуюки прыгнул в свой черед и, летя к земле, попытался подбодрить себя.

Хоть ее и называют одним из четырех богов, в конечном счете это всего-навсего птица, разве нет? Я же буквально только что видел живую, натуральную сову, в смысле ушастую сову, в смысле ошейниковую совку. Я спокойно вошел в настоящий вольер к настоящей хищной птице, а уж в виртуальном мире что Судзаку, что воробья бояться одинаково нечего. И потом, мне же вовсе не обязательно ее побеждать. На полной скорости подлететь, забрать аватар Синомии-сан, так же быстро свалить – вот и все. Проще простого.

– …Да, запросто! – тихонько выкрикнул он под шлемом одновременно с приземлением и вместе со всеми помчался на юг по широкой ледяной лощине.

Между районами Сугинами и Тиёда по прямой было почти десять километров. Будь они сейчас в своих реальных телах, пробежать такое расстояние в полную силу было бы, пожалуй, невозможно. Однако дуэльные аватары, если только слишком уж

не перенапрягались, усталости не чувствовали. Впереди стремительно скользила Чернoснежка, за ней, выстроившись клином, неслись остальные. Пятерка сбежала с седьмой кольцевой линии, пробежала по четвертой токийской линии Токородзава сквозь Синдзюку – и все это, ни на миг не снижая скорости.

Несколько раз на их пути возникали большие силуэты энеми, но компания, сворачивая в переулки, всякий раз избегала встречи. На арене «Снег и лед», в отличие от «Девственного леса» или «Завода», почти не было препятствий, и можно было свободно использовать всю дорожную сеть центра Токио. С другой стороны, разрушаемых объектов тоже было мало, и, чтобы заполнить шкалу спецатаки, приходилось разносить любой попавшийся на глаза кусок льда.

Минут сорок спустя…

По ледяному коридору, в который превратилась улица Синдзюку, из Яцуи в сторону Кодзимати, вверх по склону – и вдруг перед глазами Харуюки открылась невероятная картина.

Величественная. Потрясающая. Грандиозная. Какие слова ни подбирай, все равно для описания этой картины их не хватит.

Упирающийся в небо частокол шпилей – громадных, точно копья богов. Словно защищаемый этими копьями прекрасный и в то же время устрашающий замок. Вокруг замка – высокие стены, а сразу за стенами – крутой обрыв.

И стены, и башни были индигово-синими от льда, а под этим льдом мерцало множество красных огоньков. Внутри ничего не двигалось, однако замок ни в коем случае не был заброшен. В самой глубине замка отчетливо чувствовалось присутствие чего-то – или кого-то.

Так выглядел Императорский дворец в Безграничном нейтральном поле. То есть…

– …«Крепость императора»… – дрожащим голосом пробормотал Харуюки, сбавляя скорость. Чернoснежка впереди тоже затормозила, проложив во льду колею острой ногой, и ответила:

– Да. Иной мир в самом сердце Ускоренного мира. Абсолютно непроницаемое святилище, которое всего за две минуты полностью раздавило первый «Нега Небьюлас», бросивший ему вызов…

Задрожав всем телом от этих слов, Харуюки вновь изо всех сил вгляделся.

Стены высотой метров тридцать образовывали почти идеальное кольцо. По идее, общий размер сооружения был такой же, как у Императорского дворца в реальном мире, значит,

диаметр этого кольца должен быть около полутора километров.

Улица Синдзюку, по которой подбежала пятерка, ледяным мостом взлетала на окружающий крепость императора обрыв. Мост этот имел в длину около пятисот метров, в ширину около тридцати, а по ту сторону его высились циклопические ворота. Они были закрыты, самим своим видом отвергая всех, кто попытался бы в них войти.

– Командир, здесь в реале находятся западные ворота Хандзомон, верно?

На вопрос Такуму Черноснежка снова кивнула. Тогда Тиюри встала на цыпочки и, оглядывая местность вокруг ворот, озадаченно спросила:

– Но, семпай. «Четыре бога»… так их зовут? Это громадные энеми, а их нигде не видно почему-то?..

– Белл, посмотри вон туда.

Шагнувшая вперед и вставшая рядом с Тиюри Фуко вытянула левую руку и показала прямо вперед. Там, где ледяной мост подходил к воротам, была площадка, и на ней виднелся высокий квадратный помост вроде сцены. По углам стояли четыре колонны, и все вместе выглядело очень строго, вроде алтаря.

– Как только кто-то войдет на мост, вон там появится один из «четырех богов». Другими словами, его территория – весь этот мост пятьсот на тридцать метров. Кстати, вокруг обрыва везде, кроме моста, действует аномально большая сила тяжести, даже с моим «Ураганным двигуном» прыгать невозможно. Как будто падаешь в глубокое, черное ущелье – и там мгновенно умираешь. Если такое происходит, то возрождаешься ты снаружи от этой области, у самой границы.

Харуюки, Такуму и Тиюри молчали, невольно представляя себе падение в бесконечную черноту. Черноснежка спокойным тоном сказала:

– …Два с половиной года назад мы с Рейкер повели часть легиона на защищавшего западные ворота Бякко, одного из четырех богов. Поскольку мы до того такими же силами несколько раз побеждали энеми «легендарного» класса, то в душе были уверены, что и «супера» бояться нечего. Но… как мы знаем, результат был ужасен. Честно говоря, когда я просто стою здесь и гляжу на эти ворота… ноги становятся как ватные.

– …С-семпай… – вырвалось у Харуюки, и черная зеркальная маска чуть качнулась.

– Приношу свои извинения, я вовсе не собиралась вас пугать. Естественно, поворачивать назад я не намерена. Однако я хочу, чтобы вы запомнили. «Четыре бога» – не те существа, которых может победить человек. Каковы бы ни были ваши причины –

никогда не пытайтесь с ними сражаться. Как только я скомандую, либо как только вы сами почувствуете, что очутились в сложном положении, – сразу, немедленно отступайте за пределы моста.

– Это, это конечно… я так и собираюсь сделать, но… – закивал Харуюки. Глядя прямо на него, Черноснежка более жестким, чем прежде, голосом, сказала:

– Никаких «собираюсь». Это приказ. Если я скажу бежать – бегите. Даже если меня, или Рейкер, или нас обеих будет пытаться убить Судзаку.

Тут Харуюки резко ахнул – а потом запротестовал:

– Нет же!.. На мост ведь должен лететь я! Ведь и семпай, и Рейкер-сан совсем недавно говорили же!!!

Черноснежка и Фуко обменялись быстрыми взглядами, и…

От механических масок аватаров стало исходить теплое ощущение, похожее на улыбку. Девушки подошли к Харуюки с обеих сторон и заговорили поочередно:

– Ха-ха… дурачок ты, Кроу. Я бы ни за что не отправила тебя одного в самоубийственную атаку.

– Вот именно, Ворон-сан. Если бы она так поступила, Белл и Пайл очень рассердились бы.

– Целью Судзаку будем мы. Мы не дадим ей даже на миг положить на тебя глаз.

– Ты должен думать только о спасении Ардор Мэйден.

После этих неожиданных слов Харуюки мог лишь переводить взгляд с одной девушки на год старше его на другую.

Честно говоря, когда они покидали дом, он был готов к худшему и даже хотел заявить: «Я пойду один!» Однако, сколько он ни думал, не мог найти способ, как в одиночку сделать что-нибудь с четырьмя богами, которых боялась сама Черноснежка. По боевым способностям Харуюки с этими двумя и рядом не стоял. Даже если бы он сейчас настаивал на своем, это была бы всего лишь поза, попытка порисоваться.

Мог он лишь одно: лететь изо всех сил. Это был предел его способностей.

Харуюки повесил голову, не в силах что-либо сказать, и тут стоящая слева от него Тиюри хлопнула его по плечу. И бодрым голосом произнесла:

– Сестрица, прости! Я серьезно думала, что наш план – отправить Кроу в гнездо Судзаку одного, а самим поддерживать его с дистанции! И я хотела поругаться, ага.

Тут у Харуюки подкосились ноги, и он машинально воскликнул:

– Э… эй! Ты хотя бы подлечивай меня!

– Не пойдет – это точно привлечет внимание энеми.

Слушая эту пикировку, Такуму, Черноснежка и Фуко хором рассмеялись.

Да, я могу еще кое-что.

Я могу – верить. В силу своих товарищей, в узы между нами, в чудо, которое они могут совершить.

Мысленно произнеся эти слова, он с силой сжал кулаки. И тут Черноснежка, подняв над головой левую руку-меч, сказала:

– Так, у нас сейчас еще одна пробежка. До южных ворот, где находятся Судзаку и Ардор Мэйден, бежим вправо по улице Утибори.

Еще несколько минут они мчались, оставляя величественную крепость императора по левую руку, а ледяные небоскребы, которыми стал правительственный квартал Касумигасэки, – по правую, и наконец увидели еще один громадный мост. По размеру он был такой же, как и мост у западных ворот, – пятьсот метров в длину и тридцать в ширину. За мостом виднелся квадратный алтарь, за алтарем высились громадные ворота – всё точно такое же.

Южные ворота императорской крепости – в реальном мире они называются Сакурадамон. Святилище, охраняемое одним из четырех богов, огненной птицей Судзаку.

Без всяких проблем добравшись наконец до подножия моста, пятерка остановилась.

С запада на восток шла улица Утибори, от нее на юг ответвлялась улица Сакурада; в месте ветвления была просторная площадка. К юго-западу от нее стояло высокое здание. Наверняка это было Главное управление полиции, называющееся Сакурадамон в честь ворот, неподалеку от которых оно было возведено. Но, разумеется, сейчас ни единого полицейского там не было.

Стоя посреди перекрестка, Черноснежка выдвинула из своей полосы хит-пойнтов системное меню и посмотрела на часы.

– Мы нырнули ровно час назад. Пока все идет по плану…

Иными словами, в гостиной семьи Арита в реальном мире прошло 3.6 секунды. Не нырнувшая вместе со всеми Утай успела лишь пару раз вдохнуть-выдохнуть, но наверняка ей это время казалось десятикратно более долгим.

Резко развернувшись, Черноснежка посмотрела в лицо всем остальным поочередно и торжественно объявила:

– Итак, начинаем второй этап операции по очищению от «Доспеха бедствия» – «Спасение Ардор Мэйден»!

В ответ раздалось хоровое «да!» остальной четверки. Кивнув, Черный король с подобающим этому титулу достоинством

продолжила:

– Напоследок еще раз обговорим тактику. Начальная расстановка: у самого подножия моста – я, Блэк Лотус. Сразу за мной – Лайм Белл и Сиан Пайл. Еще дальше, на двести метров сзади по улице Сакурада – Скай Рейкер и Сильвер Кроу.

Она сделала паузу, чтобы все мысленно представили расстановку, потом снова продолжила:

– Сначала вперед иду я. Дохожу до середины моста, и появляется Судзаку. Как только она появляется полностью, Рейкер берет Кроу на спину и стартует на своем Ураганном двигуне. Поднимается на тридцать метров и на полной скорости летит к воротам. В это время я атакую Судзаку инкарнацией с дистанции и таким образом фокусирую ее на себя. После чего сразу отступаю. Пока все понятно?

– Да! – ответили четверо. Черноснежка снова кивнула и повернулась к Фуко и Харуюки.

– Я отступаю, Рейкер пролетает сверху, и прямо надо мной Кроу от нее отделяется. Добавив к ее силе силу своих крыльев, он на полной скорости летит над наступающей Судзаку к южным воротам. Рейкер приземляется рядом со мной и применяет защитную инкарнацию. Защищаясь от огненных атак, мы вдвоем отступаем. Если мы будем держаться от Судзаку на расстоянии минимум сто метров, тогда мгновенно погибнуть не должны, однако серьезный урон получим. Его убирает стоящая прямо за мостом Белл, применив «Цитрон колл, режим один». К тому времени, когда мы с Рейкер добираемся почти до самого подножия моста, Кроу должен уже быть перед южными воротами, возле «алтаря четырех богов». Ардор Мэйден появляется там, Кроу ее подбирает, сразу взлетает и разворачивается на сто восемьдесят градусов. Снова летит над мостом на юг, пролетает над Судзаку и убирается с ее территории. Все.

Дослушав быстро выложенные указания, Харуюки перевел дыхание.

С учетом их состояния и боевой мощи это было оптимальное решение. Простое, как все гениальное. После того как они начнут, переговариваться для лучшей координации будет даже не нужно.

Однако в этой схеме не хватало одного «метода» и одного «фактора».

Метод: как совместить по времени нырок Утай из реального мира сюда и скоростной пролет Харуюки? Фактор: в указаниях Черноснежки не было упомянуто одно имя.

Словно прочтя эти вопросы в мыслях Харуюки, Черноснежка произнесла, чуть понизив тон:

– Полагаю, вы все заметили, что для успеха плана очень

важно контролировать время появления Утай в Безграничном нейтральном поле до секунды. И способ есть только один – кто-то должен выйти из поля и сообщить Утай нужный момент. Эту задачу… поручаю тебе, Сиан Пайл.

– Есть, командир, – тут же ответил Такуму.

Однако Харуюки показалось, что все же этот ответ прозвучал чуть медленнее обычного.

Для общего успеха плана задача Такуму связаться с Утай в реальном мире была чрезвычайно важна. Однако нельзя отрицать, что Такуму был выбран по принципу «последний оставшийся». Умный Такуму наверняка все понял еще до того, как Черноснежка объяснила весь план. Понял, что он единственный из всех не будет рисковать жизнью в бою с богом.

Следует ли сейчас что-то сказать? Харуюки колебался. Однако он понимал, что, что бы ни сказал, лишь ранит этим гордость Такуму. Фуко и Тиюри, всегда умеющая разрядить атмосферу в подобных ситуациях, тоже молчали.

Секундное молчание разрушил сам Такуму. Естественным голосом он произнес:

– На этот раз наш враг – летающий. Я заточен под ближний бой, для меня он слегка неудобен. Так что роль связного возьму на себя с радостью. …Но, командир, в будущем, когда будем разбираться с Гэмбу или с Бякко, врагами ближнего боя, я тоже хотел бы принять участие.

На эти слова, произнесенные обычным спокойным тоном, Черноснежка медленно кивнула.

– …Да, когда до них дойдет дело, Пайл войдет в ударную группу. Надеюсь, что ты… станешь достаточно силен, чтобы как следует их поколотить.

– Да, непременно… непременно, – ответил Такуму, словно убеждая самого себя, и энергично кивнул. Черноснежка развернулась в прежнем направлении, сделала глубокий вдох и произнесла:

– Итак… еще вопросы есть? Не стесняйтесь, времени у нас полно. Я сказала Мэйден, что ей придется ждать не больше пяти минут, так что, если хотите поговорить, у нас целых три дня.

– Эмм, будет жалко, если мы заставим Мэй-тян ждать, семпай! – воскликнула Тиюри. Похоже, она уже определилась с тем, как звать Утай в Ускоренном мире. Наверняка она и для реальности тоже придумает какое-нибудь ласковое прозвище.

Ну и ладно, я тоже не буду ее звать «Синомия-сан», а придумаю прозвище какое-нибудь. Интересно, если я придумаю что-нибудь короткое, как с «Нико» было, скажем, «Уй», она рассердится?..

Поймав себя на подобных бесполезных мыслях, Харуюки поспешно выкинул их из головы.

Этим шансом – поговорить со всеми – можно воспользоваться, чтобы обсудить одну вещь. Проблему не менее, а может, и более важную, чем операция по очищению от «Доспеха бедствия». Конечно, речь о тихо расползающемся по Ускоренному миру паразитирующем объекте – «ИСС-ките».

Однако после нескольких секундных колебаний Харуюки передумал.

Сейчас все члены легиона должны стопроцентно сосредоточиться на спасении Ардор Мэйден. Нельзя отвлекать их разговорами, не связанными напрямую с этой целью.

Кроме того, ИСС-кит видел вблизи не только Харуюки. Утай, напрямую сражавшаяся своей инкарнацией с обладающим этим «китом» Буш Утаном, должно быть, ухватила его суть гораздо лучше. А раз так, правильнее будет отложить обсуждение этого вопроса до того момента, когда они спасут аватар Утай и она официально вернется в «Нега Небьюлас».

Поэтому Харуюки оставил свои мысли при себе. Остальные – и Тиюри, и Такуму, и Фуко – тоже хранили молчание.

Медленно обведя взглядом лица своих товарищей, Черноснежка энергично кивнула.

– …Так. Похоже, духовно вы все готовы. Прежде чем мы начнем – еще одно указание для Лайм Белл. Если произойдет что-то неожиданное и Судзаку убьет всех находящихся на мосту, ни в коем случае не пытайся нас спасать. Выходи в реальный мир через ближайший портал и выдерни кабель, соединяющий нейролинкер Кроу с домашним сервером. Ясно?

Голос ее прозвучал сурово. Необходимость довериться этому последнему средству безопасности будет означать, что не только Утай, но и Черноснежка, Фуко и Харуюки попали под «бесконечный ЭК».

Однако Тиюри решительно вскинула голову в заостренной шляпе и кивнула.

– Да, семпай.

– Рассчитываю на тебя. …Ну что, начали? – спокойно, как будто речь шла об обычном еженедельном сражении за территорию, сказала Черноснежка. И тут же она повернулась к Такуму и мягко произнесла: – Теперь, Пайл, ты отправляйся к порталу у входа в Главное управление полиции. Оттуда подай сигнал к началу боя, отправив в небо свой «Лайтнинг Сиан Спайк», и сразу отступай в реальный мир. Как только Утай увидит, что ты очнулся, она тут же нырнет. На эту передачу эстафеты понадобится одна секунда реального времени,

следовательно, здесь пройдет шестнадцать минут сорок секунд. За это время Кроу и Рейкер должны отступить на двести метров вниз по улице Сакурада и занять позицию для взлета. За минуту до появления Утай я вхожу на мост. Рейкер, как только увидишь Судзаку – взлетай. Затем все пойдет, как запланировано.

– Есть, командир. Ну ладно, Рейкер-сан, Белл, Кроу – рассчитываю на вас.

Вместо ответа Харуюки выставил правый кулак. Такуму стукнул по нему своим левым и быстро развернулся. И, не оглядываясь больше, синий аватар побежал к зданию Главного управления полиции. Вскоре он пропал из виду.

Несколько секунд спустя в обложенное густыми облаками небо взмыла молния. Поскольку напротив стояло здание Министерства внутренних дел, а рядом с ним – громадина Высшего суда Токио, то этот свет был виден только от того места, где стояли Харуюки и его товарищи.

Итак, через шестнадцать минут сорок секунд Утай Синомия – Ардор Мэйден – появится на противоположном краю моста. И Харуюки должен будет любой ценой схватить ее и доставить сюда, на эту сторону.

– Ну что ж, Кроу. Нам тоже пора идти. Белл, береги Лотус, – и Фуко хлопнула Харуюки по плечу.

– Да… да! …Семпай, эээ, в общем… я буду очень стараться, так что…

Лишь это ему удалось выжать сквозь сдавленное от напряжения горло. Фиолетово-синие глаза Черноснежки пристально смотрели на него, и наконец она коротко ответила:

– Да, я в тебя верю.

Следующие пятнадцать минут казались длинными, как вечность, и в то же время стремительными, как водопад.

Стоя рядом со Скай Рейкер, уже надевшей свой «Ураганный двигун», Харуюки изо всех сил пытался сосредоточиться, но сам не мог понять, то ли это ему удается, то ли, наоборот, он тонет в праздных мыслях. В Безграничном нейтральном поле с танцующими в воздухе снежинками царила глубокая тишина; казалось даже, что само время замерзло.

Даже на расстоянии в семьсот метров – часть улицы Сакурада плюс мост – возвышающиеся к северу гигантские ворота не утратили своего угрожающего величия. Взгляд Харуюки упирался в них, точно они закрывали от него весь мир.

– Два с половиной года назад… учитель и остальные пытались прорваться через эти ворота… – почти непроизвольно вырвалось у Харуюки. Фуко рядом с ним еле заметно улыбнулась.

– Не только прорваться через ворота… но и атаковать саму крепость.

– А, в-вот как…

Да уж, первый «Нега Небьюлас» был куда более горячей компанией, чем нынешний, это факт. При этой мысли Харуюки вздохнул, и вдруг у него в голове всплыл вопрос.

– …Но почему нужно было атаковать всех четырех богов сразу? Семпай вчера сказала, что эти боги – это единое целое… но ворот-то четыре, и, если бы весь легион атаковал одни какие-нибудь, не лучше бы было?..

– …Люди, которые думали так же, уже пробовали. И тогда поняли, что четыре бога действительно связаны между собой. Если атаковать кого-то одного, остальные трое его очень быстро лечат. Сегодня, поскольку мы не собираемся их побеждать, это не имеет значения.

– …А, по-понятно…

Ну да – идею, которая пришла Харуюки в голову, разумеется, уже опробовали. Кивнув, он пробормотал с тенью вздоха в голосе:

– Вот как… Ну да, конечно, в эту крепость легионы уже много раз пытались прорваться. Нет, даже не только в крепость императора… Исследовали необследованные места, придумывали разные новые тактики… Эх, жаль, что я сам не стал Бёрст-линкером раньше…

– У-ху-ху, что ты такое говоришь, Ворон-сан, – со смехом перебила его Фуко и вдруг крепко обняла обеими руками. «Уааа?!» – мысленно завопил Харуюки, задеревенев, и тут в ухе у него раздался озорной шепоток: – Все только начинается. Для тебя, Ворон-сан, и для твоего «Брэйн Бёрста» все только начинается. Нет, не только для тебя… И для меня, и для Лотус тоже. Мы думали, что эта дорога уже закончилась, а на самом деле она идет и идет… в бесконечность. И понять это нас заставил ты.

Держащие его сзади руки сжались сильнее. Рождающийся у самого уха Харуюки голос, будто растапливая холод арены «Снег и лед», нес с собой тепло.

– …В серебряных крыльях Ворона-сана есть сила распахнуть этот мир. Твое будущее безгранично. Я хочу своими глазами увидеть, как ты летишь на крыльях. И Лотус так же считает, и Мэйден, я уверена, тоже. …Кстати, пора нам с ней поздороваться. Пора.

И мягко разжала объятие.

Сознание Харуюки незаметно для него самого полностью очистилось, его переполняло лишь одно стремление.

Лететь. Лететь, и ничего больше. Потому что это

доказательство самого существования рожденного в сердце Харуюки аватара по имени Сильвер Кроу.

– …Да! – энергично кивнул Харуюки. Скай Рейкер повернулась к нему спиной и встала на колени. Харуюки пристроил правое колено между двумя реактивными двигателями на ее спине – Усиленным вооружением под названием «Ураганный двигун» – и крепко вцепился ей в плечи.

– Готов!

Фуко кивнула и застыла неподвижно, пристально глядя вперед, на мост.

Там, у подножия, виднелись две маленькие фигурки. Блэк Лотус и Лайм Белл. Секунд через десять Лотус подняла правую руку-меч – и резко махнула вперед.

Глава 11

Черный король Блэк Лотус двинулась вперед в одиночку.

Ступила на здоровенный, пятисотметровый мост, тянущийся от южных ворот Императорского дворца. Руки разведя в стороны и назад, тело наклонив до предела вперед, она понеслась, взрезая лед под ногами.

В центре квадратного алтаря на противоположном конце моста, к которому она стремилась, тут же с хлопком вспыхнул алый огонь.

Огонь, свиваясь в воронку, стремительно разрастался. Миг – и уже весь алтарь шириной метров двадцать превратился в огненное море. И из этого моря начало появляться нечто… гигантское, жутко кошмарное нечто.

Едва это увидев, Фуко с Харуюки на спине выкрикнула:

– Поехали!

«Ураганный двигун» под Харуюки заревел. Бело-синяя огненная струя подсветила все окружающее, лед на улице вмиг испарился. Невероятная тягловая сила бросила два дуэльных аватара вперед и вверх, словно из катапульты.

Воздух стонал в ушах. Сражаясь с давлением набегающего потока, Харуюки изо всех сил вжимался в спину Фуко. Здания по обе стороны размазались в летящее назад голубое пятно. А рев двигателей все усиливался.

Двухсотметровый участок улицы, отведенный для разгона, остался позади почти мгновенно. Следом назад улетел и Т-образный перекресток с Лайм Белл, уже приготовившей колокол в левой руке. Над мостом двое взмыли в небо и, поднявшись на тридцать метров, понеслись вперед на предельной скорости.

Пока они летели, рожденное из огненного моря нечто обретало четкую форму.

Сначала, рассыпав в стороны множество капель, сверкающих, точно расплавленный металл, распростерлись два гигантских крыла. Их размах был почти с ширину моста. Перья походили на демонические огненные мечи. Танцующие в воздухе снежинки испарялись задолго до того, как успевали прикоснуться к этим крыльям.

Потом между крыльями появились могучие плечи, из них выросла чуть удлиненная шея. Она поднялась, слегка изогнувшись, и на ее конце начала материализоваться голова.

Заостренный плюмаж из перьев, похожий на драконий рог. Длинный, острый клюв. И – два глаза ярче пламени, краснее рубинов.

Чудовищная огненная птица, страж крепости императора, энеми класса «супер», один из четырех богов – Судзаку запрокинула широко раскрытый клюв к небу и издала душераздирающий вопль.

Когда этот вопль, точно мощные громовые раскаты, сотряс весь мир, Харуюки увидел. По обложившим небо густым облакам пошли кольца ряби – а миг спустя эти облака разметало в стороны.

Что это.

Что это за штука. Это энеми? Бездушный монстр, которым управляет программа «Brain Burst»?

Нет. Это… эта птица живая. Она в ярости, что ее сон потревожили, и хочет изжарить незваных гостей. Как будто само ее существование – это квинтэссенция стремления атаковать и не пустить. Да, громадный, очень громадный комок образов…

Это тело – скопление «разрушающей инкарнации» в чистом виде.

Едва Харуюки это понял, как почувствовал, что его собственная жажда полета пошатнулась.

Он застыл. Все его пять чувств атаковало такое невероятное ощущение мощи, с которым он никогда еще не встречался в Ускоренном мире, – даже «шесть королей чистых цветов» несколько дней назад не подавляли Харуюки так сильно. У него перехватило дыхание.

«Так нельзя. К такому… к такому приближаться нельзя…» – пронзила слабая мысль онемевшее сознание.

Однако Скай Рейкер не останавливалась. Напротив, рев ее «Ураганного двигуна» все усиливался, реактивная струя тянулась кометным хвостом. Впереди гигантская птица, захлопав крыльями, двинулась с алтаря. Несмотря на ускоренное сознание Харуюки, дистанция между ним и птицей сокращалась с ужасающей быстротой.

Его руки задрожали, кончики пальцев готовы были вот-вот соскользнуть с плеч Рейкер…

Как вдруг.

Из тела стоящей внизу, всего в нескольких десятках метров, Блэк Лотус хлынул слепящий свет.

«Оверрей» инкарнации. Цвет – чисто красный, не уступающий даже огненной птице. Миг спустя от яростного жара Черноснежки раскололся весь мир.

– Ооооооооо!!!

Плотность оверрея удвоилась. Аватар сиял уже, как звезда, и тут раздался холодный голос:

– «Овердрайв»!!! «Мод ред[27]»!!!

Эта команда была Харуюки незнакома. И с ее последствиями он тоже встретился впервые.

По черной броне Блэк Лотус в разных местах побежали ярко-красные линии. Одновременно изменился дизайн правой руки-меча. Она стала раза в полтора длиннее, у острия сузилась, а самый конец принял форму острого ромба. Это был уже не меч – а копье.

Черноснежка отвела это копье до отказа назад, левую руку-меч положила горизонтально, крест-накрест с правой.

Окутывавший все ее тело оверрей стек на копьё и собрался в точку на самом острие.

– «Разящий меч»!!!

С ревом, как от реактивного двигателя, который вполне соперничал по громкости с воплем гигантской птицы, громадное багровое копье рванулось вперед метров на сто как минимум и…

…шикарным образом вонзилось прямо в мощную грудь Судзаку. Окутывающий энеми огонь брызнул в воздух, точно кровь.

И Харуюки отчетливо увидел. Полоса хит-пойнтов Судзаку, настолько громадная, что она была расположена в пять слоев, едва заметно, но явственно укоротилась.

Семпай. Черноснежка-семпай.

Почему ты… почему ты такая сильная…

Эту мысль, промелькнувшую у него в голове, вместе с поднявшейся откуда-то из живота эмоцией Харуюки перечеркнул.

Она «сильная»? Нет. Это вовсе не так, я уже знаю. Она «пытается быть сильной». Ради себя. Ради кого-то еще. Ради чего-то важного, что сияет в ее сердце.

И я тоже. Я тоже, хоть мне и не хватает ни силы, ни ума, ни всего остального – все равно я стараюсь смотреть вперед. Это и есть настоящая сила, которая с самого начала дана всем. Смотри вперед, вдохни, расправь плечи… ну, кричи!!!

– УОООООООО!!!

И на этот вопль Харуюки тут же откликнулась Фуко:

– Лети!!!

– Пошел!!!

И, расправив крылья за спиной – изо всех сил завибрировав десятью металлическими пластинами – Харуюки полетел.

Свистящий в ушах воздух сгустился, превратился в стену. Эту стену, вытянув руки перед собой, Харуюки пронзил сиянием инкарнации на кончиках пальцев. И вдруг давление ушло. Став лучом серебряного света, Харуюки несся вперед.

Впереди и чуть внизу виднелась стремительно надвигающаяся громадная туша Судзаку. По аватару ударила волна жара – горел словно сам воздух. Однако страха уже не было. Потому что Харуюки был не один. Сзади его поддерживали Черноснежка, Фуко, Тиюри, Такуму.

И девочка, готовящаяся впервые за два с половиной года выйти в Безграничное поле, – она тоже.

Они были знакомы всего два дня, но Утай Синомия,

несомненно, уже заняла место в сердце Харуюки. Не потому, что ей предстояло очистить его от «Доспеха бедствия». И не потому, что она должна была усилить боевую мощь легиона. Но он хотел, чтобы она вступила в новый «Нега Небьюлас» и стала его товарищем.

Ради этого он сейчас летел. Без страха, без дрожи, только вперед. Вперед.

Летящий серебряной стрелой на высоте тридцать метров Сильвер Кроу пронесся над птицей Судзаку, с ревом наступающей по мосту, – посыпались огненные искры.

Судзаку по-прежнему двигалась на Черноснежку и приземлившуюся рядом с ней Фуко. Теперь им обеим предстояло оттягивать энеми назад, к тому краю моста. Харуюки оставалось лишь верить в то, что им удастся.

На алтаре прямо по курсу Харуюки, где по-прежнему плясали огоньки, вдруг родилось ярко-алое сияние.

Это она. Утай – Ардор Мэйден. Идеальная стыковка. Такуму с ролью связного справился на отлично.

Красно-белый аватар-жрица материализовался практически мгновенно. До него уже и сотни метров не было. Харуюки, готовясь подобрать Утай, начал было снижать…

…ся – как вдруг.

– Харуюки-кун!!!

Полный изумления, страха и отчаяния – крик.

В Ускоренном мире звать человека по реальному имени – естественное табу, и тем не менее именно это донеслось сзади, а следом:

– Беги!!! Сейчас же беги!!!

– ?!

Ни черта не понимая, что происходит, Харуюки кинул быстрый взгляд через плечо.

И увидел.

Судзаку, изогнув крылья, разворачивалась влево. Вывернув длинную шею, она смотрела своими рубиновыми глазами на верхний край моста – нет, прямо на Харуюки.

Вне всякого сомнения, она сменила цель. Но почему? В ее груди по-прежнему сверкал спецэффект от «Разящего меча» Черноснежки. А Харуюки к ней даже не притронулся. У нее просто не было повода им интересоваться…

Эти мысли хаотично мелькали у Харуюки в голове – и вдруг ему почудилось, что он слышит голос.

Он шел от энеми, который, казалось бы, должен просто передвигаться без всякой цели. И в этом голосе был гнев – а может, насмешка.

…Жалкая букашка. За глупое посягательство на мою территорию тебя ждет расплата. Я тебя одним выдохом…

…испепелю.

Гигантский клюв распахнулся на всю ширину.

В полной черноты глотке замелькали огоньки. Атака дыханием. Прямое попадание означает мгновенную смерть, можно даже не сомневаться.

«Беги, Харуюки-кун!!!»

Снова крик Черноснежки.

Миг – нет, даже это слово не подходит – наимельчайшую частицу времени Харуюки колебался.

Если он сейчас взлетит свечкой, то, возможно, увернется от дыхания. И если он поднимется на максимальную высоту, полтора километра, то, может, Судзаку и не погонится. Но… но.

Харуюки под серебряным шлемом заскрипел зубами.

И принял решение.

Не отступать. Сбегать нельзя. Если он сбежит, то Судзаку нападет на ждущую Харуюки в считанных десятках метров впереди Утай Синомию и убьет ее.

Если так случится, вряд ли Утай будет винить Харуюки, когда тот вернется в реальный мир. Скорей всего, просто напечатает со своей обычной сверхскоростью: «Ты ничего не мог поделать».

Но на самом-то деле он может. Потому что здесь и сейчас Харуюки сам выбирает свой путь. Потому что ему даны крылья, чтобы продолжать лететь вперед, и тогда шанс спасти Утай хоть микроскопический, но будет.

– У… о…

Снова приклеившись взглядом к алтарю, Харуюки из самой глубины живота выжал голос.

– О… о… ооооооо!!!

С этим воплем Харуюки напряг волю так, что, казалось, синапсы в голове поджариваются, и заработал крыльями изо всех сил.

Свет, собравшийся на концах вытянутых до предела рук, разлился по всему телу. Харуюки, окутанный серебряным оверреем своей единственной инкарнационной техники, «Лазерного меча», несся вперед.

Он почувствовал зарождение абсурдно колоссальной энергии у себя за спиной. Из глотки Судзаку вырвалась струя пламени, способная вмиг испарить все на свете, и понеслась вперед, окрашивая мир в багровый цвет.

«Харуюки-кун!!!»

«Ворон-сан!!!»

«Харууу!!!»

Едва-едва коснулись его сознания эти три возгласа, но и их он вытряхнул. Став лучом света, Харуюки продолжал нестись вперед.

Семпай. Я обещал тебе, что, если ты прикажешь удирать, я буду удирать. Потом я буду долго, очень долго извиняться. Но… чтобы остаться самим собой, я обязан делать то, что делаю.

Эта мысль промелькнула белой искрой и погасла, осталась лишь воля, тянущая его дальше, дальше вперед.

Алтарь стремительно надвигался. Ардор Мэйден неподвижно стояла в его центре; судя по всему, она пока что не вполне поняла ситуацию.

Не сводя взгляда с хрупкой фигурки жрицы, Харуюки беззвучно прокричал:

Руки!!!

И, словно очнувшись, Ардор Мэйден вскинула свои тонкие руки.

Снизившись до высоты один метр над мостом, Харуюки тоже вытянул обе руки. Контакт – крепко сцепились –

В следующее мгновение Харуюки изо всех сил дернул аватар Утай на себя и обхватил за грудь.

Держись!!!

Снова безмолвный выкрик – и, как только руки Утай крепко обняли его за шею, Харуюки снова взмыл. Теперь разворот на сто восемьдесят – и отступать…

Внезапно все вокруг изменило цвет.

Красный – в диапазоне от оранжевого до малинового. Цвет пламени.

Все тело аватара застонало. Огненное дыхание Судзаку нагнало его. Несмотря на то, что сам огонь еще не коснулся Харуюки, его полоса хит-пойнтов в левом верхнем углу поля зрения сокращалась с ужасающей быстротой.

Так не пойдет – подняться он не сможет. Если его скорость хоть чуть-чуть упадет, пламя достанет его, и он расплавится.

Придется лететь прямо вперед. Однако там, впереди, высились будто вытесанные из камня громадные ворота.

Чтобы сохранить минимальное достоинство – придется разбиться об эти ворота? Нет, самоубийство недопустимо. Надо выжить. И вернуться вместе с Утай. И я это сделаю.

– Открывайтесь!!! – заорал Харуюки, чувствуя, как горит лицо его аватара.

И одновременно Утай в его объятиях тоже прокричала:

– Открывайтесь!!!

Но обложенные толстым слоем индигово-синего льда ворота, словно насмехаясь над двумя человечками, оставались

неприступно-закрытыми…

Нет.

Свет…

Между высоченными створками ворот
появилась тоненькая ниточка белого света.

Глава 12

Тишина.

Холодно. И твердо.

Он лежал на правом боку на твердой холодной поверхности.

Он весь закоченел. Не мог заставить руки и ноги двигаться.

Однако руки ощущали странное тепло. И – тук, тук – какую-то слабую пульсацию. Это –

– …Немножко тяжело.

Внезапно этот голос.

Харуюки резко распахнул глаза. Прямо перед ними были другие глаза-линзы – ярко-красные, круглые и миленькие.

– А… – вырвалось у него, и он с трудом разжал задеревеневшие руки. Симпатичное лицо-маска совсем чуть-чуть отодвинулось.

– …Си, Сино… то есть нет, Мэй-сан?.. – дрожащим шепотом произнес он. Маска коротко кивнула, и ясный голос тихо ответил:

– Да. Ты спас меня, Ку-сан.

При этих словах все его тело резко вздрогнуло.

Он не мог вспомнить, что же произошло. Он подобрал стоявшую на алтаре Ардор Мэйден… потом удирал от надвигающейся волны огненного дыхания Судзаку… воткнулся прямо в закрытые крепостные ворота…

И что потом случилось? Не может быть, неужели они оба умерли? И сейчас в состоянии «призрака»?

…Нет, если бы так было, перед глазами все стало бы однотонным. А я сейчас четко вижу рубиновый блеск глаз Утай.

И все же Харуюки не в силах был поверить, что им удалось удрать от того кошмарного испепеляющего огня. Он сипло спросил:

– Эмм… мы живы, да?..

Утай снова кивнула.

– Мы живы. Но… эммм, но…

Конец ее фразы задрожал и растворился в холодном воздухе.

Ардор Мэйден оббежала взглядом холодное, сумрачное пространство, которое их окружало, и…

…еле слышным шепотом сообщила Харуюки:

– …Мы… сейчас внутри «крепости императора».

Послесловие автора

Я Рэки Кавахара. Перед вами «Ускоренный мир 6: Жрица очистительного огня». Возможно, среди всех вышедших томов на написание этого у меня ушло больше всего времени, но получили ли вы от него удовольствие?..

Мне как писателю много чего не хватает (терпения, амбициозности, умения работать дома…), но самая большая проблема – нехватка «умения правильно закончить историю».

Говоря откровенно, за более чем восемь лет, прошедших с того времени, как я начал писать веб-романы, и до нынешнего времени я написал огромное количество самых разных вещей, и ни одну из них я не сумел нормально закончить! И самая первая моя большая работа «Sword Art Online», и первая изданная работа «Ускоренный мир» завершаются тем, что «наши битвы только начинаются!» (Меня бросает в холодный пот при мысли, что я все-таки умудрился получить приз…)

Не хочу сказать, что «Ускоренный мир» будет сколь-нибудь скоро завершен, но я пишу его уже довольно приличное время и до сих пор думаю: «Как же мне закончить эту историю?..» Однако до сих пор так и не придумал (lol). Мне приходят в голову самые безумные идеи насчет того, как история может продолжаться, но не придумывается, как она заканчивается; у меня такое ощущение, что для писателя это плохо.

Впрочем, я как читатель сам очень люблю истории с так называемым «открытым финалом». Хронологическое повествование, заканчивающееся описанием дальнейшей жизни главных героев, – это, конечно, приятно, но также мне хочется создать ощущение того, что «их история продолжается и дальше»… Даже в RPG я обожаю такие вещи, как «мир после прохождения игры» (lol). Если когда-нибудь я сделаю игру, там после ее концовки будет еще втрое больше всего! А лучше – кто-нибудь, сделайте такую игру, пожалуйста!

Я отвлекся. Поскольку у меня уже сейчас есть серьезное предчувствие, что у «Ускоренного мира» будет концовка типа «наши битвы…», я начну извиняться заранее. Простите меня!

Иллюстратору HIMA-сан, которая, несмотря на доставленные мной проблемы (с этим томом я задержался еще сильнее, чем с предыдущим), нарисовала потрясающую обложку, и редактору Мики-сану, с радостью одолжившему несчастному мне триста иен, когда я забыл кошелек, – огромное спасибо! А вам всем, кто дочитал до конца тома и снова уткнулся в «Продолжение

следует», – мои извинения! В следующем томе я, наверное, честно закончу! И Так-кун, наверное, примет более активное участие!

Один прекрасный день в августе 2010 года
Рэки Кавахара

notes

1

Игра слов. Использованные кандзи напрямую переводятся как «физические агрессоры», а английский термин звучит как Physical Knockers (PK). Здесь прямая ассоциация с Player Killers, убийцами игроков в обычных MMO. *Здесь и далее – прим. Ushwood.*

2

Blue knight – (англ.) «синий рыцарь».

3

Кабуто – классический самурайский шлем, полукруглый с прикрепленными пластинами для защиты шеи. Хатиганэ – наголовная повязка с металлическими пластинами для защиты лба, использовалась самураями и ниндзя в качестве легкой замены шлема.

4

Cobalt blade – (англ.) «кобальтовый клинок». Mangan blade – «марганцевый клинок».

5

Aurora oval – (англ.) «овал полярных сияний». Так называется область на Земле, над которой в данный момент можно видеть полярное сияние.

6

Purple thorn – (англ.) «фиолетовый шип». Слово purple японцы произносят через «а».

7

Tempest – (англ.) «буря».

8

Strife – (англ.) «борьба, соперничество».

9

Aster vine – (англ.) «астровая (т.е. цвета астры) лоза».

10

Ivory tower – (англ.) «башня из слоновой кости».

11

Oscillatory universe – (англ.) «осциллирующая вселенная».

Originator – (англ.) «прародитель».

13

У детей в Японии этот жест означает обещание, которое нельзя нарушать.

То есть «дополненная реальность».

15

Хакама – широкие штаны. Сейчас используются в основном как часть спортивного костюма в восточных единоборствах.

16

Даймё – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. «Четыре небесных царя» – изначально буддийский термин, обозначающий четырех богов, оберегающих четыре стороны света. Позже он стал применяться в Японии к четверкам знаменитых вассалов или полководцев, служивших выдающимся даймё.

17

Омикудзи – продающиеся в буддийских и синтоистских храмах бумажные полоски с предсказанием судьбы.

18

Olive glove – (англ.) «оливковая перчатка».

19

Dark blow – (англ.) «темный удар».

20

Dark shot – (англ.) «темный выстрел».

21

Study kit – (англ.) «набор для изучения».

So bad – (англ.) «Как плохо».

23

Boys-n-girls (англ.) – «мальчики и девочки», nothing – «ничего».

24

В японском языке уханье совы изображается как «хо: хо:».

25

Судзаку – один из четырех китайских знаков зодиака, алая птица, покровитель юга и лета.

26

Остальные три китайских знака зодиака: лазурный дракон Сэйрю (восток), белый тигр Бякко (запад) и черная черепаха Гэмбу (север).

27

Overdrive, mode red – (англ.) «перегрузка, красный режим».